

июль 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Народ, живший когда-то в горах Урала

А. СЛЕПУХИН
 Н. БЕРДЮГИНА А олени — лучше.....2

Маршруты «Уральского следопыта»

Н. ГЕЛЕВЕРОВ Уральское высокогорье.....8

Путешествие по Уралу. Южный Урал

Д. АРТЕМЬЕВ Веломаршрут.....15

А. ОРЛОВА Сплав по весенней Сакмаре.....21

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес

Т. КИГИМ Кузнецовая дочка.....28

Законы Вселенной

Е. ГАМАЮНОВ Поймать молнию.....40

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Симеонова тропа

О. МОРОЗОВ
 Е. ДОЛЖЕНКО Урал между веками.....46

Далекое - близкое

А. РАШКОВСКИЙ Будучи другом «Уральского следопыта».....50

Р. ХАКИМОВ Пасынки атомного объекта.....52

В. СТРУГАНОВ Деревня моя, Колмогорова.....59

Родословная

Н. ПОЗДНЯКОВА Караванный Герасим Тимофеев.....63

Версия

А. КОЗЛОВ Раскрыта тайна астрологических гороскопов.....65

К. КАБАЕВ Славянский глобализм.....69

Мемуары

Р. ТОЛМАЧЕВА Верхотурский Кремль — начало шестидесятых.....71

Литературное краеведение

Е. ГУТ Любовь и картошка.....74

М. ФОНОТОВ
 В. САДЫРИН Изгой смиренный.....3 пол. обл.

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Худ. редактор, верстка — С. И. Кормильцев

Набор — В.М. Кадочникова

Корректор — Л.В. Юсупова

Рекламная служба —

com@uralstalker.com

Интернет — Е. Марков

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.
- Виктор Байдуков

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректурскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

**Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
 2007**

Алексей СЛЕПУХИН, Наталья БЕРДЮГИНА
 Фото В. Мухтарова, А. Слепухина

А олени – лучше...

Конец двадцатого века – начало третьего тысячелетия. В эпоху интернета, новых технологий, мощных проектов освоения недоступных, ранее полудиких земель (например, президентский проект «Урал промышленный, Урал полярный»), «дележки» ранее всеобщего блага, сумасшедших скоростей, когда жизнь представляет собой гонку за мифическим благополучием, – в это время незаметно исчезают один за другим представители одного из коренных уральских народов – манси. На Среднем и Северном Урале, т.е. в нынешних пределах Свердловской области, остается менее двух сотен человек, из которых не более пяти десятков те, кого еще можно назвать этническими манси. Остальные представители – от смешанных браков манси. И самое обидное, что этот народ прозябает почти без средств к существованию, без традиционного уклада и ремесел, и, в общем-то, без дела, забывая древние навыки стариков-манси, некогда гонявших большие стада на Урал...

Алексей Слепухин,
 путешественник, врач,
 действительный член
 Русского Географического
 Общества, директор
 Команды Искателей
 Приключений

Наталья Бердюгина,
 врач, действительный
 член Русского Географического
 Общества, заместитель
 директора
 Команды Искателей
 Приключений

ОЛЕНИ

Олени – незаменимые для любого манси существа. Каждый раз, когда манси, причмокивая, при мне обсуждают, какое вкусное оленьё мясо, я понимаю, что именно олени были той отправной точкой в развитии каждой личности этого народа. Подтверждение тому стопка фотографий из разных семейных архивов и рассказы стариков, помнящих, как пасли стада на Урале. На этих фотокарточках манси всех возрастов ловят тынзяном (арканом) олесек, запрягают, катаются, собирают нехитрый свой скарб в нарты. Вот маленький мансенок пытается перетянуть взрослого оленя – сызмальства он привыкал к этому непростому делу – каслать (кочевать) оленей на Урал, ухаживать за ними, обрабатывать шкуры, кости, изготавливая одежду и необходимые предметы быта. Олени всегда были целым миром для мансийцев. Кроме одежды и мяса, олень давал возможность использовать нити сухожилий, кости для различных ремесленнических нужд. Кроме того, олень всегда был прекрасным средством передвижения для манси. Причем как зимой, так и летом.

Вот давайте об этом и поговорим в нашей новой статье.

Так сколько же было оленей у манси? В те стародавние времена, что успели застать первые путешественники (Паллас), исследователи-этнографы (Регули, Каннисто), да и просто любопытствующие ученые мужи, безусловно, канули в небытие. По этим давним запискам выходит, что стада были совсем разные в мансийских родах. Кто-то был богат: его род мог похвастаться стадом до нескольких тысяч голов. К этим манси явно благоволил Нер-Ойка, грозный хозяин Урала и всех оленьих стад. Другие имели лишь скромные и небольшие по численности хозяйства. Но и те, и другие зависели от болезней животных. Бывали случаи, когда падеж среди оленей был просто чудовищным по размерам и скорости эпидемии. Но это было в далекие времена.

А что же успели захватить мы в XX веке? Что уносим с собой в новую эпоху? Каковы на самом деле были успехи у мансийского народа во времена социалистического и постсоветского периодов?

Мы уже упоминали, что нашему исследовательскому коллективу удалось найти несколько прелюбопытнейших документов экспедиций разных лет, в которых без прикрас описывается реальная ситуация и положение мансийцев.

Давайте познакомимся с рядом путевых заметок. Так, в документах экспедиции Облесполкома Свердловской области в Ивдельский район (1935 год) говорится следующее:

Бахтияров Евгений: лесовать (т.е. охотиться – прим. авторов) будем – лучше будет. На перевозках оленей губим, очень много абортюв. В прошлом году работы (т.е. перевозки грузов на оленях для конторы Золотопродснаб. – Прим. авт.) было меньше, но абортюв (у оленей – Прим. авт.) было много. Нынче еще не считали.

Кугушев (руководитель экспедиционной бригады, заведующий отделом национальных меньшинств Облесполкома): Уралзолото, РАЙСО и другие не сохраняют оленьё поголовье, никакой зоотехработы не ведут, собрания с ними (манси. – Прим. авт.) не проводили.

Кугушев: Манси устают. Их силком гонят на работы, говорят: не поедут, оленей отберут.

Бахтияров Василий Петрович: работал на санях. 2 нарты, ходил три раза. В один раз деньги платили – 25 руб. за провоз 25 ящиков муки на расстояние 50-60 км. Один раз вперед на это тратил неделю, за два раза – 50 рублей. Не уплатили. Завскладом Шорин не давал записку, записку в карман положил. Из-за этого денег не давал. Этого Шорина я возил из Тошемки в Лангур в прииск и обратно за 60 руб. На дорогу он взял одну бутылку вина. Дорогой еще бутылку. Меня угощал, теперь денег не дает. Говорит, я тебя вином угощал. Денег стал требовать – он меня толкнул, я чуть голову не разбил. Неволин это видел – он подтверждает. Дело в суде разбиралось. Свели на нет. Суд был 29 апреля. Он же их и на пушнине обманывал. За перевозку груза он платил только 30 рублей. Надо было 75 рублей. Из 5 маток испортил пять, теленка нет.

Бахтияров Яким Иванович: 8 нарт ходил на Тресколье. 20 оленей, 8 быков и 12 оленьих маток. Сколько пропало, не знаю. На перевозку гнали меня и жену с 3-летним ребенком.

Экспедиция 1935 года, отрывки из которой мы здесь привели, показывает, как хищнически было поставлено «дело» этой же конторой Золотопродснаба: для них главное – выполнение своих задач. А то, что в результате этих работ (порой выполняемых манси насильственно, под давлением) происходил падеж, аборт и смерть среди домашних оленей – никого не волновало. К тому же не была организована и обеспечена ветеринарная поддержка оленьих стад манси. Итоги экспедиции показывают, что были массовые нарушения, среди которых «красной полосой» проходят злоупотребления по отношению к туземному населению со стороны мелких чиновников от Заготпушнины, Золотопродснаба, Уралзолото и др. Уже тогда возникали проблемы с оленьими стадами манси, с их использованием и поддержкой.

Данная экспедиция исследовала горные районы на Северном Урале в пределах Свердловской области, т.е. там, где олени стада всегда были больше и богаче. Но манси жили не только на Урале, а также и на восточных рубежах – в Зауралье.

Посмотрим, как там обстояли дела, погрузившись в архив другой экспедиции, организованной тем же Облисполкомом и отправленной в нынешний Гаринский район, только чуть позднее – в 1938 году.

Ганьжин, руководитель экспедиционной бригады: в колхозе «Красный туземец» в деревне Массаво обобществленных оленей при колхозе 11 штук, из которых 8 маток и 3 самца. Руководство колхоза не занимается развитием оленеводства, тогда как в округности деревни Вершина имеется мох ягель, идущий на питание оленей. Ветеринарной помощи не оказывается.

Он же: в деревнях Лямья-пауль и Суеват-пауль население занимается оленеводством. Всего насчитывается 799 старых оленей (молодняк не учтен), так как точные сведения владельцы оленей дают не охотно или вообще не дают. А проверить правильность их сведений не представилась возможность, т.к. стада оленей находились на пастбище в 500 км от этих мест.

А ведь еще совсем недавно известный пермский исследователь Вячеслав Мухтаров во время своих путешествий в середине 80-х годов отмечал, что в горах, в верховьях Вишеры, кочевали манси из Свердловской области. «Общая численность сборного стада была около 700 голов. Стадо сборное – из Тресколья (8 семей – 40 чел. Анямовы, Бахтияровы, Пеликовы), Кимг-Чупа-Пауля (2 семьи – 8 чел. Бахтияровы), Суеват-Пауля (2 семьи – 7 чел. Куриковы, Адины), Нижн. Пельма (1 семья – 3 чел. Самбиндаловы, Куриковы), Лепли (1 семья – 3 чел. Тасмановы)».

Многих манси из этих семей нет в живых, но живы те, кто прекрасно помнит те времена. Пример тому – Альбина Анямова, кочевавшая не один сезон со своим мужем Владимиром и ребятей на Урал. Она прекрасно помнит уже ставшие далекими времена традиционной жизни манси.

А что остается у последних манси сейчас? Как они передвигаются по своей «цивилизации на болотах»? Есть ли возможность хоть что-то сохранить для потомков?

ЛОДКИ

Традиционная мансийская лодка – долбленка, как и олени, уходит в прошлое. Маленькая и верткая, она была кормилицей и летом являлась единственным способом связаться с «большой землей» семье, живущей в летнем пауле в верховье реки или на ее притоке. На ходовые качества долбленки мало влияло количество воды в реке. Если не с веслом, то на шестах точно пройдет где угодно. Лодки ценились, передавались по наследству. На каждой реке они имели свою, неповторимую форму и размер, обусловленные особенностями реки и рельефом дна.

Так, для Лозьвы всегда изготавливались лодки с толстым днищем – река-то ведь горная, скаменистым ложем. Вот для большей прочности и долговечности и делали такие лодки. Зато пельымские манси для себя изготавливали более легкие лодки – Пельым река глинистая.

Обычные лодки для перевозки грузов всегда изготавливали длинными, чтобы осадка была минималь-

ной. Дело это трудоемкое, а продать такую лодку дорого сложно. Так, во время своей четвертой экспедиции на Пельым Семен Куриков (тогда еще живой и крепкий мужчина) показывал почти готовую пятиметровую лодку. Тогда, шесть лет назад, она стоила 2500 рублей. Сейчас цены немного изменились, но и в нынешнем варианте это не слишком-то успешный труд – его неохотно оплачивают, стараясь обмануть мастера-манси.

Сейчас долбленки уже не делают. Старики умирают, а молодежь не знает, как. Да и труд-то приличный! Сначала нужно найти подходящее дерево (чаще всего берут осину, т.к. она мягче и проще выдалбливается), затем долго обрабатывают. В конце концов, получается лодка, которая должна быть легкой, удобной (!) даже при всей своей верткости, а это получается только со временем. Такие лодочки не могут ходить под мотором – обычно использовали весла или шесты.

Отдельно хотелось бы сказать несколько слов о веслах. Каждый мастер готовил, естественно, свое весло. Такое, которое будет не только украшать лодку и его хозяина, но и отражать его представление о мире. Дело в том, что некоторые реки, так же, как и горы, в мансийской мифологии издавна считались священными. В них жили духи, имевшие серьезное значение в космогоническом представлении этого народа. Таков Вижай, правый приток Лозьвы. Сюда для поклонения Луссэм вит ялпынг отыр («Священный князь вод Лозьвы») или иначе Луссэм таях-ойка («Старик верховьев Лозьвы») – духу-покровителю

лосьвинских манси в устье Вижая на праздник съезжались многие манси, даже с берегов Северной Сосьвы. Обычно манси кропотливо вырезали весла, украшая их затейливой резьбой. Некоторые весла даже служили подарками, допустим, жениха отцу невесты. Подобные весла редко использовались в обычной жизни, лишь во время праздников.

Но, к нашему глубокому сожалению, сейчас изготавливать весла стало просто невыгодно.

Весла и шесты заменил мотор. Поэтому появилась острая зависимость от наличия бензина и масла. Ближайшая бензоколонка – в городе, до которого добираться больше сотни километров. Выручает Эмилич – мэр северных поселков (мы рассказывали о нем и его семье в предыдущих статьях). Почти из каждой своей поездки в Ивдель он привозит бензин и масло для своих подопечных, переливая в оставленные во дворе дома бочки. Потом сам же и развозит их нуждающимся. Делать он это не обязан. Но иначе ни снегоходы, ни моторные лодки у некогда независимого и свободного народа работать не будут. Можно еще купить бензин у геологов, но это получается дороже.

Из своей последней экспедиции по среднему течению Сосьвы (Гаринский район) мы привезли лодку-долбленку. Старая, с огромной трещиной в днище, тем не менее она остается легкой и изящной. Почти плоская форма днища позволяет пройти по любому мелководью. Но для того, чтобы управлять такой лодкой, требуется мастерство и сноровка, вырабаты-

ваемые с детства. Одно неловкое движение – лодка разворачивается на 180 градусов, а незадачливый рулевой летит в воду. Впрочем, все это в прошлом.

УЗКОКОЛЕЙКА (УЖД) И ПИЛА «ДРУЖБА»

Узкоколейка прочно вошла в жизнь манси с приходом ГУЛага. Изобретательный и находчивый народ быстро научился извлекать выгоду от прихода в тайгу железных машин. Манси не имеют технического образования, но с техникой обходятся по-свойски. Это для нас бензопила – только орудие для заготовки леса. Для манси – это средство передвижения по железной дороге и не только. Мотор от бензопилы служит прекрасным двигателем для самодельных дрезин. По железнодорожным путям на этой самой дрезине довозились покупки из поселковых магазинов до реки, а затем по воде до пауля. Красота!

Но все хорошее имеет неприятное свойство быстро заканчиваться. Последняя узкоколейка была разобрана и сдана в металлолом пару лет назад. Теперь 42 километра от Хорпии до Пельма, в верховьях которого до сих пор живут несколько семей – только пешком или зимой на снегоходе. Так, Куриковы, Хандыбины теперь могут посещать последние форпосты цивилизации (деревни Бурмантово и Хорпию) только с октября по апрель, в снежный период. В летнее время у них есть только один путь – вниз по Пельму. Через 200 километров они могут выйти к людям в поселок Пельм с одноименной

станцией. Этот непростой путь в последний раз проделал Семен Гаврилович Куриков перед своей смертью, пытаясь получить помощь от врачей, между прочим, Ханты-Мансийского округа, а не от свердловских.

А бензопила остается верной подругой. Она не только помогает в заготовке дров, но и обеспечивает семью электричеством. Предприимчивые манси приспособились использовать ее в качестве генератора. Правда, это только при наличии бензина и масла, а о проблемах с этим мы уже сказали чуть раньше. С ней в паузах теперь может и умеет обращаться всякий: и дети, и женщины.

СНЕГОХОДЫ

Олени остались в прошлом. Зимой их стало заменять новое средство передвижения – снегоход. Первоначально, в последние годы советской власти, сами снегоходы и особенно запчасти для манси доставались относительно легко – тогда еще была возможность выдавать представителям коренных народов этих «железных коней» и снабжать расходными материалами. И это было «золотое время» для них: еще оставались, пусть и не многочисленные, стада оленей и появились первые снегоходы.

Но грянули смутные и жесткие 90-е годы с абсолютной неясной перспективой на дальнейшую жизнь, а затем пришли первые нелегкие годы нового тысячелетия – и все изменилось. То, что ранее стоило недорого и было относительно доступно, – превратилось в роскошь.

Да, олени были делом хлопотным для современных манси. Их необходимо было весной на все лето гонять на Урал, откармливать, лечить, кочевать на дальние километры, высушивать мясо, из шкур шить одежду, из косточек вытачивать необходимые вещи. Зимой необходимо было уберегать стада от вездесущих волков, мерзнуть в тайге, собирая олений по чащобам. Все это непросто. Но это была жизнь, полная смысла. В ней находилось для всего место: и для традиций, для обучения подрастающей молодежи, верований и даже для мудреных сказок и загадок.

Хотите одну из них вам расскажем? Вот она:

«В большом лабазе на высоких сваях маленький лабазик. Что это такое?» –

«Стельная олениха.»

А снегоходы? Они, безусловно, позволяли добраться достаточно быстро до места назначения, не ездить на Урал со стадом, не бояться, что волки могут напасть и вырезать часть оленей. Казалось бы, одно удобство. Но для снегохода нужен бензин (а об этом мы уже говорили). Дороги стали и запчасти. Постоянно приходилось просить кого-то привезти их из цивилизации. Это обернулось для народа практически неразрешимой проблемой.

В последней нашей апрельской экспедиции к манси Данила Самбиндалов на наш вопрос о том, смог бы он содержать оленей, ответил: «А что, конечно. И на Урал бы гонял. Еще помню, как!».

Может, стоит попробовать еще раз и дать этому народу шанс? Может, еще не все потеряно?

Николай ГЕЛЕВЕРОВ
Фото Олега Новоселова

Уральское высокогорье (путешествие по Приполярному Уралу)

**«А на Урале белые озера
Тихим хрусталем глаза слепят,
И нас тропа опять уводит в горы,
К вершинам, что восходами горят».**

(Из туристической песни)

Район путешествия был выбран не случайно. Приполярный Урал – один из наиболее красивых районов России. Его хребты широкой дугой протянулись от истоков реки Хулги на севере до реки Щугор – на юге. Альпийская форма рельефа, асимметрия его склонов, каньонистые русла рек, живописные горные озера. В план нашей экспедиции входили восхождения на главную вершину Урала г. Народную, живописнейшую г. Манарага, плато Парнук, г. Пирамиду и сплав на тримаране по реке до станции Косью.

24 августа, железнодорожный вокзал Екатеринбурга. Вся группа в сборе – «бродяги» разного опыта и возраста: Герольд Мамычев, Александр Митюнин, Николай Лебедев (старший), Владимир Шишигин, Михаил Мазунин, Александр Торпов, Владимир Савичев (рук. группы) и автор этих строк.

Рюкзаки, мешки с продуктами, примусы, веревки, ледорубы и прочий туристский скарб. И вот уже поезд мчит нас на Север. На другой день ярко светит солнышко: море солнца на буйном разнотра-

вье. Преодолеваем запланированное расстояние и подходим к наиболее удобному месту подъема на гору Народную. С шутками и прибаутками проходит ужин. Миша берет гитару, но ненадолго. Спать! Завтра восхождение.

Ранний подъем, быстро завтракаем и в путь к вершине... «Шарк, шарк», – шуршат сапоги и ледоруб в мелкой осыпи. Время от времени слышится крик: «Камень, камень!» – и очередная глыба выскакивает из-под ног. В ушах только и остается: «амен..., амен...» Продолжаем путь, балансируя на кромках скал.

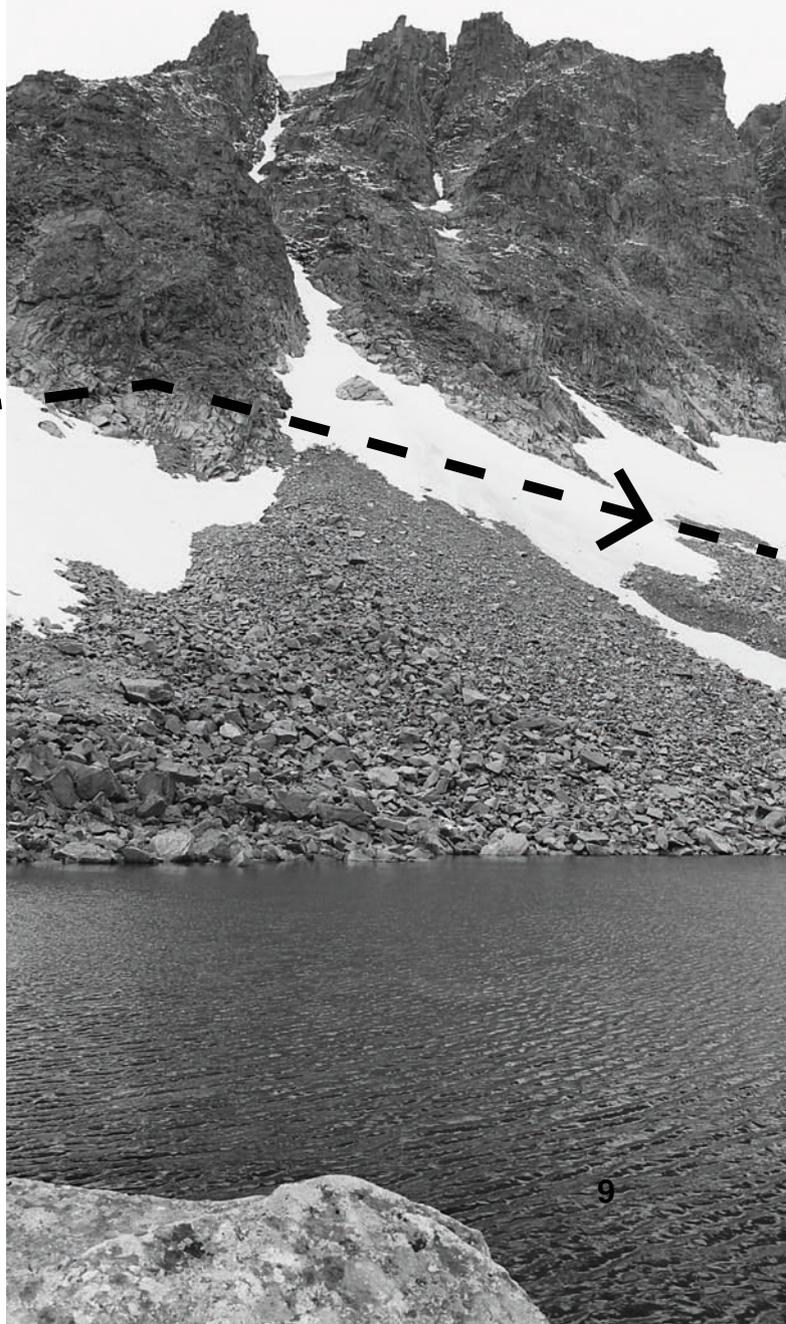
Вершина! Минут пять стоим в изумлении. Вовсю светит солнце, и кажется, что виден весь Каменный пояс. Скорее к фотоаппаратам. Красотища! Проводим визуальную разведку путей подхода к горе Манарага и быстро вниз. В лагере оживление, праздничный ужин. Неизменная спутница туристов – гитара – в руках у Миши. Его репертуар рассчитан почти на пять часов исполнения...

Еще через день пути устанавливаем штурмовой лагерь на берегу реки Манараги. Путь подъема на саму Манарагу можно условно разделить на четыре части: лесная, луговая, курумники и скалы. Вид с вершины – изумительный! Все так же солнечно. Снимаем записку, оставляем в туре свою и – вниз. Выскакиваем на большой приток реки Манараги и надолго застреваем в лесу – грибы, грибы, грибы. В лагере опять чревоугодничество. Грибы отлично идут с сухарями и салом.

Еще один день похода, и мы останавливаемся в полутора часах ходьбы от одного из сложных перевалов. Утро приносит разочарование. Дождик сильно бьет по тенту палатки. Руководитель полусонным голосом объявляет дневку. Впереди плато Парнук, где мы предполагаем искать хрусталь и «воло-сатик». Проходит еще одна ночь.

Утром туман расплзается, дождя нет. Уходим вверх после недолгих сборов. Мы уже втянулись в ритм походной жизни, да и хрусталь увидеть хочется. Встречаем начальника партии, добывающей хрусталь. Из разговора узнаем, что таких, как мы, «каменеежек» здесь бродит много. На Парнуке ведет работы организация «Саранпаульгеология», и она здесь – полновластный хозяин. Пребывание любой туристской группы есть посягательство на ее собственность. Наиболее фанатичная часть группы, не дожидаясь обеда, уходит быстро на Пирамиду. Все возвратились с трофеями: кристаллами и друзами горного хрусталя. Контрольное время, отпущенное руководством рудника, истекло, и мы покидаем плато Парнук.

Встречаем туристов из Минска. Удивительно, но за небольшое время мы встретились с туристами из Киева, Днепропетровска, Луганска, Санкт-Петербурга, Вологды и других городов СНГ, в том

числе из Сарова. Спрашиваю у руководителя их группы А. Кузнецова о том, кого из свердловских туристов он знает. В ответ слышу: «Знаю Диму Тиунова и очень хорошо – Гелеверова...» В нашей группе – удивление и смех. Протягиваю ему руку и знакомлюсь: «Здравствуй, Толя. Я – Гелеверов Николай Евгеньевич!» Еще бы он плохо знал меня! Пользовался моими отчетами о походах по любимой мною Камчатке, в результате чего в чемпионате ЦСФ и С по туризму в 1988 году обошел нашу группу, ходившую прекрасным маршрутом по Хамар-Дабану, и своим камчатским походом занял первое место.

На утро дождь прекратился. Большая поляна на берегу реки Манараги. Дежурные готовят поистине царский ужин-обед из трех блюд. Володя Шишигин в последний раз проверяет свою любимую рыболовную снасть – «кораблик». Через час он приносит более двух десятков хариусов. То-то будет «жареха» после ужина.

С утра – все в работе. Дежурные занимаются костром и питанием, остальные – постройкой нового плавсредства в туристской технике – тримарана. В перерыве между фотосъемками ухитрюсь провести замеры гамма-фона окружающей местности. Туристы могут спокойно ходить по всему Приполярному Уралу – чище региона для походов вряд ли можно найти. Средняя мощность гамма-излучения по нитке маршрута нашей экспедиции составляла 9,2 мкР/час. Но в помещении железнодорожного вокзала Большой Инты дозиметр показывал 50 – 70 мкР/час. Туристы, будьте бдительны!!!

Последнее групповое фото на фоне красавицы Манараги. Тримаран готов – начинаем сплав по реке Кось-Ю. Река протекает в широкой долине, ограниченной высокими горами. Ширина реки – метров. Пороги начинаются от устья реки Капкан-Вож и встречаются на протяжении почти 20 км. Характеризуются туристами-водниками, как труднопроходимые. По берегам все чаще и чаще встречаются выходы коренных пород. Скалы поднимаются то слева, то справа, образуя живописное ущелье. На последних 25 километрах река принимает ряд больших и малых притоков. Километров за 10 до железнодорожной станции уже слышны гудки тепловозов. У левого берега река темнее, она как бы тяжелеет, не чувствуется ее чистого дыхания. Грустнеем и мы – заканчивается наш поход. Мы видели горы, тайгу, реки, настоящую красоту.

Они доверялись нам, а мы – им. Чувствуем, что светлеют души от такого доверия и прибавляются новые силы для работы. В последний раз лакомимся морошкой и голубикой, а они в этих местах ароматные и налитые. Смотрю на своих

товарищей. Мы похудели, но и подобрали, стали бережнее относиться друг к другу. Маршрут пройден удачно. Все бодрый. Жизнь продолжается...

ЧАРЫ СЕВЕРА

Совершив путешествие по одному из интереснейших и красивейших уголков России, изучив некоторые литературные источники и пообщавшись с опытными туристами из стран СНГ, осмелюсь высказать точку зрения на перспективы дальнейшего развития массового туризма на Приполярном Урале.

Республика Коми многим ведомствам видится, как площадка, еще не очень густо заселенная промышленными предприятиями. Напрочь в это же время отбрасываются в сторону такие аргументы, как уникальность природы края, судьба коренного населения. Мнение же людей, заинтересованных в сохранении уникального природного уголка, пока вообще никого не интересует.

В то же время западноевропейцы, побывавшие в республике, с неописуемым восторгом говорят о «печорских Альпах», об уникальном музее природы, доставшейся нашей стране волей Божьей.

Приполярный Урал можно показывать иностранцам за большие деньги. Однако и по сей день этот единственный дикий уголок отводится для исправительно-трудовых колоний (ИТК). Развернуть ИТК на берегах заповедных семужьих нерестовых рек – такое может случиться только в нашей стране. Те же иностранцы, не переставая удивляться подобному варварству, говорят, что было бы выгоднее перевести все ИТК из Коми «на юга», скажем, в Гагры. Сегодня уже не спрячешь от дотошных туристов этот удивительный край. Времена меняются. Зашла речь о создании второго национального парка Прикамья – Коми-Пермяцкого – с допуском посетителей для отдыха.

Приполярный Урал начал осваиваться туристами еще с 50-х годов двадцатого столетия. Он действительно сравним с Альпами. Красивая, малоисследованная и суровая природа. Обилие рек и озер, а в них – рыбы, в тайге – дичи, зверя, грибов, лекарственных растений и ягод. Влечет этот край множество путешественников. Рекомендованное время проведения походов и экспедиций для спортивных туристов – с середины июля по август месяц включительно. Спортивные туристы всегда найдут помощь и поддержку в туристских организациях республики Коми.

Поезжайте на Приполярный Урал. Здесь вы встретите то, чего не встречали нигде и никогда. А, возможно, и встречали. Любителям гор некоторые места Урала напомнят Кавказ. А пройдешь чуть севернее – и уже можно не ехать в Гренландию. Самых «крутых» туристов ждут побережья и острова Северного Ледовитого океана.

В республике Коми все уникально: история, природа, люди. И, если вы разделите любовь народа коми к их земле, он встретит Вас с радостью.

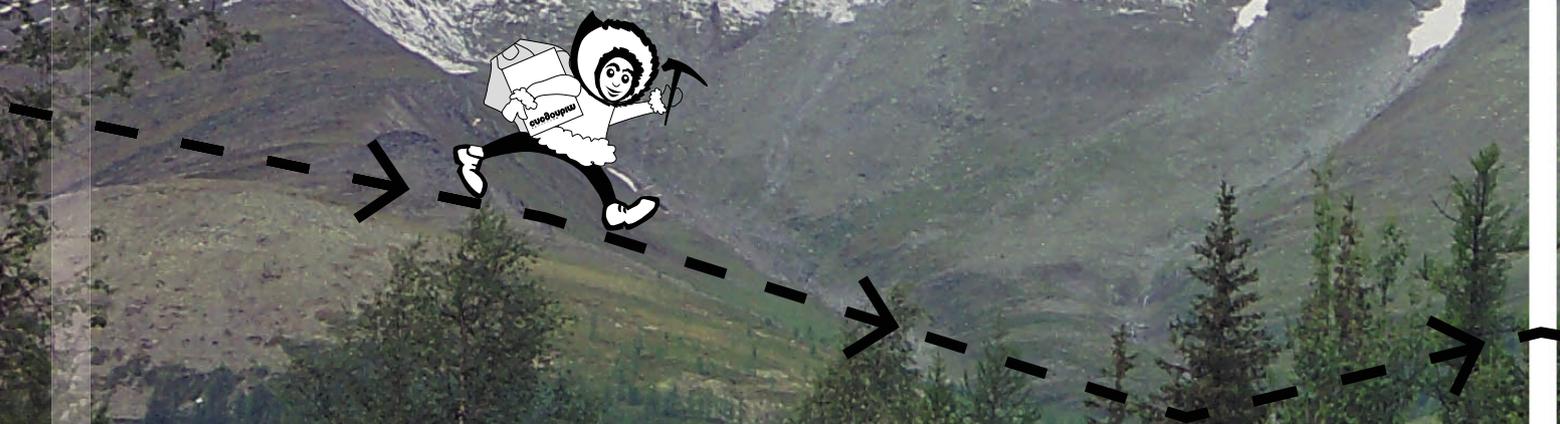
ВИД ДОЛИНЫ РЕКИ МАНАРАГА
С ПЕРЕВАЛА **КАР-КАР**
КООРДИНАТЫ:

$65^{\circ}4'11''N$
 $60^{\circ}5'16''E$

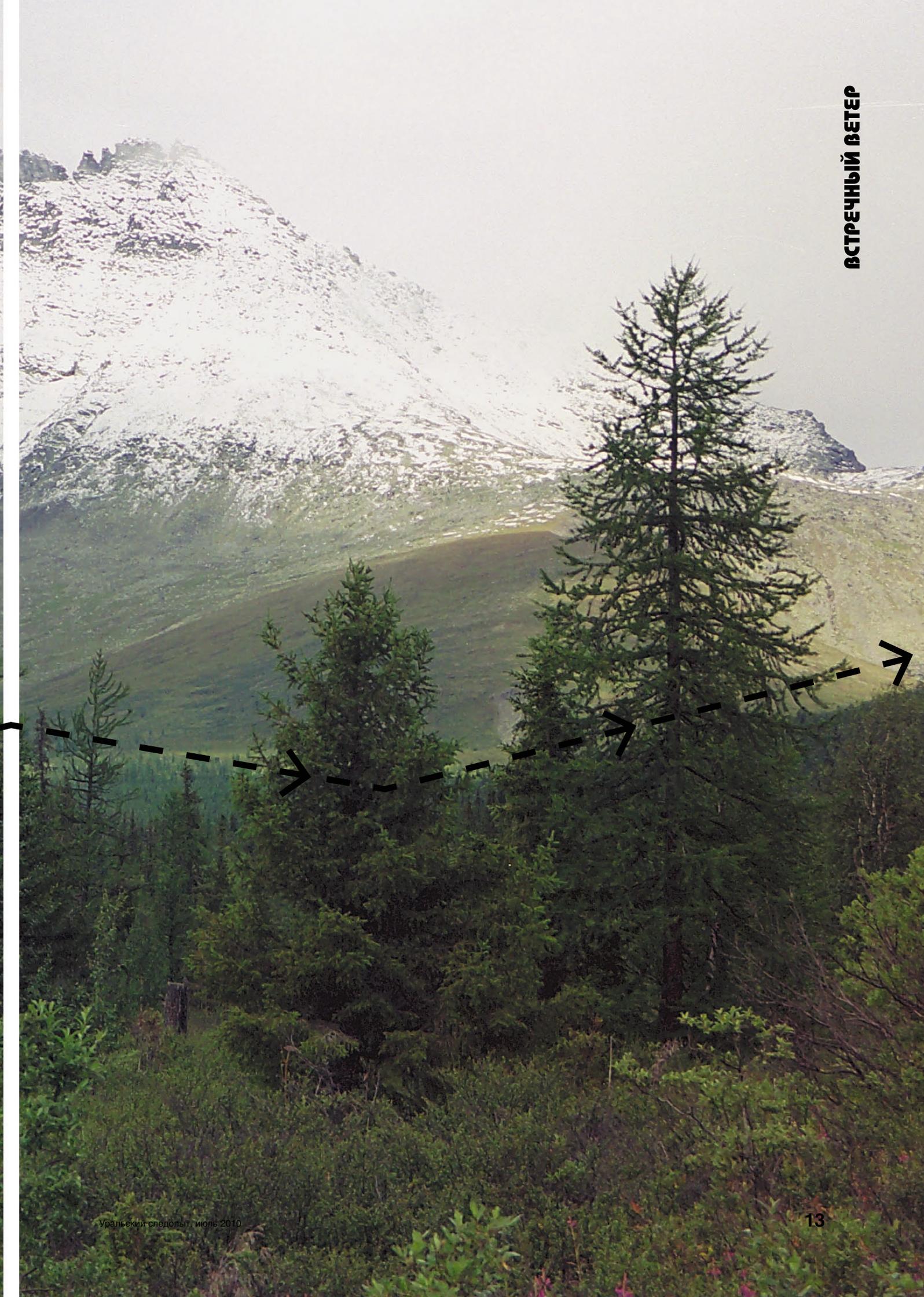
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ГОРА МАНАРАГА
ВЫСОТА: 1662 М
КООРДИНАТЫ:
65°2'28"N
59°45'30"E

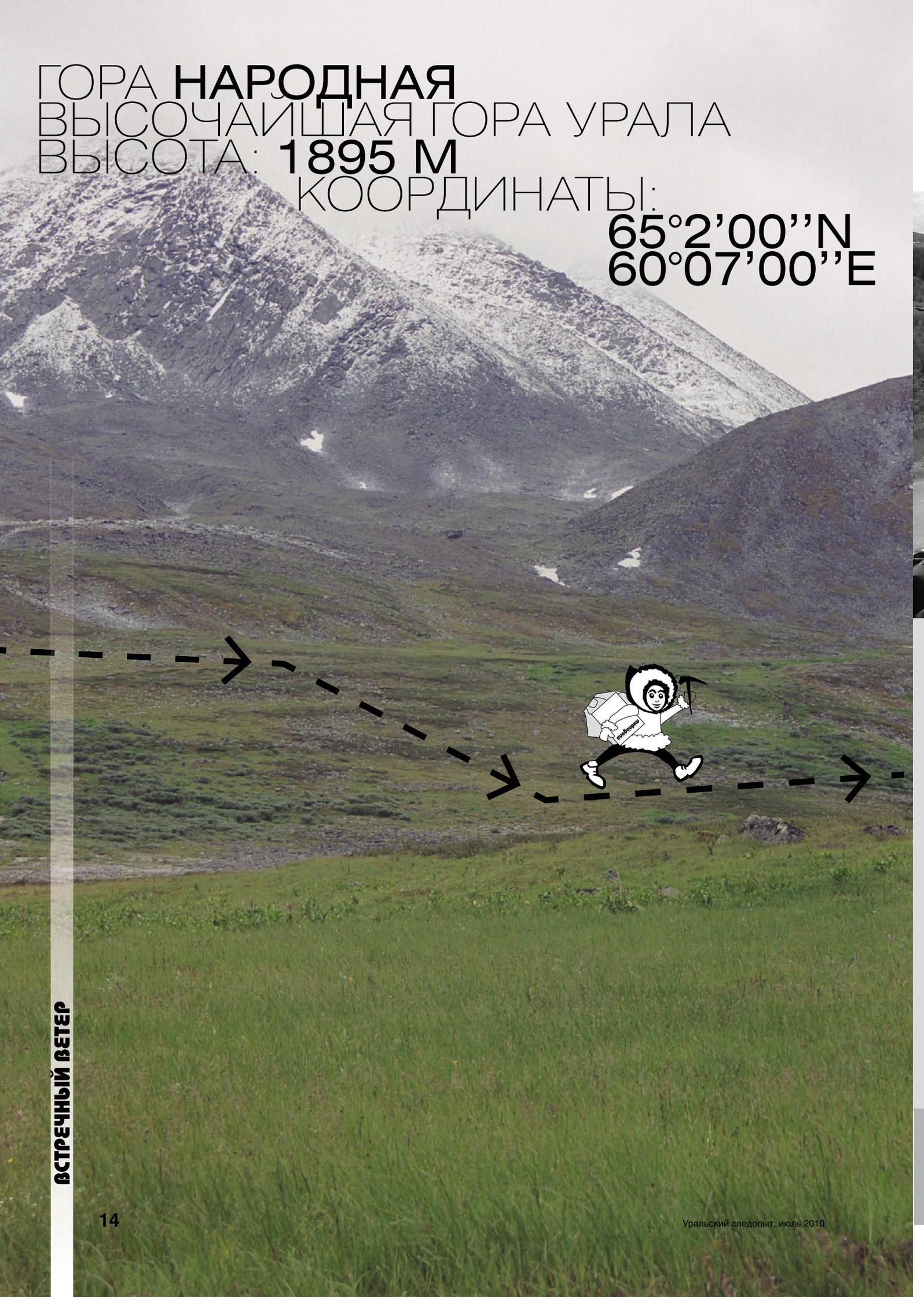
ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ГОРА **НАРОДНАЯ**
ВЫСОЧАЙШАЯ ГОРА УРАЛА
ВЫСОТА: **1895 М**

КООРДИНАТЫ:

65°2'00"N
60°07'00"E

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Дмитрий АРТЕМЬЕВ
 Фото предоставлены автором

Веломаршрут

РАЙОН: Запад Челябинской области

КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ: первая

Ф.И.О. РУКОВОДИТЕЛЯ: Артемьев Дмитрий Валерьевич

НИТКА МАРШРУТА: Златоуст – Бердяуш – Пороги – Слея – Межевой – Еланлино – Лаклы – Усть-Катав – Вязовая – Юрюзань – Бакал – Ельничный – кордон Шаровский – Зюраткуль – Веселовка – Златоуст

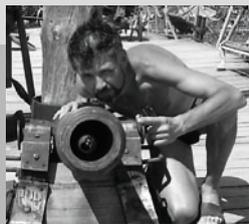
СРОКИ: 6 дней, с 11 по 16 июня 2010 г.

СПИСОК ГРУППЫ:

1. Артемьев Дмитрий Валерьевич, 1968 г., чуткий и заботливый руководитель.
2. Братцев Михаил Николаевич, 1977 г., механик и мастер на все руки, главный по «навигаторам» и ударная сила группы.
3. Наумова Марина Валерьевна, завхоз, фотограф и просто красавица, помощник главного по «навигаторам», повар-доброволец.
4. Литенко Сергей Борисович, 1989 г., медик, по совместительству – добровольный и добросовестный помощник во всех делах, старший хранитель подзорной трубы.

ПРОЙДЕННЫЙ МАРШРУТ:

1. 11.06. Златоуст – Бердяуш, 60 км
 2. 12.06. Бердяуш – Пороги – Слея – Межевой – Еланлино – Лаклы, 85 км.
 3. 13.06. Лаклы – Усть-Катав – Вязовая – Юрюзань – Бакал – Ельничный, 110 км.
 4. 14.06. Ельничный – кордон Шаровский – Зюраткуль – хр. Уреньга, сараи, 55 км.
 5. 15.06. Хр. Уреньга – Веселовка – Балашиха – Златоуст – Южная окраина нац. парка «Таганай», 45 км.
 6. 16.06. Окраина нац. парка «Таганай» – Златоуст 15 км, в зачет не учитывался.
- За поход – 355 км.

Уральский следопыт, июль 2010

Дмитрий Артемьев, офицер запаса с 2007 г., заместитель главного инженера ТЭЦ, велотурист

Маршрут проходил по западным предгорьям Южного Урала, в основном по дорогам с покрытием и без покрытия, с приличным набором высот, до 700 м за раз! То, что мы в Екатеринбурге называем ГОРЫ, на самом деле горочки. Район богат реками, самые известные из них Ай и Юрюзань. Имеется высокогорное озеро – Зюраткуль. Часть маршрута проходила по национальному парку «Зюраткуль». Леса – смешанные, ближе к Башкирии леса переходят в лесостепи. Климат – континентальный. Животный мир, кроме птиц и насекомых, замечен не был. Да мы и не искали.

1-й день. Заигрыш, пятница

В Златоуст мы добирались на автобусах. Разведывательная (она же и основная) группа из 3-х человек выехала раньше, а я по завершении рабочего дня – позже. Ребята приехали на полтора часа раньше меня, прокатились по Златоусту, обозрели его (Златоуст) со смотровой башни и заодно закупили продукты. Это была одна из моих ошибок – не обсудили меню заранее. **Если хотите в походе хорошо питаться – никогда не отдавайте процесс покупки продуктов в чужие руки.** Ребята купили стандартный набор: гречку и тушенку! А я тушенку ненавижу! Есть нечего, веса много да еще и банка! То ли дело сырокопченая колбаса! Хорошо, что продукты мы покупали каждый день, дальше снабжение шло под моим контролем.

Стартовали мы из Златоуста от автовокзала в 18.00. А город стоит в яме и вокруг него горы... В общем, горы мне надоели еще на выезде из Златоуста. Но я и не подозревал, что это даже не цветочки, а так, бутончики.

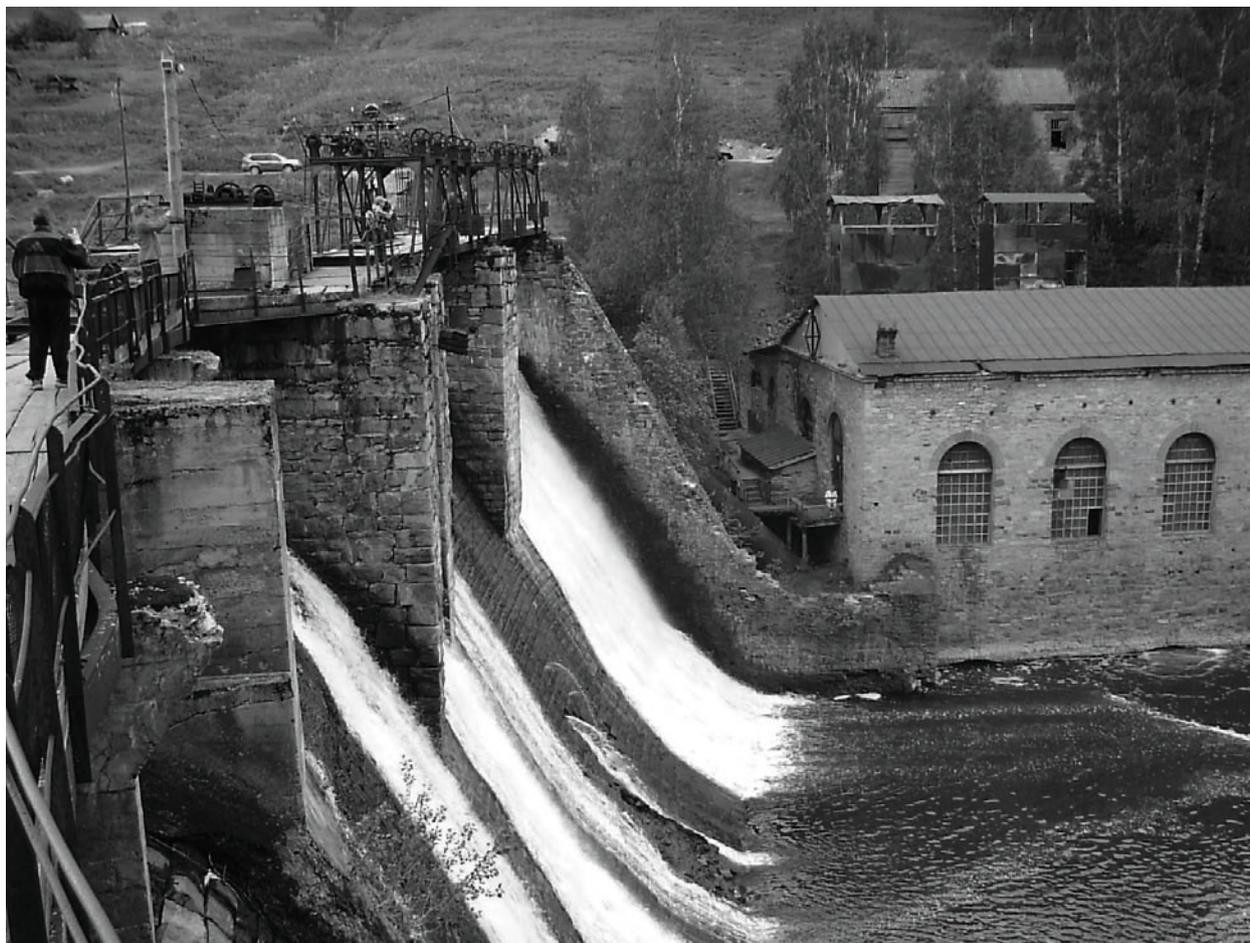
Проехали Медвеку – Куваши, дорога – хороший асфальт.

От Куваши решили ехать прямо на Бердяуш по лесным дорогам через Тайнак. До Тайнака – хорошее щебеночное шоссе. Не доезжая Тайнака свернули на лесную дорогу. Местами она хорошая, местами не очень, местами пропадает. Есть много других дорог, направление держали по навигатору на запад. Немного плутали, немного шли пешком, лесной дороги получилось 15 км. Если бы нашли воду, остановились бы на ночевку пораньше. **Всегда имейте запас воды!** Потом мы так и делали, но на всех привалах вода была.

Успокаивало то, что заблудиться мы не могли: с севера – железная дорога, с юга – трасса М5. Самое страшное, что могло с нами случиться, – выйти на Малый Бердяуш.

Но благодаря товарищу навигатору примерно в 23 часа вышли к окраине Бердяуша, прямо между железной дорогой и симпатичным кладбищем. Решили не беспокоить жильцов и на ночевку стали подальше, на опушке леса. Пока я гонял за водой в Бердяуш, ребята поставили палатки. Быстро приготовили кашу с тушенкой (в первый и последний раз!) и легли спать. Утром на траве был замечен иней. Этот день создал хороший резерв времени.

Благодаря ему мы смогли посетить все намеченные интересные места и даже несколько незапланированных, и на оз. Зюраткуль смогли хорошо отдохнуть.

За день – 60 км, в пути – 5 часов, крутили педали – 3,5 часов.

2-й день. Смотровой, суббота

Подъем в 7.00, старт в 9.00. Двойной праздник: День России и День туриста.

Едем на Пороги. Сразу от Бердяуша – крутой подъем. Дорога – нормальное щебеночное шоссе. Я и Сергей поднялись пешком, Марина и Миша – ехали. Миша весь поход в горы заезжал, если дорога была проезжая.

Поднялись на гору – а там серпантин. Ну, думаю, погоняю! На первом же повороте (а они очень крутые!) увидел траурный веночек... Скорость сразу сбросил, моего венка там еще не хватало! Спуск по щебеночному серпантину неприятный, на скорости начинает заносить, а при торможении – тем более. Так, с горки на горку (именно «горки») добрались до Пороги, где находится действующая (!) ГЭС постройки начала 20-го века, мощность одного генератора – 250 КВт, всего их два. Там даже мостовой кран работает того же времени. Все оборудование – иностранное. ГЭС была построена для обслуживания металлургического завода, а сейчас дает свет на два поселка.

Осмотрели ГЭС и поехали через Романовку – Чулковку – Сулея – Межевой в Кульметово. До Межевой – хороший асфальт. Мне не понравилась средняя скорость группы, поэтому у Марины забрал спальник (хотя она отбивалась изо всех сил, но мне помог Миша). А чтобы Миша не вырывался, дал ему 3-местную палатку. Скорость поднялась, но не сильно. Построились «паровозиком», мы с Мишей менялись по километру – и дело пошло веселее! Так и ехали весь поход, если позволяла дорога. Такой метод особенно помогает при встречном ветре.

От Кульметово (уже Башкирия) поехали искать Сикияз-тамакские пещеры. До-о-о-лгий и дли-и-иный подъем от р. Ай вверх по крутому грунтовому обрыву, далее по лесным дорогам до спуска к реке у д. Сикияз-тамак (она на левом берегу, переходить не надо), спуск к реке (велосипеды спрятали в кустах наверху) и поиск пещер на обрыве. Всего в комплексе открыли 40 пещер, мы нашли одну, туда ведет тропа. А нашли пещеру, идя на детский голос! Шли-шли, услышали детские голоса, пошли туда (вверх), а там хорошая тропа, лестница, перила и сама пещера. Большой грот, далее узкий ход, куда мы не полезли. Еще в дырочки мы не лазили! Т.к. времени на поиск других не было, решили ограничиться одной. Поднялись наверх прямо от пещеры, заодно обнаружили обзорную площадку. Посмотрели с нее на реку и скалы – красиво.

Выбрались на дорогу, сели на велосипеды и поехали в сторону Еланлино. По дороге от встречных мото-

циклистов узнали о фонтане на берегу р. Ай, который бьет из-под земли из скважины, пробуренной геологами. Решили съездить туда. Сняли с багажников баулы и быстро-быстро вниз! Спуск – будь здоров!!! На берегу встретили автотуристов из Перми с туристической кошкой. Она с ними даже на сплавы ходила! Эти туристы рассказали нам о пещере у деревни Лаклы (а у нас там как раз ночевка запланирована!), а мы им – о Сикияз-тамакских пещерах. Так сказать, поделились знаниями

Посмотрели фонтан (не менее 6 м в высоту!) – и медленно-медленно вверх. Доехали до Еланлино. Там добрый башкир отказался продавать нам 3 картошки, но подарил 2 килограмма. Ее мы и ели всю дорогу. Всего по лесным дорогам ехали 9 км.

От Еланлино по щебеночному шоссе доехали до Лаклы, проехали и стали на ночевку в 21.00 слева от дороги, около пещеры, у ручья. Осмотрели пещеру. Она огромная, с двумя залами. Мы с Мишей в нее залезли. Чем-то напоминает Кунгурскую пещеру, только без освещения. Впечатляет... Одно плохо: относительно крутой и сырой спуск.

Этот день был самый насыщенный по красотам и достопримечательностям.

За день – 90 км, в пути – 12 часов, крутили педали – 6,5 часов, набор высоты 1400 м.

3-й день. Ходовой, или Вперед, и вверх, и вниз, воскресенье

Подъем в 8.00, старт в 9.30. Цель – во что бы то ни стало доехать до Ельничного, чтобы убедиться, есть ли дорога на оз. Зюраткуль, указанная в атласе. Забегая вперед, скажу, что доехали, и местные жители подтвердили, что дорога есть. Но сделать это было непросто.

Поехали! Лаклы, Насибаш (асфальт), Вергаза – поворот на Усть-Катав – ст. Минка (щебенка, нормальная). Сильный юго-западный ветер, а нам как раз туда.

Доехали до ст. Минка. На карте дорога до Вязовой есть, а в реальности – нет. Пришлось сначала ехать вдоль ж/д, затем идти по ж/д, затем справа от нее появилась лесная дорога, которая шла вдоль р. Юрюзань.

Мое предложение искупаться в известной реке и отдохнуть за миской горячего супа было с воодушевлением поддержано. Купались, на перекате получили сеанс гидромассажа, отдыхали, единственный раз готовили на костре. После отдыха быстренько добрались до Вязовой (всего – 8 км).

Далее по хорошему асфальту на Юрюзань (серпантин) – Первуха. Очень хорошие подъемы и спуски. Хорошо, что асфальт! И подниматься проще, и спускаться не так опасно. На одном спуске скорость была 60 км/ч (педали не крутил). Миша набрал 70 км/ч (крутил педали). Далее – выезд на М5 (3 км) – поворот по грунтовке (он есть на карте) на Рудничный, далее по асфальту на Иркутскан (высоко-о-окий и затяжно-о-ой подъем, который в всех окончательно добил) и быстрый-быстрый спуск к Ельничному. Прое-

хали Ельничный и на берегу речки стали наконец-то на ночевку в 23.00. Это было самое хорошее место: и вода есть, и дрова можно было найти, но не было сил собирать дрова. Как всегда, готовили на газе.

Это был самый насыщенный день по пройденному расстоянию и набору высоты.

За день – 110 км, в пути – 13,5 часов, крутили педдали – 8 часов, набор высоты – 1500 м.

4-й день. Горно-лесной, понедельник

Подъем в 7.30 (дал команде набраться сил), старт в 9.00.

Дорога – вполне приличная щебенка. Перекресток с М5, выезд на дорогу на кордон Сибирка, виден мост через р. Карелка. Дорога идет дальше (на карте не указана). Решаем срезать несколько километров и едем прямо. Упираемся в р. Карелка, мост смыт. Но нас не испугать! Переходим реку вброд. На переправе Сергей уронил в воду кроссовок, но успел его спасти.

При переправе через водные преграды надо ВСЕ крепить.

Далее – лесная дорога всякого качества, много подъемов, один очень затяжной. На нем Миша показал высокую выносливость и проявил заботу о даме: в седле поднялся на вершину (все остальные шли пешком), спустился вниз до группы и поднял на вершину велосипед Марины. МОЛОДЕЦ!!! Был прокол камеры у Сергея и поломка багажника у меня, все починили. А как же – в по-

ходе и без поломок?! У меня была попытка уйти на южный берег озера, но товарищ навигатор строго сказал, что я иду не туда, да и встречная пехота (пешие туристы) подтвердили, что северный берег – на севере.

Дошли до кордона Шаровский – несколько полуразрушенных сараев. Увидели автомобиль, рядом с ним – три велосипеда, один из них – детский трехколесный. Вот такая смена растет: на Зюраткуль самостоятельно на велосипеде поднимается! Дальше началась заболоченная лесная дорога, пришлось иногда идти пешком.

Всего 30 км грунта – и вот оно, озеро Зюраткуль! На нем были в 14.00. За 300 метров от озера встретили группу отдыхающих автотуристов, сфотографировались с ними для контрастности. Отдохнули, перекусили, погуляли по «Китовой пристани». Красота: и кораблики, и замок, и сказочные домики, и даже «Бордель Кашея»!

И тут от ВСЕГО состава группы поступило предложение идти по запасному маршруту, через Веселовку!!! (Основной маршрут – через Магнитский по трассе М5 на Златоуст.) Я-то думал, что всех замучил переходами по 12 часов, ранними стартами и поздними финишами, а оказывается, сил у всех осталось полно! Хотя я и противник грунта, согласился (я ведь отмечал, что я чуткий и заботливый руководитель!) Дорогу до Веселовки узнали у квадроциклистов. Миша занес ее в навигатор, и в 17.00. поехали дальше. Попали под грозу. Дорога

ужасная, разбита лесовозами, было много грязи и четыре брода, много шли пешком. На ночевку стали в 21.00. под дождем у хр. Уреньга, у указанных на карте сараев. Но это не сараи, а нормальные дома со спутниковыми антеннами. Устали еще сильнее, чем накануне.

За день – 55 км сплошных грунтовок, в пути – 12 часов, крутили педали – 5 часов, набор высоты 1300 м.

5-й день. Полуфинал, вторник

Подъем в 7.30, старт в 10.30, сушились. Торопиться уже некуда, можно «поматрасить».

Поехали на Веселовку. Поднялись, в основном пешком, на хребет, дальше пошло веселее, поехали вниз. Перед Веселовкой дорога стала походить на дорогу, после нее пошел асфальт, и через Балашиху мы на скорости 60 км/ч влетели в Златоуст! (Я уже писал, что Златоуст находится в яме?) Купили билеты на автобус и поехали ночевать в нац. парк «Таганай». В 17.00 стали на ночевку.

За день – 45 км, в пути – 6,5 часов, крутили педали – 4 часа, набор высоты 1000 м.

6-й день. Финал, среда

Подъем, сборы и в 9.00 мы сели в автобус, который повез нас домой, в г. Екатеринбург. Домой мы вернулись счастливые, но довольные!

P.S. Не удержался... Василий Клеин, выпускающий, сказал, что пройденный маршрут по дистанции и препятствиям соответствует второй категории сложности!

Питание.

Готовили на газовых горелках, чтобы не тратить время на поиск дров (не всегда они были под рукой). Закупали продукты ежедневно, во второй половине дня. Пиво закупали ближе к вечеру: и возить меньше, и больше вероятность, что оно доживет до ужина.

Меню.

Утром – смесь «4 злака» пополам с изюмом. И готовить быстро, и вкусно, и энергии много. Приготовление завтрака шло в процессе общего сбора (завтраки готовил я, т.к. вставал раньше всех). Прием пищи занимал не более 10–15 минут.

В течении дня – перекусы бутербродами с колбасой и сыром, огурцы, чай из термосов. Пока ели, на горелке вскипала порция воды для следующей заправки термоса. Пили также соки, мин. воду и молочные напитки. Чуть не забыл самое главное – печенье!

Ужин – густой суп: картошка, колбаса, сухой суп. Ужин готовили сообща. Голодных и недовольных меню не было (Или они страдали молча?). Личные перекусы (конфеты, орешки, сухофрукты и т.п.) каждый покушал по вкусу.

Анна ОРЛОВА
Фото Дмитрия Хлопунова

Сплав по весенней Сакмаре

Суровая выдалась нынче зима на Урале. Казалось, что наступившие перед новым годом холода не кончатся никогда... Но все рано или поздно кончается. Наступила долгожданная весна, вскрылись ото льда реки и пришла пора открыть очередной сплавной сезон.

В мае посчастливилось побывать на одной из самых красивых южноуральских рек – Сакмаре. В переводе с башкирского ее название означает «змея», что полностью оправданно. Река вьется и петляет среди гор, холмов, скал, словно настоящая змея. Местами берега покрыты живописным лесом, еще не проснувшимся от зимней спячки, кое-где в ложбинках лежит снег. Местами вода бьется о скалы, поросшие мхом и лишайниками. Местами берега реки – это начинающие зеленеть огромные луга с пасущимися домашними животными.

Наше путешествие началось 1 мая у моста в селе Юлдыбаево. Проехав в автобусе за ночь около 700 км, мы выгрузили снаряжение, собрали катамараны и двинулись в путь. Погода была просто отличная, на небе ни облачка, светило яркое солнце, река была

спокойной. Первая ночевка была запланирована недалеко от порога Ложный Яман-Таш. Успешно преодолев первое препятствие на нашем пути, мы добрались до места нашей ночевки на большой поляне. У некоторых членов группы возникли сомнения, является ли данный порог Ложным Яман-Ташем. Авторитет руководителя развеял всякие сомнения. А ведь как известно, руководитель всегда прав, а если и не прав, то прав все равно.

Источника питьевой воды поблизости не наблюдалось, но по точной наводке он был обнаружен. Это оказался небольшой ручеек, вытекающий из довольно высокого черноземного берега реки.

Полужинав, мы обследовали близлежащие скалы. С них открывался потрясающий вид на реку и окрестности. На вершинках и склонах скал нашли много фиолетовых подснежников, а также диких желтых тюльпанов. Надо сказать, что эти первоцветы сопровождали нас в течение всего нашего путешествия.

Наступил второй день пути. Впереди нас ждало серьезное препятствие – порог Яман-Таш. По мере при-

ближения к нему, все больше вспоминались прочитанные в интернете различные описания порога, и это немного напрягало. Кто его обносил, кто проходил, но одно оставалось неизменным во всех отчетах: порог нешуточный.

Перед левым поворотом реки все стали чалиться и, как положено по правилам техники безопасности, пошли осматривать порог. Мутная вода шумела и бурлила. Дано разрешение, и катамаран подплыл к бурунам, наклонившись вперед, мягко спрыгнул с камней, слегка шаркнув о них днищем. Первая и вторая ступени порога пройдены! Здорово! Первая победа!

Препятствие проходили одно судно за другим, кто успешно, кто не очень. Кого-то разворачивало на сливе, кто-то застревал... Потерпели крушение две резиновые лодки соседней группы, из которых выпали пассажиры и груз. Всех спасли, все выловили, но одно весло сгнуло навсегда в мутных водах Сакмары. Сотрудники МЧС, дежурившие на пороге, сказали, что с неделю назад уровень воды был на полтора метра выше, части камней, выступающих из воды, вообще не было видно и что в этом месте перевернулось множество катамаранов...

Возле порога нам предстояло провести много времени. Обустроили лагерь, огородили его «волчатником», веревкой с разноцветными флажками и, вкусно пообедав, оставшиеся полдня посвятили тренировкам на Яман-Таше. Терять время было нельзя, т.к. на следующий день планировалось проведение соревнований.

3 мая, третий день похода... Все готово к соревнованиям. Установлена сложная трасса с прямыми и обратными воротами, проинструктированы судьи и участники, объявлены призы победителям. И вот началось. Все напряженно следят за прохождением трассы, внимательно слушают ком-

ментарии и замечания руководителей, планируют собственное прохождение порога. Азарт, кипит адреналин... И, конечно же, все много фотографируют, снимают на видео. Это бесценный материал, который дорог как память о путешествии и как учебное пособие.

День и соревнования подходят к концу. Не терпится поскорее узнать итоги. Из-за большого количества участников подсчет итогов занимает много времени. Скоротать ожидание помогает довольно крутой подъем на находящуюся поблизости скалу Питекантроп. С берега реки она выглядит очень живописно. Абсолют-

но отвесная, даже слегка наклонившаяся над водой, скала под определенным углом и в самом деле напоминает древнее животное.

Вершина Питекантропа выглядит контрастно. Множество погибших и засохших деревьев между гигантскими серыми валунами чередуются с небольшими полянками диких желтых тюльпанов. А какой вид открывается со скалы!... Захватывает дух... До самого горизонта простираются холмы, поросшие лесом и напоминающие морские волны, дует теплый весенний ветер, а внизу шумит Сакмара... Отсюда хорошо просматривается и одноименный длинный порог Питекантроп, который завтра предстоит преодолеть. С высоты он кажется абсолютно непроходимым. Огромные камни виднеются по всей ширине реки. Будем стараться, прочь сомнения.

Вечером прошло награждение победителей соревнований, все с интересом изучали итоги, обсуждали прохождение препятствий...

Наступило 4 мая, самый длинный ходовой день, за который мы прошли около 30 км. Также этот день выдался богатым на события. Встали раньше, чем обычно, позавтракали, собрали лагерь и вышли. Успешно прошли последнюю ступень порога Яман-Таш и выходную шиверу из него. Впереди порог Питекантроп, длиной метров 400. Вспомнились сказанные накануне слова руководителя, что «там будет мясо»... Порог приближался, вот мы уже идем по нему, все вроде бы не так страшно, как представлялось. И тут катамаран, на котором я плыла, натывается на камень, и меня сбрасывает в воду. Неожиданно, быстро, что я даже не замети-

ла, как оказалась в потоке, как перевернулась на живот, чтобы можно было плыть. Осознание, что я вне судна, пришло только тогда, когда увидела протянутое мне с катамарана весло. Попыталась ухватиться за него, но не вышло, течение уносило меня вперед. Попыталась бороться с течением – бесполезно. Оглядевшись, я поплыла к левому берегу, который казался ближе. В левой руке у меня было мое весло, которое мешало, но почему-то разжать руку я не могла. Наверно, держалась за него как за соломинку. Наконец-то берег со скользкой мокрой травой, ухватиться за которую не удавалось. Подплыл катамаран, я ухватилась за раму, отдала весло и залезла. Уф! Вот это искупалась! На мне был ветровлагозащитный костюм, но, несмотря на это, я абсолютно не ощутила холода воды. Сколько я проплыла, не знаю. Говорят, метров 30-50. И страха не было, только некоторая растерянность... Странно...

Несмотря на происшествие, на катамаране царило веселье. И веселиться нам предстояло весь день. Мой самосплав положил начало череде событий вплоть до самого вечера.

Время обеда, пора перекусить. Но не сходить же на берег ради такой мелочи и терять время. Решили прямо на ходу попить чайку из 2-х литрового пузатого термоса. Сидящий на корме принял позу лотоса, налил ароматного чая в крышку, кому-то передал и поставил термос на колени. В этот момент катамаран чиркнул днищем о подводный камень... Прямо так, в позе лотоса, с термосом на коленях, он и соскользнул в воду. Уплывающий термос был вовремя отловлен и

возвращен на судно вместе с членом команды. Допивая по очереди оставшийся в крышке чай, смеясь, мы наблюдали, как уплывает вперед еще и коврик, свернутый в рулон...

Плывем дальше, догоняем впереди идущих. Нам что-то кричат, потом еще раз и показывают рукой назад. Оглядываемся. За нами плывет красная каска, естественно, упавшая тоже с нашего катамарана. Что ж за растеряши-то мы такие!

При таком количестве событий за день чуть не пропустили очень красивое и живописное место – место слияния рек Сакмары и Крепостного Зилаира. Устье Крепостного Зилаира словно разбивает прибрежную скалу пополам, и его более светлая вода смешивается с мутной водой Сакмары.

День близится к концу, лучи заходящего солнца отражаются от воды. Скоро остановка на ночевку, вкусный ужин, разговоры у костра и теплый спальник... Но нет! Ломается весло. Остаток пути проходим на трех с половиной веслах.

Вечер, костер, рассказы о прошедшем дне и вдруг приглушенный крик снизу, с берега реки: «Дайте фонарик!». Кто-то, растягивая пленку около палатки, в которой расположилось большинство команды «отличившегося» катамарана, соскользнул на ней с откоса метра на два вниз. Ну что тут скажешь, дурной пример заразителен...

5 мая. Сегодня предстояло прохождение порога Баракал. Утро прошло как обычно: сборы, поддувка баллонов. Стартовавшие раньше катамараны уже отплыли на некоторое расстояние, и тут с них раздался призыв о тушении пожара. Оказалось, на

соседней стоянке разгорелся плохо потушенный костер, и огонь уже охватил довольно большой участок сухой травы и полз вверх по склону в глубину леса. Общими усилиями с помощью весел и котелков с водой пожар был потушен.

Опять плывем, погода отличная, жара, не всякое лето выдается таким. Баракал слышно издалека. Чалимся, осматриваем порог, выставяем страховку, намечаем лучшее место для видео- и фотосъемки прохождения, внимательно слушаем инструкции руководителей, выбираем путь прохода.

Старт. Судна по очереди успешно проходят порог. Настала очередь нашего катамарана. Впечатления от самосплава еще свежи, и, несмотря на жаркую погоду, снова купаться не хочется. Сажусь как можно устойчивее, упираюсь ногами в раму. Подплываем к порогу. Интересно, немного страшновато, присутствует некоторая неуверенность, но перед самым порогом появляется и остается только азарт. Течение воды ускоряется, катамаран подхватывает течение, и он проходит совсем рядом с огромным камнем, лежащим прямо посередине реки. Настолько рядом, что приходится выдернуть из воды весло, чтобы оно не зацепилось за этот камень. Все, победа! Баракал пройден!

Под впечатлением от прохождения порога плывем дальше и останавливаемся на ночевку на поляне около впадения в Сакмару реки Сабыровка.

Следующий день, 6 мая, был, пожалуй, самый спокойный. Пороги кончились, изредка встречались только небольшие перекаты и шиверы. Берега заметно позеленели, стали чаще попадаться

пасущиеся на лугах коровы. Когда проплывали катамараны, они провожали их печальными взглядами, а иногда решали форсировать реку прямо перед ними. В этот день почему-то появилась такая великая Лень, что даже лениться было тоже лень. Крайняя степень лени. Вечером приготовили праздничный ужин с двумя тортами и множеством всякой другой вкуснятины. Вроде бы все было как обычно: горел костер, походные разговоры... но все-таки чувствовался приближающийся конец похода. Обсуждался общий пройденный километраж, строились планы на предстоящее лето и на послепоходную встречу. Засыпали под громкий лягушачий хор, доносящийся с противоположного берега...

7 мая. Осталось пройти не более 10 км до места антистапеля. На этом участке река практически безопасна, и всем было разрешено не надевать каски и спасжилеты. Свобода! Есть возможность позагорать, но недолго. Вот уже за поворотом виднеется Янтышево – конечная точка нашего путешествия. Чалимся, разбираем, сушим наши суда, идем на экскурсию в деревню и местный магазин. Скупаем ящик мороженого, всю газировку и минералку. Газировка оказалась очень вкусной, почти как в детстве. Берем ее по несколько бутылок про запас. Еще покупаем 34 яблока и 3-литровую банку соленых огурцов. Экзотика...

Несколько сотен километров обратного пути до дома прошли ночью. В автобусе смотрели старые добрые фильмы с участием Ю. Никулина. Но сон взял свое. Утром за окнами уже мелькал Екатеринбург.

Кузнецовая дочка

1.

Решетки, блестящие в солнечных лучах; решетки, рассекающие лезвиями пространство; решетки, грузно лязгающие за спиной. Здание дышало стариной и основательностью, лазеры и камеры стыдливо прятались и вжимались в стены – древние, бетонные. И только воздух был не затхлый, подвальный, как полагается древности, а по-медицински стерильный, с неуловимым привкусом стационара.

Станислав Бренар подходил этому бетонному монстру, тяжелым монолитом вставшим над городом: такой же основательный, консервативный, словно не от века сего. Ему и без карточки при первом знакомстве хотелось приставить к имени солидное «Dr.», а карточки у Бренара были тисненые, плотной бумаги, с золотым обрезом. Краем глаза Станислав заметил, как скользнул по полированной поверхности стены расплывчатый силуэт: детали не рассмотреть, но зачем? Облик его не подчинялся прихотям моды, и вечными были старомодного кроя костюм и чемоданчик, про который сослуживцы в шутку говорили: «Все боится времени, но время боится бренарова саквояжа».

Человек, к которому направлялся Бренар, доктору был незнаком. Собственно говоря, знакомство с ним не представляло для Бренара ни малейшего интереса. Ежедневно перед ним появлялись новые лица – старые, молодые, чаще мужские, реже женские, злые, отчаявшиеся, деланно-веселые, безумные, – и Бренар уже давно перестал обращать на них внимание, как не обращают внимания на кусочки рафинада, каждый день новые, но неизменно одинаковые, когда их поглощает черная бездна кофейного водоворота...

Станислав пощупал у пациента пульс, скорее для проформы, чем по необходимости: расслышать, как дико колотится сердце, он мог бы, наверное, еще за дверью.

– Уже? – спросил мужчина и облизнул губу.

– Не волнуйтесь, – сказал Бренар, вынимая из упаковки таблетку и кидая ее в высокий стакан. Сосуд наполнился шипением. – Выпейте, вам станет лучше.

Гуманность, по мнению Бренара, никогда еще не вредила пациентам. Хотя на его памяти было несколько громких процессов, когда приговоренным отказывали в последней милости и транслировали их ужас,

отчаяние или браваду в прайм-тайм, с утренним повтором в новостях.

Не прибегая к аппаратуре, Бренар оценил действие препарата и решил еще немного подождать. Глаза преступника погасли, лихорадочный блеск исчез, хотя человек все еще непроизвольно вздрагивал. За годы службы Бренар навиделся множество реакций, и эта была довольно типичная.

Ожидая результата, Станислав с завидным терпением изучал стену. Пришпиленная к ней женщина с ребенком двух или трех лет, наверное, с девочкой, не будила в нем никаких эмоций. Эмоции на этой работе были роскошью.

– Время, – одними губами сказал Бренар, повернувшись к комиссару, когда его безупречное чувство времени тикнуло профессиональным будильником.

К мужчине подошли, помогли подняться, вывели в коридор. Бренар шел следом мимо постов и дверей, а мысли скользили далеко-далеко, где есть женщина, которой нет.

– Привет! – хлопнул по плечу, нарушая всякую процедуру, Яр Штапелев, комиссар седьмого участка. Это, получается, был его подопечный, и Бренару пришлось смириться с соседством. Яра он не любил. Яра вообще не особенно любил.

Сегодня процедура была стандартная, Бренар механически отмечал в консервативном бумажном блокноте пункты и параграфы. Для этого человека выбрали электрификацию организма, и теперь служители деловито прилаживали электроды к вискам и груди. Соображения выбора казни Бренару известны не были, да он и не интересовался.

Выставив все галочки, он уселся на стул боком к стеклянной кабинке, за которой ловил свои последние мгновения незнакомый ему человек. Бренар поймал себя на мысли, что не запомнил его лица. Какой он был? То есть пока еще есть? Рыжий, черно-волосый? Кажется, не блондин. Поворачиваться и рассматривать человека Бренар не стал, потому что мысли улетели в иное направлении: в сторону антикварной брошюры – не репринта, а подлинника XIX века. Заказ, стоящий трехлетней зарплаты Бренара, должны были доставить с Земли через неделю. Интересно, неделя – это много или мало? Вот для этого, под электродами?..

Татьяна Кигим родилась в 1981 году в Днепропетровске (Украина), с 1994 г. живет в Калининграде. По образованию – историк, по роду занятий – журналист. Рассказы Татьяны публиковались в журналах «Мир фантастики», «Знание – сила», «Безымянная звезда», «Преступление и наказание», в областной прессе г. Калининграда.

Неожиданно Бренар заметил, что вновь думает о работе, и это его слегка обескуражило. Мысли вновь и вновь возвращались к приговоренному, и Станислав с усилием подавил желание оглянуться на человека. Сегодня он что-то не в меру впечатлителен. А при его профессии нельзя. Врач при палаче... Спокойная, консервативная профессия, с глубокими историческими корнями. Профессия, при которой нельзя воспринимать чужую жизнь и смерть близко к сердцу. Сердце-то свое.

Бренар давно понял, что есть особые профессии: чиновник, журналист, врач... чтобы не сгореть лучиной, надо носить броню обязательно: немного черствости, чуть-чуть циничности, каплю флегмы и отстраненности. Если всем сочувствовать, всем сопереживать... Хватит ли тебя на всех? Помнится, на какой-то конференции насмешил их, умудренных, вопрос девчонки из интернатуры. Что-то вроде «что делать, если я попаду в отделение для тяжеленьких, и какой-то младенчик померет?». Ей, помнится, ответили: «Если отделение для сложных детей, за смену нормально терять ноль целых четыре десятых ребенка. А вот если ноль-пять или ноль-шесть, это уже нехорошо». А она расплакалась...

На этой профессии нельзя жить с содранной кожей.

Когда все уже было кончено, Бренар взял журнал и неторопливо направился к кабинке. Свидетели вставали с мест, расходились.

– Я, комиссар, признаться, не ожидал, – раздраженно выговаривал Яру представитель Судебной Коллегии Земли. – Я понимаю, у вас здесь чрезвычайная обстановка, вы живете как на вулкане, и процент казней от общего числа осужденных невысок...

– Единичные случаи, – вставил Яр.

– Да, единичные... но трансляция на три континента! Прямой эфир в новостях! Дикость какая-то, средневековье...

– Ничего подобного, – Яр был невозмутим. – У нас нет ни олова, ни колесования. Правда, иногда, в исключительных случаях, например, после попыток терактов, транслируем расстрелы...

– А текос?

Спорящие удалились, и Бренар не расслышал, что Яр говорил дальше. Да и, признаться, это его особенно не интересовало. Он отметил прекращение жизнедеятельности приговоренного, расписался и неторопливо направился к выходу.

– Станислав! – окликнул его палач. – Тебя Морис спрашивал. Просил зайти.

– А что ему надо? – рассеянно спросил Бренар, но тот уже отвернулся. – Ладно, сам узнаю.

Обедали медики как тюрьмы, так и поликлиники и стационара города в одной столовой. Как-то так совпало, что все эти учреждения соседствовали в одном громадном здании, огражденном тройным рядом колючей проволоки. Штурм медицинского комплекса был делом безнадежным, но забавно, что сумасшедшие всегда находились.

* * *

В доме кузнеца Марка, как всегда, было шумно и копотно. Стук костей, стук кружек, пробный звон но-вехонького металла наполнял комнату.

– Эй, девка, жбан пивка сюда! Побыстрее!

Из кладовки мышкой юркнула девчонка-подросток, щуплая, худенькая, пальцем переломить. Тяжелый жбан прогнул назад спину, и казалось, девчушка грохнется сейчас, и пиву конец. Не с пола же его слизывать? Слегка расплеснув, девчонка все-таки водрузила жбан на дубовый стол. Кузнец, кивнув, отослал дочь, махнув рукой в сторону кладовой.

– И что там? – пригубляя терпкое пиво, спросил он гостя.

– Говорят, чума в столице. Король туда ни ногой, замок в Товерне запер, даже маршала не пустил. Все, кто могли, из столицы выехали... А раз выехали, значит, чума может и дале идти. Правда, сейчас ворота, говорят, закрыли, а стража стреляет каждого, кто через стену лезет.

Дом кузнеца всегда был чем-то вроде корчмы для окрестных деревень. Только девок, как у корчмаря, и пьяных драк не водилось, и гольтыбы не было, потому как собирались здесь люди взрослые, солидные, которые за делом к Марку пришли. Ну и вообще поговорить приходили. За обществом следил Марк самолично. И тому, кто вел себя неподобающим образом, кулак кузнеца въезжал в харю без поклонов и незамедлительно. А ведь еще и железа у Марка видимо-невидимо было! Оружейником он был знатным. Ну и вилы, они тоже вещь неглупая.

Разбойники Марка никогда не навещали. И хоть сыновей у кузнеца, на горе, не было, трое подмастерьев и ученики могли задать трепака целой деревне. Но, конечно, без сыновей не то.

В доме кузнеца водились только дочери – сейчас остались Мария и младшая, Хильдегарда. Лучшего кузнец не наделал: от трех жен нарожал семерых дочерей, плюнь да выбрось. Несколько померло во младенчестве, сделав тем самым одно доброе дело в своей жизни, старшая сгинула где-то в городе, вторая вышла замуж в соседней деревне, дитя носила. Кузнец мечтал, чтоб был мальчик.

– Говорят, чуму эту видали лет тридцать тому, и называли «потница», – продолжал гость, степенно оглаживая бороду. Борода и легкий акцент выдавали северянина, здесь-то ходили с голыми подбородками. – Человека бросает то в жар, то в холод, хрипит, бывает, потеет сильно, ну и помирает, знамо дело...

Кузнец кивал.

– А чирьи есть?

– Чирьев, сказывают, нет.

За соседними столами гуторили те, что пришли то за гвоздем, то за подковой, то за тем, то за этим.

– Эй, Мари! Н-неси ж-жбан! Д-девка...

«Скажи, что у него цирроз», – велел голос.

– Эй, кузнец! – возмущенно и пьяно вопил гость. – П-пусть н-несет, с-с... с-с... с-скажи ей!

Мария, оглянувшись, пристально посмотрела на пьянчужку, и тот замолк. Ведовским взглядом смотрела Мари редко, но так взглядом и примораживала. А вот то, что этому дурню пить – через год домовину ладить, это ей голос сказал.

Голос полезный был. Помнится, повивальные бабки только руками всплескивали, как Мари над смертницами иголкой работала. С совсем малых лет кузнецову девчонку за знахарку признали, как и бабу ее, ведунью, не к ночи будь помянута... А в доме Мари гостей обносила, огородничала, ну и вообще по хозяйству. Спорая была, как мать. Только та была кровь да огонь, а Мари – тоща, как курченок.

– Сказывают, и после потницы выживают, – продолжал гость с севера. – Но не очень. Поэтому заразу лучше на порог не пускать. Как видишь – стрелой браконьерской, граф тебе только спасибо скажет!

– Да и в хозяйстве сгодится... – подмигнул отец, глядя, как Мари, ужом снуя мимо тесно наставленных столов, расставляла кислую капусту и настрелянное браконьерами мясо. Шутка была сомнительная: про Марка говорили, что он ест человечину, а в подвалах у него кровь в жбанах, в крови той дочки-ведьмы в полную луну купаются. Что ж, люди всегда говорят. А уж думают ли при этом – бог его знает. Кузнец слухи не опровергал. Зато и желающих к нему ночью в дом залезть немного было.

– Слушай, Мари, дело такое... – окликнул знахарку один из парней, ряболицый и простоватый. Смущаясь и придерживаясь за ремень, сидел он боком и как-то странно. Мария нахмурилась, подозревая похабное.

Но, похоже, парня прищучило всерьез.

– Чирей на заднице, – жалобно произнес больной, оглядываясь на сотоварищев. – Не чума ли? Пособи... только резать не надо! – испуганно заключил он. Дружки захохотали.

– Ты б еще дурную болезнь девке полечить предложил, – подмастерье искренне возмутился. К Марии подмастерья относились, как братья, и лезли защищать при каждом удобном случае – чтоб либо язык почесать, либо кулаки. – Вот ужо, погоди! Придет ее батя-то, он тебе прут каленый к чирью-то приложит!

Угроза была верная: было дело, прижег кузнец раскаленным прутом зад охальнику.

– Выживешь, «чумной», – Мари сходила в кладовую, связала в узелок сушеных трав. – Отвар сделаешь, на чистую тряпицу положишь. Только чистую, смотри – знаю я вас!

Разнеся еду и обнеся жаждущих, Мари выскользнула в прохладу октябрьского вечера. У осины уже ждал Генрих, из оруженосцев графа: надежный человек, приближенный к графской особе за доблесть и отвагу. Граф обещал ему должность начальника стражи – рыцаря простолюдину не дадут.

– Письмо снесешь? – шепнула Мари.

– А господин рыцарь жениться надумал, – Генрих скучающе глядел в небо. Сердце девушки екнуло. – Знатная невеста. Господин граф свидетелем будет.

Мари сникла. Спросила:

– А долго ли рыцарь пробудет у графа?

– Да почти оклемался.

– Так письмо-то снеси...

– Снесу.

Мари вернулась в комнату, со свежего воздуха заметны сразу стали чад под потолком, копоть, на-топанная грязь на полу. Пахло телом, кожей, едой. Грязно поглядел верткий, пронырливый Гуго, и Мари стало обидно. Из пристройки тянуло запахом горячего железа. В который раз Мари пожалела, что не родилась мальчишкой.

Мужчины обсуждали чуму, колдунов, а еще брюхатую Анну с Гнилых Низинок, что нагуляла от ландскнехтов. Мир, как обычно, замер в предчувствии апокалипсиса. И, как обычно, повсюду ждали неминуемого и на этот раз окончательного конца света.

– Эй, Мари!.. – крикнул отец, и Мария, подхватив кувшин, поспешила к гостям.

2.

На обед собирались на втором и третьем этажах бокового корпуса, и Станислав, шагая от кабинета к лифту, от лифта к столовой, думал о своих снах. Сны складывались в книгу, в интересную, живую книгу о юной знахарке-ведьмовке. А еще над ним висел долг в библиотеке, за просрочку «Медицины древности».

– Представляешь, – нагнал Яр. – Этот гад говорит: я на вас проверку нашлю!

Бренар поморщился, Яр напомнил ему похабника Гуго из сна, что нехорошо смотрел на Марию. Хотя что между ними может быть общего? Тот низкий и рожей не вышел, а Яр высокий, красивый блондин. Станиславу даже смешно стало, как вообще можно сравнивать героя ненаписанной книги с живым человеком. Но сходство было.

– Натравит он, – не отставал Штапелев. – Если бы могли, давно бы уже... Интересно, кто им показания-то даст? Вот ты дашь?

Бренар попробовал не слушать, сосредоточившись на подсчете штрафа. Выходило больше трех сотен, но, может, удалось бы скосить сумму взяткой?..

В столовой Мориса не оказалось, и Бренар, взяв пакет сока, направился к тюремному корпусу. До конца перерыва оставалось пятнадцать минут, и задерживаться не было смысла. На ходу посасывая пластиковую трубочку, Бренар думал над сюжетом. Но герои не хотели ему подчиняться, и что будет дальше, сам автор не знал. Поэтому было интересно.

А в камере ждал уже новый пациент – из тех, что появляются в жизни минут на сорок и исчезают из кэша, не оставляя после себя ни образа, ни памяти. Но этот молодой человек удивил даже Бренара.

На казнь парнишка собирался, как на митинг.

– Подонки! – вопил щенок. – Убийцы! Палачи! Не за себя, за людей обидно!

– Шприц? – спросил Бренар, раскрывая саквояж.

– Хрен ему, а не шприц, – поморщился пожилой усатый комиссар. Да уж, повезло ему с подопечным,

ничего не скажешь... А может, действительно повезло. Кажется, это волевое лицо в ореоле черных волос Станислав уже видел на листовках со штампом «Внимание, розыск». Вроде бы это был командир какой-то банды из проблемных кварталов.

– Так что от меня требуется? – спросил Бренар, чувствуя некоторое раздражение.

– Заключение, что в течение последних двенадцати часов никакое обезболивающее не действовало на организм.

– Ого.

Заполнив бланк, Бренар передал бумагу комиссару.

– Мне нужно присутствовать на казни?

– Боюсь, это займет много времени, доктор. Это главарь банды, и трансляция рассчитана надолго... «Марафон». Заходите завтра, между одиннадцатью и двенадцатью утра, если опоздаете, ничего страшного... А мне вот с ним сидеть всю ночь.

Бренар, выйдя из корпуса, направился к подземке, так и забыв спросить, какая казнь назначена этому мальчишке с бородкой и усиками. Явно не милосердная текосация – новая модная казнь, для которой с полюсов завозили крохотные кристаллики текоса – местной кремниево-органической заразы, обладающей свойством мгновенного развития кристаллической структуры в теплой среде. Кристаллик обволакивали термоизоляцией, распадающейся от подаваемого с пульта сигнала, и под восторженный крик зрителей на экранах расцветали чудесные радужные цветы: из головы, живота, спины преступника. Порой текос вживляли в руку или ногу – если приговоренному суждена была не смерть, а членовредительство; иногда, на манер четвертования, кристаллическими цветами разрывались кисти и ступни по очереди – это называлось «Текосовый крест».

Такой вот мгновенно растущий бамбук. Была такая казнь в древнем Китае – жертву привязывали к колышкам за руки-ноги, так, чтоб спина пришлась на росток бамбука. За ночь он прорастал тело насквозь. А текос разрывал ткани мгновенно и не без эстетической привлекательности: некоторые самоубийцы уходили из жизни красиво, вживляя себе эти мерцающие кристаллы. Яр даже предложил проводить казни с подсветкой – красивее.

Бренар задумался и вздрогнул, когда над ухом раздалось:

– А, слава Богу! А я думаю, что делать, если не найду...

– Позвонить, – ответил Бренар, ставя ногу на эскалатор. Можно было бы взять такси, но подземный транспорт сейчас был самым безопасным, да и с эстетической точки зрения приемлемей. Последние годы Бренар не любил смотреть на город. Плачевное это было зрелище.

– А я хотел с тобой пропустить стаканчик, – извиняющимся тоном продолжал Морис. – Проблема есть...

– Мне на шестнадцатую ветку, – сообщил Бренар.

– А мне на семнадцатую, – огорченно ответил Морис. – Не поболтаем. Я вот чего... ты не сможешь меня сегодня в вечернюю заменить? С четырех до десяти, не больше. Лето, еще светло будет. А?..

– Заме... – Бренар споткнулся. – Тебя заменить?!

– Ну да, – сник Морис. – Понимаешь, срочно к делам съездить надо.

Бренару подумалось, что в сравнении с Морисом его работа была, наверное, сплошным подарком. С редкими буйными всплесками вроде сегодняшнего. Станиславу стало стыдно.

– Конечно, Морис. Я тебя заменю, – быстро сказал Бренар, чтобы ответить раньше, чем он бы успел пожалеть о сказанном.

* * *

С детства Мария любила сочинять сказки. Облака, травинки, былинки – все они таили в себе свои собственные истории.

А еще у нее была одна, очень тайная сказка. Про того, кому принадлежит таинственный голос, звучащий в голове. Голоса, как известно, слышат либо одержимые, либо святые. Владелец этого голоса жил на небесах, но соблазны порой подкидывал совсем не небесные. Сначала Мари рассказывала о нем сказки сестрице, Гарде, когда та была маленькая, а потом перестала. Теперь рассказывала только травинкам. Эх, было бы много пергамента – написала б книгу! Мари-то была грамотная, отец ворчал, что девки дуры, но учил. И написала бы книгу, как у графа про чужеземные края – сама не видала, но оруженосец рассказывал, как граф открывает ее вечерами и кто-то из дам читает перед огнем, а граф играет локонами любимой жены.

Жизнью жены граф был обязан дочке кузнеца Марка.

Многих лекарей перепробовал граф, когда графиня умирала, истекая кровью в родильной горячке. Дошло и до Марии. «А какая она из себя, ваша знахарка?» – спрашивал граф у деревенских. «Ну, какая... известно какая – кузнецовая!» – отвечали сельские. – От кузнеца на кузнеце деланная, на кузнице рожденная, от кузницы силу берущая». Известно ведь, кузнец сам без колдовства не бывает, то-то и живет всегда наособицу...

Мари успела вовремя, чтобы остановить руку лекаря, намеревавшегося отворить графине кровь. С тех пор граф к Марку очень благоволил. Жена у графа была драгоценная, ненаглядная.

Сидела Мари на каменистом обрыве, над речкой, и думала: вот все девки как девки, о женихах да о приданом, а она о том да о сем... Как хорошо вот было бы встать сейчас над обрывом и броситься в небо, как делают это ангелы, живущие на других звездах, сидящие удивительных птиц...

– Эй, ведьмовка! Ты чего? Прыгать удумала? – осторожно окликнули сверху. Мари обернулась: к ней, на уступ, спускался ученик отца. – Домой не ходи, там за тобой пришли. Отец сказал – к бабке беги, не к ночи будь помянута, или схоронись где...

Сердце стукнуло и оборвалось. Рухнуло, застучало, как осыпь по каменистому склону. Бурля, захватывал ужас водоворотом.

Мари, не слушая, что мальчик кричал дальше, подобрала юбки, бросилась бегом – через рошу, затем вниз, по склону, через поле, через ручей, потом напрямик. Пятку что-то кольнуло, но Мари не остановилась. Неужели, Господи... Неужели!

Мари, запыхавшись, ворвалась в дом и чуть не налетела на фигуру в шелковой сутане. Серебряное распятие покачивалось у самого ее носа, а висело оно на груди молодого человека, который внимательно глядел на Мари сверху вниз, сложив перед собой руки.

– Я тебе что сказал... – недобро глянул отец.

– Вы позволите нам побеседовать наедине? – обратился к Марку инквизитор. Он был красив и не страшен, но в глазах сияла непререкаемая власть.

Отец, грохнув дверь, вышел, и инквизитор кивнул Марии:

– Садись.

Будто он у себя дома! С как можно большим достоинством Мари уселась, важно подобрала юбки, как делала это графиня. Инквизитор усмехнулся.

– Можешь звать меня Сезар.

...Чем больше слушала Мари инквизитора, тем безнадежней казалось ее положение. Отказаться – навлечь святой гнев. Да отец и ждать не будет – не уйти отсюда красавцу Сезару, покатаются под лавку его смоляные кудри под алой шапочкой! За дверь раздавались голоса, и Мари твердо решила не допустить кровопролития. Иначе придут мстители и испепелят весь край. Знаем, слышали.

Потому же отметался и яд, которым можно отравить Сезара, подсыпав, как отвернется, а потом сбегать... Ну, а остальные?

А если согласиться да показать всю свою ведовскую силу да явить голос – сожгут, непременно сожгут, как станет она не нужна...

Куда ни кинь – всюду клин.

– Любишь жизнь? – тихо спросил инквизитор.

Мари не ответила.

– А они тоже любят, только умирают в столице сотнями... Пока не поздно – прошу... я тебя прошу.

И зачем сказал? Голос кричал: спасайся, беги, а Мари кивала согласно.

– Тонкая у тебя кожа, – заметил Сезар, беря в руки ее запястья, где под светло-коричневым загаром бились голубые жилочки.

Опустив голову, Мари ощущала на себе его взгляд и понимала, как выглядит в его глазах – тощим цыпленком. Другие в тринадцать уже и замужем, и младенец у груди, а она...

За дверь выругался отец, звякнул металл.

Мари кивнула еще раз, и еще.

3.

Квартал бараков, к которому был приписан Морис, поражал запущенностью. Шелестели по улице куски бумаги, газеты, используемые здесь вместо пеленок. Валялись куски картона, фанеры, из которых мастерили мебель, какие-то железяки, и помоев хватало. Но полиции здесь было много, и район считался безопасным: белые маски светились мерцающим антисептиком на каждом углу. Участковый здесь был – непререкаемый авторитет. В центральных районах убийств врачей почти не бывало, и вредность профессии сказывалась в основном на эмоциональном уровне.

Бренар поправил маску, отозвавшуюся на прикосновение радужными всполохами. Перетертый в порошок текос был прекрасным дезинфектором – но при попытке обработать им целые кварталы обязательно попадалась сотня-другая неизмельченных кристаллов, взрывающих дома или нечаянно проглотивших людей. Поэтому тотальная дезинфекция была признана нецелесообразной, и порошок применялся только в изготовлении индивидуальных средств защиты – врачей и полисменов. На всех ваторцев масок не хватало.

Бренар с облегчением подумал, что до конца смены осталось чуть больше полутора часов. После этого ада он начал ценить свою спокойную должность.

Нет, он, конечно, знал, что творится в захваченных эпидемией кварталах, но это его не касалось, проходило мимо. А теперь вся скрытая реальность обрушилась неожиданным водопадом.

Эпидемия тлела по нищим кварталам пятнадцатый год. Сегодня Бренар сжег уже три дома, вызывая пожарных и вынося приговор двумя росчерками мелка.

– Мама, мама, врач! – заплакала какая-то девочка. Мать, с ужасом глянув на Бренара, подхватила дочь и скрылась в подворотне.

Бренар ощущал власть, и эта власть ужасала. Он знал участковых, которым нравилось это ощущение власти над жизнью и смертью – таких сторонились даже коллеги. Но большинство врачей видело в этих дежурствах только грязную, очень грязную работу. Лекарств не хватало, и способ пресечь распространение инфекции был один – жечь. Так Ватора уже пятнадцать лет боролась с «морозянкой», и Бренар и забыл почти, какой он был – мир до эпидемии. Эта планета не любила людей. Два солнца вызывали мутации привычных людям, принесенных с Земли, вирусов. Сейчас осталось только вечернее, желтое, заходящее поздно. Оно окрашивало мир в бледно-призрачные цвета, и улица под его лучами напоминала фанерные декорации.

Ощущение заброшенной сцены дополнял разлетающийся в стороны мусор и общий отпечаток мертвого существования.

Неудивительно: с приближением врача улицы вымирала.

Бренар стоял у очередной двери, вынося вердикт. Всю жизнь он не исполнял приговор, а наблюдал со стороны. С краю. А теперь он – судья, и он ставит на жизнях этих людей крест. В очень, очень буквальном смысле... В этой развалюхе как-то умещалась очень большая семья: два с половиной десятка человек. Полнейшая антисанитария, и не нужно было доставать анализатор, чтобы понять, что большая часть семьи уже обречена. Еще при входе Бренару бросились в глаза пять или шесть мордочек, бледных сквозь чумазость до белизны, с крупными каплями пота на висках. Кто-то за занавеской тихо вскрикивал, бредил, стонал. Надсадно орал младенец на руках девочки с пустыми глазами: лицо ребенка было красным, свекольным, и это значило, что болезнь вступила в последнюю стадию. Не надо разворачивать пеленки, чтобы увидеть черные прыщи.

Это смерть.

С Бренаром никто не заговорил, никто не остановил. Никто не бежал. Выходя, он услышал только, как пронзительный женский голос стал громко, с надрывом молиться на малознакомом наречии. Эмигранты?..

Ставя крест на дверях и нажимая кнопку вызова пожарного расчета, Бренар считал минуты до конца смены. По небу вяло ползло вечернее тусклое солнце, большое, круглое, бледное, как лицо «морозяного».

* * *

Крысы шастали всюду: по кучам отбросов, по канавам, самые наглые расхаживали прямо по мостовой. На большинстве же улиц, превратившихся с осенью в болота, мерзкая живность скакала по ногам и цеплялась за рукава. Из города отбросы уже давно никто не вывозил: мэр сбежал, всем остальным было плевать. Мария видела и чувствовала, как увязает в крысиных зубах чумной город, и как клыкастые твари, жирея, загрызают последнюю надежду столицы.

Город обезумел: откуда-то неслись звуки нежной лютни и разнузданной оргии, на окраинах пылали пожары. Чума еще не вступила в свои права, и многие надеялись спастись, подкупая стражу и разбредаясь по окрестностям, неся смерть и получая ее от вил испуганных крестьян.

Но надежду еще не всю сожрали крысы и пропили пирующие. Оставшиеся горожане пытались спастись по-своему: кто-то звал докторов, в масках, забитых целебными травами, похожих на хищных птиц; кто-то швырял факелы на крыши умирающих соседей.

Странно еще, как пожар не охватил всю фахверковую столицу.

Мария шла в одиночестве по центральной улице, огибая телеги с мертвецами. Почерневшие трупы больших и маленьких людей высились на колесах горами. Вывозить и хоронить было некому. Кто-то умер, кто-то пил, кто-то ждал конца.

«Остановить», – думала Мари. Голос подсказывал простейший подход: жечь, как жгут завшивевшую одежду... Все в Марии протестовало против такого решения, и спасти хотелось не только живых, но и умирающих. Мария шла по городу и чувствовала его боль. И каждый крик, каждый вздох отдавались в сердце как свои.

«Ты можешь?!» – крикнула Мария демону, ангелу, тому, кто говорил с ней и советовал ей.

«Сначала я должен поставить диагноз», – сказал голос.

По булыжной мостовой прогремела повозка, полная тел воспитанников сиротского приюта Ордена Милосердия. Следом шла молодая монашка и плакала в ладони.

«Что мне нужно делать?» – спросила Мари.

«Бежать из этого города, пока не поздно! – ответил голос. – Бросить все и бежать, бежать, бежать!»

– Пить! – раздавалось из открытого окна. – Пиить!

Там кто-то был еще жив, и Мари вошла в дом.

«Беги!!! – бесновался голос. – Бе-ги!»

Крысы мелькали по этажам, по лестницам, по которым шла Мария с кружкой воды; крысы скалились по канавам, заваленным трупами и свалившимися от слабости.

– Скажи же, что делать, или изыди, сатана! – кричала Мария, глядя из окна на корчащийся в агонии город.

«Хорошо, – сдался голос. – Я должен вблизи посмотреть на тело. Осмотр производи так...».

И Мария, повинувшись гласу, поднимала веки чумным, и заглядывала в мутнеющие глаза, и прикладывала ухо к хрипящим грудям, и тонкими пальцами доставала распухшие языки...

А Смерть ходила рядом, но не смела приблизиться.

4.

Если бы все было так просто, как в книжке! Спасение нашлось, и он подарил его чумному городу... вернее, Мария подарила. Бренар поражался, как своевольно ведут себя его герои. Иногда жизнь Мари и ее мира виделись ему настолько реально, что Станиславу казалось, что он бредит или сходит с ума. Да и желание написать книгу возникло, если припомнить, только тогда, когда сны с этой глупой, по-юношески горячей девушкой стали слишком частыми. Сначала Бренару было просто интересно следить за ее жизнью и набрасывать сюжетные линии в блокноте; потом, когда герои внаглую перли против сюжета, возникла мысль перевоспитать девочку... Юна и глупа, а впрочем, и сам Станислав был когда-то таким... или не был?

Как просто все-таки в книгах. Потница чудесным образом оказалась гриппом с осложнениями, прогнозы в средневековых условиях вырисовывались мрачные, но Мари взялась за дело с энтузиазмом.

По мере сил Станислав разбирался с ней в припарках, компрессах и деревенских рецептах. Штраф за «Древнюю медицину» давно уже перевалил за четыре сотни и подбирался к пяти. И еще Бренар посоветовал сказать Сезару, чтобы кто-нибудь занялся крысами, а то так и до настоящей чумы недалеко.

В жизни все было куда сложнее.

Бренар вытер пот со лба, поправил маску. Наверное, этим детям он кажется чудовищем, но... Слава Богу, в этом доме все здоровы. Он достал горсть витаминов, протянул матери. Вряд ли это существенно укрепит иммунитет детишек, но на этот раз Станислав просто не мог идти по кварталу и ничего не делать.

Чертов Морис, опять спихнул на него дежурство. Будто Бренару одного раза не хватило.

– Докта, докта! – бормоча на чудовищном диалекте, смуглый мальчик всунулся в незастекленное окно. – Докта, ме брат посылать, дай монету, там больной, покажу!

Сзади щенка подталкивал парень постарше, лет пятнадцати. Нет, напасть они не осмелятся, полисмен на углу. Бренар вышел на улицу, щурясь от полуденных лучей двух светил.

– Что надо?

– Больной там, – развязно тыкнул пальцем второй.

– Там, докта! Дай монету...

Бренару стало грустно. Кинув монету парню, он пошел к указанному дому, зная наверняка, что за вердикт придется вынести. И, конечно, так оно и было: молодой еще, лет тридцати, парень метался на низкой постели из наваленных друг на друга слежавшихся матрасов и промокших от пота простыней. В комнате витал ощутимый запах патсы – малодейственного отвара, которым здесь пытались лечить «морозяных».

– Доктор, доктор! – метнулась к Бренару какая-то женщина, видимо, мать. Она говорила почти чисто: возможно, раньше жила в лучших условиях или была учительницей одной из расформированных школ. – Он заболел только вчера, и у нас много лекарств!

Бренар осторожно отстранил женщину и наклонился к больному. Да, если дать ему курс современных антибиотиков...

– Мы можем лечиться, – таясь, шептала женщина. – Мы купили лекарства у контрабандистов, хорошие лекарства, настоящие лекарства, не смотрите, что здесь пахнет патсой – это на всякий случай, клянусь! Вот, я вам покажу...

Бренар смотрел, как мать достала из тайника россыпь цветных упаковок. Бедная женщина, не понимает, что Бренар обязан доложить о контрабанде, отправить ее в камеру, если еще не больна, а сын... Черт, его ведь можно вылечить. Но инструкции...

– Пока вы еще не заразились, я реко...

Она рухнула на колени и обхватила ноги Бренара.

– Я прошу вас, прошу... Мы бы сами, но Сабато, он в ссоре с моим сыном: он предал, он злой, ябеда, подлец! Иуда Сабато! Прошу вас, дайте нам шанс... Мой сын сильный, он выздоровеет, вот честное слово, выздоровеет – доктор, будьте милосердны! – по-

лукрик несчастной был невыносим, и Бренар в ужасе попытался рвануться из дома, но женщина вцепилась крепко и не отпускала. – Придите через три дня, доктор, и вы увидите, что он поправился! Дайте шанс, у нас же есть лекарства!

Бросившись к тайнику, женщина извлекла какой-то сверток, на фанерный пол посыпались монеты – здесь электронный расчет был не в ходу. Подбирая, она пыталась всунуть их в руку Бренара. Бренар дрожащими руками отводил ладони женщины, но она совала деньги с сумасшедшей настойчивостью. Рванула платье, вывалилась тощая грудь и несколько бумажек. Станислав закрыл глаза, глубоко вздохнул несколько раз, потом обернулся и взглянул на больного. Действительно, трех дней с контрабандными лекарствами хватит. Но инструкции! Женщина совала в руки купюры. Сжав руки в кулаки и спрятав их за спину, Станислав мычал что-то невразумительное. Парень стонал. В углу за занавеской шебуршился кто-то.

Сглотив, Бренар взглянул на мать, потом на сына, потом снова на мать. За занавеской заплакал ребенок. Станиславу показалось, что малышу зажимают рот.

– У вас достаточно лекарств? – строго спросил он, наконец решившись.

– Да, доктор! – женщина бросилась вытряхивать к его ногам все богатство: мелкие купюры и упаковки инъекций.

– Ладно, – Бренар кивнул. – Смотрите, не попадитесь другой смене.

Выходя из дома, он махнул рукой ожидающему Сабато с друзьями. Кривая ухмылка расплывалась по роже мерзавца. А ведь он же сам завтра может оказаться живым на костре Гиппократы...

– Это простая простуда! – крикнул Бренар и, развернувшись, резко черкнул на дверях круг.

Чувствовал он себя Фатимой, спасающей дом Али-Бабы.

* * *

Мария торопливо глотала мясо, не заботясь о приличиях. С хлопотами она забыла, когда ела в последний раз. А спала она вроде вчера. Или позавчера.

Сезар говорил об отлове крыс, о том, что король запретил сжигать дома больных, но соседи не слушают. Мари, глотая, кивала. Сезар налил в кубок вина – в комнате они были одни. Мария знала, что слуги ее сторонятся, но этот странный инквизитор ее не оставлял.

– Только сама не болеей, – сказал он однажды, прикрывая ее одеялом, когда Мари прилегла на кровать, не раздеваясь. – А то где мы еще святых найдем.

Желающих ходить по чумным домам действительно недоставало. Да еще этот голос мешал больше всех, советуя остановиться, побережись – когда она поила больных настойками целебных трав, подавала воды, вытирала пот со лба. Вот только святой ее никто не считал.

– Че не мрет? Все мрут, а она не мрет. Ведьма никак, – раздавалось вслед.

Выживало мало: один из трех, не считая тех, кто все-таки попадал в огонь. И говорили: вот ведьма, того спасла, а моего убила! Выживших не считали, а мертвых записывали на нее.

Но дело двигалось, и город оживал. Потница ухнула. Вот только на ногах не проходили кровавые мозоли, и на скуле подживала ссадина от камня.

Глотая еду, Мари пыталась сообразить, сможет ли она добраться до постели, или лечь спать прямо на полу. Мысли плыли, и внезапно из полудремы Мари вырвал звонкий молодой голос. Знакомый голос! Дорогой голос!

Золотоволосый рыцарь весело смотрел на девушку. С Мари разом слетела дремота, дыхание перехватило. Он! Разом нахлынули воспоминания, неумелые движения, «Боже, у меня ничего не получится!», кровь, много крови, волнение, ругань голоса, но он живой, и наконечник стрелы извлечен, и рана промыта... Так вот кто, сообразила Мари, рассказал обо мне Сезару!

– А, вот она, наша героиня! – улыбнулся рыцарь, и Мари расцвела от этой улыбки. – Ну что, мой друг, прав я был?

– Прав, – кивнул Сезар. – Не будем мешать, – он потянул рыцаря за локоть и увлек в соседний кабинет. Мари опять осталась одна, и вдруг вспомнила, что за все это время даже не узнала, как зовут ее пациента! «Господин рыцарь», он был для нее «господин рыцарь».

– Госпожа, ванна готова, – в комнату заглянула служанка и тут же юркнула обратно.

«Какая я госпожа», – мелькнуло в голове у Мари, но мысль она не додумала. Добралась до ванны – единственной роскоши из отдыха, которую она себе позволяла, к которой приобщилась в доме инквизитора – еще одна монетка в копилку обвинений. Разве ж будет хороший человек кажен день в воду лезть, шептались по углам служанки. Ведьма, точно ведьма! Мари вздохнула глубоко, окунулась в прохладу и аромат благовоний... Настойчивый, дурманящий, расслабляющий.

– Проснись! – кричал кто-то. – Проснись!

Аромат пропитывал легкие, заполнял сознание, и Мари скорее почувствовала, чем заметила, что вошел кто-то и, обернув ее в покрывало, вынул из ванны и понес куда-то... голос кричал, орал, звал, надрывался, но сознание уплыло вместе с голосом.

5.

Мрачный и угрюмый, Станислав срывал злость на ни в чем не повинном столике в баре на втором этаже. Сон не желал его слушаться, и то, что вытворяли герои, ни в какие рамки не лезло. Убедить себя, что это всего лишь будущая книга, после произошедшего удавалось с трудом.

«Я схожу с ума, – думал Бренар. – Слава Богу, что я хотя бы не пишу стихов».

А наяву спину ошупывал пронзительный взгляд хитрющих глазок Яра, и Станислав бесконечно болтал ложкой в чашке, хотя чай пил без сахара. Но легкий нервный звон успокаивал. За столик присел Морис, он был чем-то расстроен.

– Знакомого казнили, – сказал он. – Сынишку школьного друга. В газете прочел. Вот, – он протянул Бренару карту.

Станислав щелкнул ридером, и перед глазами выплыла фотография казненного смутьяна с усиками и бородкой. «Контрабандист пойман и казнен», – гласил заголовок, но Бренар не смог читать дальше. В голове вертелось одно: «Я проверял у него пульс... я проверял у него пульс... до и после...».

– А я их каждый день расчетам отдаю, – пьяно всхлипнул Морис, протягивая Бренару стакан. – Давай выпьем за душу этого мальчика и души всех, кого мы... кого я... о Господи! Давай просто выпьем за их души!

Станислав промолчал. В стакане бултыхались кубики голубоватого льда.

Яр, наклонившись к смазливой барменше, шептал ей что-то. Девушка с приклеенной улыбкой слушала. Никто не любил ссориться с Яром.

– У меня ведь план, – с отчаянной тоской бормотал Морис. Бренар оглянулся на барную стойку. – А еще у меня, кроме плана, жена и двое детишек. И я должен быть этим чертовым участковым, потому что иначе... Хорошо тебе, без семьи!

– У меня сестра, – ровно сказал Бренар. – На соседнем континенте.

– Ты не участковый!

– Да.

Помолчав, Станислав добавил:

– Повезло.

Мориса развозило на глазах. Похоже, до него не доходило, сколько глаз и ушей в этом баре – даже если не считать мерзавца Яра. А у Мориса, сам сказал, дети. Вот дурак. Бренар подавил попытку встать и немедленно уйти. Вместо этого он начал успокаивать друга, пытаясь перевести сменить тему. Но идиот Морис не успокаивался:

– У меня же план – не меньше пятнадцати очагов в неделю! Будет меньше – самого в бедняцкий квартал! Им нужна эта чертова эпидемия, – цеплялся Морис за пуговицу пиджака Бренара, будто за спасательный круг, – понимаешь, им нужна эпидемия!

Бренар с ужасом слушал излияния друга. С ужасом – не потому, что никогда этого не знал, а потому, что рушился привычный, спокойный, уютный мир, в котором, отгородившись стеной, можно не слышать, не видеть, не говорить. И тогда всего этого нет.

Наконец, он не выдержал и резко поднялся.

– Ты... к-куда? – осоловело протянул Морис.

– Извини, ты несешь пьяный бред, – громко сказал Бренар, поднимая свой дурацкий старомодный чемоданчик. Он был зол на весь мир, на Мориса особенно, и еще на себя – за то, что позволил втянуть себя в эту историю.

Распроставшись, торопливо и агрессивно, Станислав сунул в щель стола карточку. Морис, не соображая, что делает, вытряс на стол несколько монет.

...Вечером Бренар долго не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, думал много, о разном. На часах мигнуло четыре. Скоро надо будет вставать, но Бренар не мог отделаться от мысли о том, что все идет как-то не так. И Мария еще. Впервые Станислав боялся даже подумать, что будет с его героями завтра. «Только не пытайте ее», – шептал он, и очень хотел, чтобы его послушались.

Бренар вслушивался в витиеватые слова вердикта, и с каждым словом надежда гасла. На казнь посылали Марию, а ему казалось, что это умирает его совесть.

* * *

Мария не думала бежать, потому что отсюда не убегали.

Охапка соломы и опустевшая кружка, да цепи, небрежно сваленные в углу: ее даже не приковали, потому что отсюда не было пути. Каменный мешок не освещался, и сколько прошло времени, совершенно не ощущалось.

Говорят, бесновался граф, узнав о том, что схватила колдовку – но это Мари услышала от стражников, когда вели сюда, а так неизвестность множилась, и знать хотя бы, сколько ночей прошло... Раз граф недоволен, может, он обратится к королю? Пытать ее не пытали, потому что отвечала она на все вопросы честно, ничего не скрывая. Даже про демона, с которым она беседовала и который ее руками спас, получает, рыцаря, имя которого она наконец-то узнала – Арнольд... Рыцарь, не глядя в глаза, давал показания. Грустно было, но Бог велел прощать, и Мария прощала. Каждое слово прощала, каждое виноватое движение.

А голос внутри бесновался и проклинал, требовал, чтоб Арнольд убирался из какой-то книги... Иногда ей казалось, что голос сошел с ума, и тогда становилось вдвойне страшно. Мало того, что сама одержимая, так одержима одержимым бесом...

Но вот голос успокоился немного и теперь говорил с ней спокойно и немного грустно. Говорил о разном. О жизни. О долге. О сердце. О душе. О содранной с мяса коже. А Мария соглашалась, Мария возражала, Мария спорила.

А иногда они просто рассказывали друг другу о своих мирах.

– А я так хотела на ярмарке побывать, – поделилась несбывшимися мечтами Мари.

– Господи, какая ты еще девчонка... – прошептал голос.

– Там яблоки золотые и...

Мари сглотнула. Живот свело.

– А ярмарка Портмода – это всем ярмаркам ярмарка! Одним словом – столица...

– Как? Как ты сказала? – спросил голос.

– Портмод, – вздохнула Мари. – Город такой. Столица наша. Ярмарка там. И темница, в которой я сижу.

– Портмод... – пробормотал голос. – Бог ты мой, какие рояли в наших дубравах... Так, слушай, Мари: оглядись по сторонам...

– Темно. Ничего не видно.

– На ощупь! Ищи щель в стень. Легкую вогнутость, неправильную шероховатость...

Мари не понимала, что от нее хочет голос, но повиновалась. На третий раз, обойдя кругом камеру, она нащупала, наконец, длинную щель в стене, почти незаметную – но пальцы у Мари были тонкие, чуткие, а еще она очень хотела выбраться. И верила голосу. И он не соврал.

– Надави... черт, не помню где... дави, короче! Это потайной выход... Мари, давай...

Прошло два или три часа, пока Мари удалось коснуться потайной пружины и скользнуть в темный проход.

– Ты ангел или демон? – набравшись смелости, спросила Мари.

– Я?! Я – сумасшедший! – расхохотался голос. – Я бездарный писатель, несчастный графоман, счастливый от того, что с неба свалился банальнейший ход!

– Какой ход? – переспросила Мари.

– Сюжетный. Потайной то есть, – поправился голос, и велел: – Не мешкай!

Скользя в темноте, Мари добралась до развилки. Впереди светлело, но сбоку... Мари могла поклясться, что из бокового прохода...

– Чего застыла? Давай вперед! – в голосе послышались панические нотки. – Бе-ги!

– Подожди, – прислушалась Мари. – Я что-то чувствую.

Касаясь рукой влажной, сырой стены, девушка осторожно пробралась в большой коридор, выскользнув через такую же потайную дверь. Сердце кольнуло: а вдруг отсюда она не откроется?

«Дура!» – заорал голос.

Но Мари его уже не слушала. Там, впереди, за решеткой, она скорее почувствовала, чем увидела сутану инквизитора. Мари замерла, как вкопанная. Что за... И Сезар, кажется, удивился, увидев Мари.

– Либо ты святая, либо и вправду ведьма, – пробормотал он.

– Сезар! Погоди, надо найти ключи...

– Что ты мелешь! Немедленно убирайся отсюда, услышат стражники! Где ты собираешься искать ключи?!

– Не знаю... – прошептала девушка.

Мари стиснула пальцы на решетке, с отчаянием глядя на гордого инквизитора. Он и здесь не потерял осанки и властного взгляда. Только показалось в неверном свете факелов, или и правда серебро блеснуло не только на груди, но и в волосах?

Сезар отошел в глубь камеры и посмотрел исподлобья.

– Именем Господа нашего повелеваю тебе: иди!

– Сезар?..

– Изыди, ведьма! Уйди, идиотка!

Мари с обидой взглянула на инквизитора. В коридоре раздалися шаги. Сезар быстро подошел к решетке и резко оторвал от нее побелевшие пальцы девушки, молча указав в темноту. И было в его взгляде столько власти, что Мари, глотая слезы, поплелась к потайному ходу.

6.

Он словно сам бежал по этому тайному ходу. Тело вспоминало сладкое ощущение ужаса, тело помнило этот коридор, и память помнила... Сердце колотилось как бешеное, и перед глазами сияло: Портмод! Портмод! Вспомнились детские годы, счастливые годы, годы до эпидемии – их, школьников, возили на Капицу, планетку с остатками памятников средневекового уклада регрессировавших колонистов. Впрочем, к тому времени, когда на Капицу начали возить экскурсии, средневековые остались там только в музеях. Юный Станислав выбрал экскурсию по старой тюрьме, и этот ход... он назывался «ход ведьмы». По другим источникам, говорил экскурсовод, из каменного мешка сбежала не ведьма, а святая. Бренан уже не помнил точно, кто там сбежал, но вот теперь из глубин подсознания выплыл этот ход, и услышанная когда-то история обрела жизнь в героях его книги...

А может, и не в героях книги. Станислав до корней волос был материалистом. Но... Нет, он властен над сюжетом, решил Бренар. Он приложит все усилия, чтобы его герои поступали так, как он желает! И на это была очень веская причина.

Та, сбежавшая из реальных подземелий Портмода, тоже была Мария. Но она погибла сразу после побега.

И если все это была настоящая история... Зарывав в бессильной ярости, Бренар, сжав кулаки, рухнул на кровать. Обессиленный, издерганный, все нервы сжегший на этой сумасшедшей гонке по подземельям, он заснул сразу, коснувшись подушки. Ему снился больной с участка Мориса, потом казненный контрабандист, а больше ничего не снилось.

* * *

Мари, сидя у бабушкиного очага, лихо уписывала лепешки с медом, с маслом, с сыром... с чем накладывали, с тем и уписывала. Бабушка – та, которая не к ночи будь помянута, ворчала:

– Чем тебе оруженосец плох?

– Да не люблю я его!

– А рыцаря этого, подлеца-предателя, любишь, значит?

– А он не специально! У него другого выхода не было!

– Ой, дура, дура... неужели ж и я... – бабушка задумалась о чем-то, и в хижине понесло паленым.

– Ох, матушки! Горят!..

– Кто горит? Где? – встрепенулась Мари, и тут же обмякла, расслабившись: лепешки горят. Всего лишь лепешки.

Но есть больше не хотелось. Зато Мари вспомнила вопрос, который давно хотела задать бабуле:

– Бабушка, а может так быть, что один человек другого на расстоянии чувствует, и все мысли его знает, и разговаривать с ним может?

– Может, – вздохнула бабушка и опять о чем-то задумалась. – Вот, помнится, все мы с дедом твоим, упокой Господь его душеньку, как отлучится он из дома, в город ли, на охоту... подстрелили-таки браконьера! так я все чую, что с ним случается... и как сгинул он, сразу почуяла: словно мне в сердце, вот тут, кольнуло. Это когда люди сильно-сильно душой друг на друга похожи, как две половинки яблока, бывает. И найти такую половинку – большое счастье, небывалое...

– А если человек этот на небе живет?

– Ангел штоль? – удивилась бабушка.

– Ну вот и не ангел вроде, а иногда как даже и бес, но человек. И так далеко живет, что никогда, говорит, не встретиться нам...

– Лучше думай о своем рыцаре, – неожиданно оборвала бабушка и отвернулась к лепешкам.

Стук в дверь раздался неожиданно, и у Мари упало сердце. В такой глуши... На пороге появились воины и незнакомый инквизитор. Незнакомый?..

Мари бросилась с Сезару, обхватила ладонями обезображенное лицо. Пол-лица как не бывало – жгли, собаки, железом, и глаз выплыл, и обнажилась кость. Инквизитор застонал. Бабка, всплеснув руками, бросилась к травам.

– Да залечили уже, месяца три как, – отмахнулся было Сезар, но уйти от тисков старой знахарки было не так-то легко. – Мари, как я рад...

– А Арнольда отпустили, тоже?

Сезар скрежетнул зубами.

– Не поминай при мне эту мразь, – бросил коротко. – Пусть получает королевскую награду за спасение города.

– Принцессу? – спросила Мари, но Сезар ничего не ответил.

А потом они пили кислое молоко и ели лепешки. Кто-то из воинов шепнул Сезару:

– Это не та ли самая ведьма, которую сожгли заочно лет тридцать назад да все ищут, чтобы сжечь заправду?..

– Где? Не вижу никакой ведьмы, – отрезал Сезар.

– Да я что, я ничего, – смутился воин, пряча глаза.

Ощутимый тычок заставил мечника прикусить язык. Сзади стоял Генрих, оруженосец:

– Господин граф велел по чащобам зря не рыскать, а оставить здесь отца Сезара на выздоровление, а дорожку забыть крепко-накрепко. А потому и наоборот глаза я вам завяжу. Ну, поднимайтесь, пошли!

Нехотя отрываясь от еды, воины начали подниматься из-за стола.

– Господин граф лично поедет к королю, – добавил Генрих, глядя на Мари. – Но тебе не следует появляться там, где тебя знают... некоторое время.

– Почему? – спросила Мари.

– Если спасительница столицы умрет – появится новая святая, – вместо Генриха разъяснил Сезар. – А если останется в живых – будет ведьма.

...Вечером Мари тихонько подошла к инквизитору.

– Могу я спросить... о душе?

Сезар кивнул. Страшную полумаску скрывала темнота, и в профиль он по-прежнему был прекрасен.

– Если голос внутри меня говорит: не делай этого, не рискуй, живи, не иди к чумным, ты молода, тебе надо жить – это называется дьявольский искусь?

– Это называется житейская мудрость, – ровно ответил Сезар, и в голосе звучала бесконечная усталость, и немного грусть.

– А если я думаю, отчего звезды на небе, и как дойти до солнца, и как будут люди жить через тысячу лет – это...

– А это пора замуж, – отвернулся Сезар, и больше сегодня не говорил.

7.

Станислав стоял у посадочного модуля и дрожал, хотя в зале было тепло. Полированная поверхность отразила силуэт, и Бренар подумал, что вот он весь: мутная тень, и больше ничего.

В груди росла тревога, хотя отпуск был рассчитан по правилам и никто его ни о чем не спрашивал; по-бюрократически безразлично оформили документы и выписали билет. Но сердце колотилось как сумасшедшее, и Станислав знал, почему. Очень не нравилась ему прощальная улыбка Яра. «Счастливой дороги, Бренар». Вроде бы и нет в этих словах ничего плохого. Вроде бы все, как должно быть. Счастливой дороги.

Мориса взяли в тот же день, забрали из бара, где он приставал к посетителям. Был ли к этому причастен Яр – Бренар не знал. Что теперь станет с женой и детьми Мориса, Бренар не хотел думать. Его-то сестре, по крайней мере, ничего не грозит: у нее хорошая должность.

Объявили посадку, но до самого взлета Станиславу казалось, что придут – и снимут. Слишком многое он знал и слишком многое хотел сказать. Не сняли.

Самый дорогой билет до Земли съел почти все его сбережения. Зато лететь пришлось всего двое суток – но и их Бренар провел как на иголках. В груди росло ощущение беспричинной тревоги.

Но ничего не происходило. Он вышел в космопорту Найроби, на подземке добрался до Женева, взял такси до Судебной Комиссии, заполнил в вестибюле бланк и сел ожидать на белый кожаный диванчик. Сердце стучало, хотя, если подумать, все уже кончилось. Но в спину словно глядел сквозь прицел снайпер.

– Вы с Ваторы? – с непонятым выражением спросил служитель. – Пройдемте...

Бренар шел по коридору и поглядывал на сопровождающих. Казалось, они неосознанно сторонятся ваторца. «Сволочи, трусы! Да ведь проблемы-то наши не от эпидемии вовсе», – думал Бренар.

Ему предложили кресло, но, нервничая, Станислав остался стоять. За стеклом разместилось несколько человек. Впереди сидел немолодой сухощавый мужчина с белыми волосами и крутил в руках старинные очки. «Заразиться бояться», – Бернара взяла злость. Но надо было брать себя в руки.

– Я хочу сделать официальное заявление о преступных действиях правительства Ваторы, – начал он.

На него как-то странно смотрели, а седовласый надел и снова снял очки.

– Что вы на меня так смотрите? – возмутился Бренар.

– Нет, нет, ничего! Продолжайте, пожалуйста...

– Нет уж! Пока вы не объясните, в чем дело, я помолчу... – Станислав разозлился не на шутку. – Что я вам, зверек в зоопарке?!

Земляне переглянулись.

– Да, мы, конечно, должны вам сказать... – седовласый не поднимал глаз на собеседника. – Только постарайтесь отреагировать вменяемо, это очень важно для нас и для Ваторы. Мы ведь не можем послать проверку без заявления хотя бы одного из жителей. У нас, вы же знаете, очень цивилизованное общество. Мы не можем рисковать хрупким миром, поэтому общение с каждой из планет строится на основе максимальной демократии. Никакого военного вмешательства. Никакого административного вмешательства. Никакого посягательства на внутренний суверенитет. Любое вторжение может производиться только при наличии неопровержимых фактов, его обосновывающих, но никакого шпионажа – я имею в виду, такие данные не являются аргументами. Разведки официально не существует. То, что мы знаем, без подтверждения самих ваторцев – не повод рисковать миром в галактике... Издержки демократической процедуры.

– Я это знаю, – ровно ответил Бренар.

Землянин вертел в руках очки, не глядя на Станислава.

– Проблема в том, что все жители, вступающие в эти стены для официального заявления – а только такое принимается для протокола... Бренар, у вас в горле бомба.

Бренар провел рукой по лицу, усмехнулся. «Счастливой дороги, Станислав, – сказал ему Яр на прощание. – Приятно отдохнуть». Прощальная улыбка Яра была такой любезной.

– Обычно она взрывается в вестибюле. Открытый вызов Земле, демонстративная насмешка. Но выглядит все очень естественно – просто горло разрывают кристаллические отростки внезапно проснувшегося теко-са. Обвинять правительство Ваторы мы не можем – вы ведь могли где-нибудь подцепить его сами, на одном из полюсов. Или вы, может, оригинал-самоубийца. У вас же это модно... В общем, Бренар, я не знаю, почему

текосовая бомба не сработала, но она может рвануть в любой момент. Мы можем попытаться вытащить ее, но медики девяносто процентов ставят на детонацию. Повторяю: она может сработать в любой момент. Вы должны четко это осознать, принимая решение... Вы продолжите или сделаете заявление после операции?

«А если операция окажется неудачной? – подумал Бренар. – Ну и падай ты, Яр... А может, и не Яр это вовсе».

– Итак, ваше решение? – голос землянина с белыми волосами был ровен и едва уловимо напряжен.

Секунда – очень растяжимое понятие. Бренару казалось, он думал о жизни бесконечно долго. О годах прошлого и мгновениях будущего. О себе, о Морисе, о Мари, о контрабандисте с мальчишечьей бородкой... На самом деле прошло чуть больше секунды, и, набрав в грудь воздух, Станислав начал рассказ:

– Правительство Ваторы пятнадцать лет живет за счет гуманитарной помощи, посылаемой на борьбу с эпидемией, – он говорил ровно, но быстро. – Все медикаменты продаются на черном рынке, в основном поставляются на такие же малоразвитые планеты. Это основная статья дохода...

Он говорил, а перед глазами стояла жизнь, которую он так и не успел прожить. Только мелькнул бесформенным силуэтом, чтоб согнуться, как кусок рафинада, в темном водовороте...

– Это все? – срывающимся голосом спросил, наконец, человек за стеклом.

– Да, – сказал Бренар, стоя за стеклянной перегородкой и ловя свои последние мгновения, как когда-то ловили их его... пациенты. – Больше мне добавить нечего. Разве что...

И он скорее подумал, чем прошептал:

– Спасибо тебе, Мария...

* * *

Мари лежала на траве и чувствовала, как по телу разливается слабость. Злобный дракончик, с которым она боролась несколько часов, наконец-то сдох. Вспух ярким огненным шаром, разлетаясь во все стороны чешуей. Вот только голос все равно молчал...

Неладное Мари почувствовала ночью, сквозь сон. Дракончик разевал пасть, и Мари поняла, что, если он сомкнет зубы, случится непоправимое. Мари схватила железный прут, что калил отец, и всунула подлючке меж зубов. Дракон обозлился, взревел, прут гнулся, но держал. И Мари не давала зверюге сомкнуть зубы, хотя силы ее уходили по капле...

И когда совсем уже стало неважно, пришли маги, и захватили дракончика в сети, и отнесли в темную дальнюю комнату, и он лопнул от злости и от того, что Мари отпустила наконец прут...

Но вот прошло уже много часов, а голос молчал. Может, он просто спит?

В бесконечной голубизне плыли сказки, написанные облаками. Мари смотрела в небо и просила: пусть у каждой сказки будет счастливый конец.

И человек, которого она придумала, будет жить.

Осталось только правильно расставить ударения.

Можно, сразу два?

Очень надо.

Я читаю
УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ" вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог агентства "Роспечать", индекс 73413
- Агентство "Урал-ПРЕСС" в Уральском регионе
- Агентство "МК-ПЕРИОДИКА" в России
- Агентство альтернативной подписки ООО "ИНТЕРПОЧТА" в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал											
УРАЛЬСКИЙ следопыт										73 413 (индекс издания)	
										количество комплектов	
на 2010 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											
(фамилия, инициалы)											

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		
ПВ		место	литер	на журнал	73 413 (индекс издания)
УРАЛЬСКИЙ следопыт					

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов								
	пере-адресовки	_____ рублей									
на 2010 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда		
	(почтовый индекс)	(адрес)
Кому		
(фамилия, инициалы)		

Поймать молнию

Легкий, но ощутимый толчок в плечо вырвал из уютного сна. Валад открыл глаза, несколько секунд моргал, вырываясь из туманной дымки сновидений, а затем узнал – косматая борода, грива волос: Лев Дмитриевич Иванофский.

– Чего смотришь? – чуть грубовато спросил Лев Дмитриевич. – Вставай.

– Зачем? – спросил Валад.

– На рыбалку, – усмехнулся в бороду разбудивший. – Ты домой вообще-то хочешь?

– Так сказали же до обеда ничего, – начал оправдываться Валад.

– Вставай, давай... до обеда. Тут тебе, товарищ, не аптека, тут тебе реальная действительность. Все-го не намеряешь.

Лев Дмитриевич повернулся и отошел, разом освободив место для тусклого света, заставившего, тем не менее, зажмуриться на мгновение. Здоровый он какой, словно мидведь, а не... лев, еще раз удивился Валад и сел на топчане.

Рожа кололась отросшей щетиной. Сколько он уже тут... два с половиной дня? Надо было вчера спросить бритву, наверняка хоть у кого-то была. Как всегда, думал, с утра успеет. Странно: почему планы так внезапно поменялись?

– Перекусывай и выходи. Только пошустрей, – прервал размышления гулкий голос Льва Дмитриевича. – Ждать не будем, ехать надо, все уже готовы.

Спорить, а тем более опаздывать, не хотелось никак. Поэтому пришлось «по-быстрому» вставать, умываться ледяной водой из-под блестящего тусклой латуни крана. Странно, они везде, наверное, такие... одинаковые.

На столе стояла кастрюля с теплой еще кашей, но адреналин уже так гонял в крови, что действовал чуть не до тошноты. Валад плеснул кипятку из чайника в найденную на полках шкафа пластиковую кружку, бросил пару кусочков сахара, добавил травяной заварки. Отломил булки и, обжигаясь и втихую ругаясь, принялся пить чай.

Стол, стулья, лавочки – все в доме было простым: главное – крепко и надежно. К бревенчатым стенам гвоздиками прикреплены непонятные карты

и схемы, точками и кружками на них обведены неизвестные области этого... чужого... мира. Два шкафа, где можно отыскать, кажется, все что угодно, электроплита... сломанный ноутбук, хрень какая-то со стрелками и шкалами... В шкафах, кстати, таких малопонятных штук половина полок битком, да еще большая. Пара дверей – в спальню с топчанами и на улицу – все, ничего в комнате другого и не было.

Эй, размечтался! Время не ждет. Дожевывая на ходу, накинув дареную Львом Дмитриевичем синюю непромокаемую, «со смехом» куртку, Валад выскочил на крыльцо. Порыв холодного, сырого воздуха плеснул в лицо волной, даже дыханье перехватило. Дом ловцов кругом обступали высокие деревья, похожие на сосны, разве что иголки чуть длиннее и цвет странный. А так – один в один. Меж стволами висел серый, плотный туман. У стоящего чуть поодаль грузовика странной конструкции – вроде и знакомой, но непривычной – стояло несколько человек: кого-то Валад знал, кого-то – нет. Среди всех выделялся странно одетый косматый дед. За спиной у деда висел бубен, стоял он, опираясь на высокую клюку, повершьем которой служил белесый череп неведомого зверя. Одет, как ни странно, дед был в линялые джинсы и зеленую вытертую «милитари»-куртку с карманами-клапанами.

– Эй, Вальд! – окликнул Козтян, высокий худой парень; вчера они вместе пили пиво и играли в нурды, которые тот упорно называл по-своему – нерды, – Давай сюда!

Валад спустился, подошел к грузовику.

– Ага, вот и молодой, – обернулся Лев Дмитриевич. – Знакомься, Валад, это Роман Станиславович, можно просто Станиславывывич. Я тебе говорил.

Кругом рассмеялись. Валад пожал протянутую неширокую, шершавую и удивительно жесткую ладонь. Роман Станиславович... разведчик и лучший ловец, как вчера говорил Козтян. Невысокий, неширокий, лысоватый... Обычный... правда жилистый, чувствуется – крепкий. И улыбается по-настоящему, с морщинками у глаз.

– Надеюсь, хорошее хоть? Когда, говоришь, перенесли? – голос у ловца оказался тоже не богатырский.

Гамаюнов Ефим Владимирович родился в в 1976 году в г. Петровске Саратовской области. Окончил Самарский колледж связи. Работает программистом в Петровском филиале СГСЭУ. Женат, двое детей. Писать начал давно, публиковаться – с 2006 года. Рассказы печатались в сборниках «Аэлита» (004, 005), «Настоящая Фантастика – 2009», «Словесность – 2008», журналах «Полдень 21 век», «Уральский Следопыт», «Порог», «Знание – Сила. Фантастика», «Просто фантастика» и на DVD-приложении к журналу «Мир фантастики».

– Два дня назад, – ответил за него Лев Дмитриевич.

– С Зимли, через и?

Валад кивнул.

– Понятно... А год там у вас какой?

– Две тысячи десятый.

– Даже так? – удивился отчего-то Роман Станиславович. – Ну, хорошо. Нечего тянуть, по местам, давай. Слушай, Валад? Правильно? Если что непонятно, спрашивай. Тут такое дело, сам понимаешь, может, сегодня твоей не будет. А будет моя или вон Митрича. Ты должен знать, чего дальше делать, если нас не будет. Так что спрашивай о чем угодно, лезь везде. Такое дело, тут почти каждый сам за себя. Лады, понял?

– Понял, не дурак, – хотя... какой твоей? Чего твоей?

– Ага, дурак бы не понял. Вот присказка, везде одинаковая... Полезли, что ли, и мы, чего стоять-то. Айла, Лукья, дейст.

Странный косматый дед чуть склонил голову и взмахнул перед собой своей странной клюкой.

– Айла, Роман. Дейст и тур.

В небольшой кузов под тентом, с прикрепленными вдоль бортов лавками, набилось шесть человек. Валад оказался зажатым между громадным «Митричем» и молчаливым усатым дядькой, которого все звали дядей Колей. Места в самом деле оказалось мало: кроме людей, в кузове стояли фанерные коробки, лежали зачехленные продолговатые свертки, а на них громоздились набросанные кое-как рюкзаки. Роман Станиславович заглянул через задний борт, осмотрел всех и все, кивнул и скрылся, словно нырнув. Хлопнула дверца кабины, грузовик вздрогнул, взревнул, затарахтел: мелкая дрожь отозвалась по всему кузову. Хрипнула коробка, все дружно наклонились набок – поехали.

Под тентом висело молчание, разговаривать не хотелось: шумел грузовичок изрядно. Да и дорога – сплошь колдобины и ямы. Валад вместе со всеми послушно наклонялся, подпрыгивал и дергался, подчиняясь необъяснимой воле железного чародея, везущего его на встречу с... А с чем, собственно? Так никто ничего толком и не объяснил: в первый день он вообще только обвыкал, осматривался и прислушивался. Весь второй отходил от свалившихся сведений.

Понял он немного: только, что, скорее всего, умер. Для своего, тамошнего мира, здесь-то чувствовал себя... паршиво, конечно... но очень даже живым. Вот так. Да и вправду умер, как получается, не совсем...

«Параллельных миров дофига. Я даже не представляю, сколько», – рассказывал ему в первый вечер Лев Дмитриевич, как понял Валад, старший в Доме ловцов. – Ты вот с Зимли, я с Семли. Вообще почти одинаково, рядышком, значит, где-то... бывают, я читал, и странные искажения. Денбе, к примеру. Хе! А почему все на этом мире

сходится, это я не знаю. И никто тебе не скажет, потому как никто и не знает тоже. Особенность какая-то есть, так вот... Тут тоже не все совсем, как в наших... Э-э-э, как тебе объяснить... Тут, к примеру есть места, где звук обгоняет свет. Не везде, заметь, но места есть. Круто? Но непонятно, как в учебниках по кеометрии? Так-то мирок ничего, нормально, жить можно. Попадает народу сюда, в целом, много. Кто-то обживается, привыкает, а кто-то хочет вернуться обратно. Вот ты хочешь? Вот и я, и остальные, кто живет в этом доме. Ловцы... Кто-то давно, до меня, а я тут почти самый старый, придумал, прижилось. Для местных мы вроде как секта, отверженные. Раньше они лучше к параллелонавтам относились: находили, изучали, записывали, помогали... Без тех записей мы фиг чего сами смогли бы... Знания – страшная сила, тут конкретно вообще понимаешь...»

Грузовик чихнул, оборвав мысли, и замер. Все последний раз дружно качнулись.

– Приехали, – бодро прокомментировал Козтян, – Вылазьте, господа! Нумера!

Спрыгнув наземь, Валад потянулся, разгоняя кровь по застывшим жилам, и осмотрелся. Чудо-механизм привез ловцов на каменистое поле – до самого горизонта, насколько хватало взора. Лишь одинокий клык скалы, прорвав землю, угрожающе целился в светло-голубое, без единого облачка, небо. Слева, на стыке земли и небесного купола, разливалась желтизна: Солнце вскоре должно появиться над миром. Картинка папахивала сюрром, только тут все так... ненормально малость.

Ловцы споро вытаскивали из кузова коробки, свертки, распаковывали странные приспособления, собирали чудные конструкции. Настоящий муравейник: суета, а приглядишься – каждый делает свое, все знают, что, где и когда. Еще Валад заметил, все, прежде чем начать работать, успели надеть поверх курток нечто, типа кольчуг: жилеты из тонких железных тросов, хитро переплетенных в сложный узор.

– А мне бы такую? – спросил он Козтяна, – Для чего она?

Козтян распутывал клубок тонких проводов и откликнулся не сразу. Он поднял глаза, несколько секунд пустым взглядом смотрел на Валада, опомнился и хитрым движением кивнул, указывая куда-то за машину.

– Это... ты с Львом или со Станиславовичем говори. Они тебе не сказали, что ли, ничего?

О чем не сказали? Искорка беспокойства зажгла внутри костер тревоги. Почему не сказали? Он обогнул машину-грузовик, попутно отметив «скачущего лося» на капоте, и увидел Романа Станиславовича, Льва Дмитриевича и дядю Колю. Совет старейшин, значит. Вроде подслушивать нехорошо. Но никто ведь не запрещал подходить?

– Надо поставить сетки вот там и вот там, – говорил дядя Коля, указывая направления. – Если оттуда

придет, то по-любому хоть одну, но зацепим. Она мимо не пройдет, негде ей будет.

– Можно еще приманить перед сетками. Вывесим оба змея, пустим напруги посильней, – добавил Лев Дмитриевич, скребя в бороде. – Хватит на сегодня?

– Да заряжали позавчера. А сами вон оттуда закидывать будем, – дядя Коля указал на утес.

– Нет, там лучше одного змея поставить. А то, если там зацепит, не успеем спуститься, сорвется. Или впустую уйдет. А в следующий раз, когда снова гроза соберется... Два месяца опять ждать? Тут-то, если чего, к змею добежим, а второго, правильно говоришь, Лева, у сеток поставим. И туда сразу полутонный прикорм, кстати, и провод будет на вычислитель. А сами вот оттуда... И, считай, все перекрыли. Если будет, должны поймать, – Роман Станиславович провел рукой по редким волосам на маковке и поглядел на небо.

– Придет, уверен? – спросил дядя Коля.

– Придет. И местный, Лукья-шаман, сказал, что сюда. Сегодня даже навестил, напомнил. Хоть один нормальный среди местных остался. И торгош Дарим, но тот бабки на нас делает, сам хитро сделанный. Эх! Чую, мужики, сегодня моя будет, – ловец вздохнул. – И сдерну наконец...

– Ага, и в прошлый раз говорил, и чего? Отдал свой улов, поменял, так сказать, мечту на реальность, и снова невыгодно, – Лев Дмитриевич хмыкнул в бороде. – Валад, что-то хотел?

Ага, наконец-то заметили.

– Да вот все кольчуги понацепали, а мне не дали, – выразил Валад свою мысль. – Я спросил, сказали, если чего, к в... тебе подойти. Объяснить чего-то забыли, вроде...

Трое ловцов на миг переглянулись, а затем Роман Станиславович хлопнул по плечам дядю Колю и Дмитрича.

– Так, мужики, давайте-ка, займитесь делами. Надо успеть как можно раньше сетки поставить. И змеев, как договорились. А то подоспеет, а мы еще ушами хлопаем.

Ловцы дружно, словно по команде, мотнули головами и заспешили за грузовик к ругающемуся на провода Козтяну.

– Слушай, Володь, – начал ловец, и Валад даже не обратил внимания, что он неправильно произнес его имя: в голосе Романа Станиславовича появилось нечто... пугающее. – Ты, без обид, сегодня на особом положении. Ты вообще знаешь о том, как попал сюда?

– Ну, – а что он знал? – Я вроде как умер.

– Не просто вроде как умер, тебя вроде как убила молния. Начисто, даже кроссовок не осталось.

Влад пораженно замер. В голове шарики сталкивались с роликами, шумели, вращались... Ведь точно! Он смутно припомнил, будто давний сон: шел дождь, а до машины надо... через поле. И он пошел,

побежал, не боясь промокнуть, потому что все одно – уже насквозь... а потом...

– Это для твоего мира, и для того, кто там остался. Но на самом деле ты, э-э-э, как бы, провалился сюда, в этот вот мир. Такое бывает редко, конечно... в моем мире от гроз пропадает человек двадцать-тридцать в год. Остальных просто... насовсем. Ну, это в моем – тридцать, в твоём не знаю, может больше, может, меньше. Ты как, нормально себя?

Валад кивнул. Какое уж тут нормально! Голова реально кружилась. У него, у здорового мужика! Вот как оно получается, а то Лев Митрич нафилософствовал, запутал.

– Вернуться обратно можно. В моем мире раньше древние, типа боги, могли перемещаться так свободно. Ну, там Египет, майя, не знаю у вас такое было-нет. Хотя было, так?

Валад кивнул – было. Египет и мая, точно так. Роман Станиславович продолжил:

– Я об этом сам только тут узнал, после того, как меня закинуло в эту... страну. Странные тут места, если еще не заметил. Некоторые вещи – вообще не как везде. Тут даже ток от плюса к минусу идет, а иногда наоборот. Почему, я не разобрался, не до того. Самое главное, здесь вообще много про параллельные миры известно. Я не все читал, тут этим целые институты занимались. Информации – тьма, выкладки, вычисления, не поверишь, расчеты, когда и кто может провалиться: мужчина, женщина, приблизительно из какого мира! Я сначала даже не верил, а они на самом деле как-то умели. Только потом чего-то заглохло, а теперь совсем плохо стало. Местные все свои знания похерили, объявили лженаукой, хотя про нас, про попаданцев в смысле, знают. Радуйся еще, что мы тебя раньше местных нашли, а то сидел бы уже где-нибудь в резервации, учил местный язык, готовился принимать гражданство.

– А чего, можно? А зачем мы им вообще?

– Можно, можно. Поэтому тебя и спросили – домой хочешь. Так бы оставили, тут неплохо, просто если к ним попал – все, без права выбора: или гражданство и живешь, или... А для чего мы им... Местный тут, шаман, Лукья, ты его видел утром, обмолвился как-то: генофонд у населения плохой, дети почти не рождаются. Мы типа подпитка, хм... Ладно, не важно. Ну, так вот, о важном на сегодня: тут скоро будет местная гроза, наша задача легче-легкого: поймать молнию, а лучше две или три.

– То есть как?

– Вот, теперь правильный вопрос. Но не главный. Как увидишь, поближе ко мне будь, все расскажу и покажу, заодно учиться будешь. Главный вопрос – зачем? Молния, в общем, несет не только электрический заряд, но и психофизический. Проще говоря – информацию о пространственно-временной точке разрыва. А точка – это малюсенькая дверь в другой мир, понимаешь?

– В этот?

– И в твой, и в мой, смотря, где порвалось. И, отчего, опять не знаю, этот мир словно перекресток, все на нем сходится. Попадают сюда отовсюду, а есть такой второй или нет, даже местные не узнали. И вот еще: в моем мире, ну, шарахнула молния, ну, гром, и все... ни двери в зазеркалье ничего, закрылась, а может и не было ее. Дерево сгорит или дыра в песке. Электрическая составляющая чересчур сильная. А тут, получается, наоборот – психофизическая: каждая молния открывает дверь, обязательно. И через три минуты восемь секунд идет обратка. Ну, молния наоборот, которая закрывает дверь. То есть не сразу, а вот именно три минуты восемь секунд задержки. Это еще здешние яйцеголовые вычислили, мы только подсмотрели. И вот за это время у таких, как мы с тобой, ловцов то бишь, есть возможность – узнать: откуда молния и отправить кого-то... домой.

Валад обдумал полученную информацию. Остаться он тут не хотел – раз. Вернуться домой можно, поймав нужную молнию, – два. А три...

– А я... как связан? Почему особое положение?

– Ага? Мозгуешь немного? Ты – это вообще просто. Ты провалился недавно, молнии таких любят. Где-то, может, в облаках, может, еще где, о тебе информация бродит, ищет тебя. Так что ты вроде живца будешь на сегодняшней рыбалке. А кольча тебя от молний заэкранирует, не даст увидеть...

Офигеть! Валад изумленно посмотрел на Романа Станиславовича. Тот выглядел нормальным мужчиной, но вот так... подстава... е... живец для молнии! Он чего, совсем того? Человека как живца. На молнию!

– Да ты не бойся, не так все страшно. Я сам два месяца бегал с «блесной», – хмыкнул ловец, разглядев возмущение и обиду в глазах Валада. – Тоже ведь учился. Ну и свежий был. Почти безопасно.

– Почти? – выдавил Валад.

– Может, конечно, пробить, если электроразряд чересчур высокий... только тут не убивает. Да и редко бывает, я не припомню. И подумай, ну, закинет тебя еще куда-нибудь, здесь или в другой мир. Все равно чужой, какая разница? Так что, не бойсь, побегаешь, может даже понравится. Хотя, если не хочешь, неволишь не буду. Только с тобой поймать лишнюю молнию вероятности намного больше, а каждая молния – чья-то дверца. Вот и думай.

Мысли, мысли, как много их в голове и все про одно. Да не про то. Толпятся, мешаются. Он посмотрел на нависшие тучи. Те возникли практически мгновенно – десять минут назад чистое небо, яркое, чуть фиолетовое тутошнее Солнце.

Ррраззз!

Бурлят, перекачиваются темные валы, надвигаясь несокрушимой стеной на каменное пустынное море. Слева и впереди висят на надутых серебристых шарах тонкие сетки, отгораживая место ловли. От сеток тянутся невидимые (тонкие-тонкие, но они есть!) ювелирные провода. Такие же бегут и от двух

огромных воздушных змеев, повисших так высоко, что едва видны. У грузовика, прямо на земле, стоит загадочное устройство: вычислитель, все проводки собираются и уходят в его недра. За аппаратом присматривает Козтян, так сегодня выпало. Выглядит он несчастливо: хмурится, сплевывает, ругается. По всему видно – хотел сегодня половить. А вот Валад и не хотел, да придется...

– Попробуем, – бормочет Роман Станиславович, – Гляди, Володь. Это вроде как удочка. Ничего необычного. Берешь заряд и вот сюда. Теперь «крючок»: цепляем провод, рычажок вниз. Все, готово. Как крючки мастерить инструкция, если чего, в шкафу. Там несложно, детали простые, справишься, если внимательно прочитаешь. Так...

Роман Станиславович поднял штуковину, больше напоминающую гранатомет, положил на плечо, прицелился в нависшие тучи и нажал на кнопку сбоя. Громко фыркнуло, зашипело, позади «удочки» вырвался язык пламени. Зажужжала закрепленная наверху катушка, отматывая тончайший провод.

– Высоту ты сам регулируешь, вот тут, – показал ловец. – Есть и выше молнии стучают, есть и совсем низко. А! Не понимаешь? Ну, тут не всегда пробой в землю идет, иногда теряется где-то в тучах, не могу объяснить, у нас не так, и у вас тоже, думаю. И сам понимаешь, чем выше, тем дольше можно водить «крючок». Только не переводи смотри, тут грозы быстро заканчиваются. Доводишься за одной, а уже все. Так что пробовать надо на разных... триста хватит, для испытания.

Наверху блеснуло, и Валад увидел, как на темном фоне туч раскрылся малюсенький белый кружок.

– Поплавок, – пояснил Роман. – Если рядом готовый разряд, он светиться начинает, тогда будь готов.

«Поплавок» медленно дрейфовал по небу. Роман Станиславович изредка отпускал или подтягивал провод, стараясь удержать крючок в зоне между сетками и воздушным шаром («Закидушка» – вспомнил Валад, так называют такие удочки – закинул наживку и ждешь, когда колоколычик зазвенит) на утесе. Неожиданно их со Станиславовичем «поплавок» ярко сверкнул, в тот же миг вокруг него образовалось белесое облако. Оно задрожало и съежилось. Ослепительно вспыхнуло, оставив на сетчатке глаз синее пятно...

– ...мать, – выругался Роман Станиславович. – Сильный заряд! Ушла, пакость! Петро, Коль, давайте на двести попробуйте, похож там!

Сам он торопливо выбрал провода, достал из рюкзака новый «крючок», зарядил удочку.

– Что? Роман Станиславо...

– Роман, проще давай! Вот так, Володь, оборвало... Ничего, видно, сильная гроза идет, может, несколько поймает сегодня!

Валад неотрывно, до рези в глазах, смотрел на небо. Там «плавало» уже два поплавка – Льва и Петра – один выше, другой чуть ниже. Видно их было

плоховато, но если так светится, когда цепляет, то пропустить невозможно. Время шло, быстро ли – медленно ли, белые кружки спокойно висели – ни поклевки. Тянулись минуты, волны туч плавно перекачивались в набрякшем дождем небе. В какой-то миг все заметили – ветер стих. А затем грохнуло так, что Валад от неожиданности подпрыгнул. Тяжелые капли, дождавшись команды, ринулись на землю. Вмиг стало стопроцентно мокро и настолько же ничего не видно. «Непромокаемая» куртка, фижня полная», – подумал Валад, передернув плечами: по спине тек ледяной ручеек.

– Проходит, – в сердцах бросил Роман Станиславович. – Уйдет, е-мое! Ну что, ловец, твоя очередь, особая пришла, готов?

Валад готов не был. Очень не был, до противной дрожи по всему телу и слабости в коленях. После объяснений, конечно, не так страшно – не умрешь вроде как... Но это пока не пришло время, а теперь до ужаса хотелось остаться возле опытного ловца, дожидаться окончания бури, обдумать, решиться.

– Готов, – проскрипел он, сам поразившись этим звукам.

В доказательство поднял «блесну» – вытянутую железную фижню, с прикрепленными снизу обрезиненными ручками и маленькой коробочкой с круглой шкалой.

– Чего делать? – из стены дождя буквально вынырнул Лев Дмитриевич. – Ни хрена не видно! Ща закончится, и все, пишите письма мелким почерком!

– Скажи всем, чтобы на пятьдесят во все стороны! Я к Косте, прибавим на сетках и шарах, если чего поверху выловят. Вовка по прямой туда-обратно, должна быть хоть одна! – Роман спешно цеплял к «блесне» провода от удочки.

– Так, смотри! Сейчас включи тумблер, берись за ручки, жми на торец правой, там кнопка, и следи за шкалой. Тут типа заряд твой информативный будет, самая приманка, как к семидесяти подойдет, можно начинать. Бежишь прямо, но аккуратно смотри! Слышишь? Провода крепкие, сам не зацепись. И ни в коем случае не отпускай ручки, а то так шарахнуть может! Маму-папу вспомнить не успеешь!

– Ты же говорил, не убьет! – сердце у Валада стучало, отдаваясь в ушах, заглушая шум ветра и дождя.

– Считай пошутил! Давай, Вовк, уходит, чтоб ее!

Мгновение – хуже не бывает, собраться с духом и то некогда. Валад на миг прикрыл глаза. Не отдышишься все равно. Погода бушевала, грохот раскатывался от неба до самых атских закоулков. Яркие вспышки в вихрях туч, хлещущие холодные струи дождя, порывы ветра. С боков и позади – везде одинаково скверно. А впереди...

Вот...е..., а он раньше думал, что людей в грозу похищают пришельцы, сколько в газетах такого читал, по телеку тоже. Вранье... Знать бы раньше... И чего, типа, тогда?

Иди все лесом! Валад открыл глаза: зеленоватая подсвечивающаяся шкала – семьдесят три. Он поднял «блесну» над головой:

– Е-мое! А-а-а-а-а-а!

И побежал. Шатаюсь, поскользываясь, оступаясь. Страх ушел, вместо него Валад чувствовал безбашеную лихость: будь что будет! Перед глазами стоял дом, его совака Тжек... Лина... и чего они снова поспорились? Глупые... Нужно вернуться... Я хочу домой! Доооооооооо!

– А-а-а-а-а-а!

Он бежал сквозь грозу не своего мира, не зная точно для чего, но уверенно понимая – надо домой! И если так можно, то надо бежать! Навстречу неизвестности, ветру, дождю... – всему.

Сверху ярко вспыхнуло и по рукам ударило, словно на «блесну» упало бревно. Валад напрягся, но все же не удержался и упал на колено. Над головой щелкало, стрекотало. Волосы встали дыбом и, похоже, шевелились. Он поднял глаза, страхась увидеть – что? Блесна трескуче искрилась и светилась синеватым светом.

Попалась? Попалась! По-па-лась!

– Есть! – заорал он, ошеломленный, радостный или испуганный, не поймешь, чего больше. Чего дальше делать-то? Сердце выскакивало из груди.

Рядом, словно призрак, из воды материализовался Лев Дмитриевич. Борода намокла и слиплась в мочалку, ливень стекал по плечам, словно ручьи с горы.

– Уфффхх! Наконец-то! Хоть одна. Где уловитель?!

Валад недоуменно смотрел на него.

К ним подбежали дядя Коля и Роман. В руках у Станиславовича Валад заметил «удочку» и небольшой приборчик с светящимся окошком.

– Есть! Сто восемнадцать с четвертью. С Зимли, через и!

– Я оттуда, – отозвался Валад.

– Везунчик, мать твою! – Станиславович широко развел руками. – А ты боялся! Ничего страшного, я ж говорил. Две минуты двадцать секунд. Давай пояс скорее, времени мало. Е! А кольча-то!

– Так... особое...

– Да-Е! – Роман на миг замер, сунул Митричу «удочку», а затем стал торопливо стаскивать свою жилетку. – Надевай скорее, мать-перемать, не успеем!

Через минуту «кольчуга» оказалась на Валаде; Лев Дмитриевич уже вытащил из нутра «удочки», переданной ему Романом, стержень, с палец толщиной, и втыкал теперь его в коробку на поясе жилета Валада.

– Все вроде. Блин, ну ты удачливый, Володь. С первого раза! Свою! Пальцем в небо и прямиком в свою звезду! Очевидное-невероятное! Бывай, если вспомнишь нас, выпей за рыбалку...

– Вонки? – Валад мало чего понимал, все происходило слишком стремительно. Только что он бе-

жал, трясясь от страха или дури. Хорошо, хоть знал: теперь точно трясло от страха.

– Водки, водки, чего же еще. Стой прямо! Удачи, парень! – ответил Роман Станиславович.

Он сжал плечо, повернулся и пропал в дожде, вслед за Львом Дмитриевичем и дядей Колей. Отчего-то резануло внутри, странно и удивительно, словно сердце чего-то знало и не хотело, чтобы так...

Впереди и слева с неба упала почти прямая, всего пару раз изломанная молния. Затрещало и Валад увидел, как осветилась сетка, вспыхнув ровными квадратами. Значит... Еще одна!

– Попалась, – успел выдохнуть он и улыбнулся: страха не было. Еще одна!

А затем все засветилось...

...Он почувствовал щекой шершавую, неприятную траву. Все тело ломило, во рту сухость, как с похмелья, хотя не пил... вроде. Открыл глаза и увидел... а ничего не увидел: трава, трава и трава. Солнце садилось? Выходило? Свет лился откуда-то из-за спины, и он решил, что все-таки садилось: красным светит, по-вечернему. Чего это он разлегся-то?

Валад сел и тут же схватился за голову: виски прострелило острой болью. Е-е-е...

Когда стало полегче, медленно встал и осмотрелся. Ужас! Поля и луга, как он сюда попал? Вот дела... И чего думать? А – Сумасшедший, Б – все же напился, С – отравил кто-то и вывез... для чего? Ни-че-го не-пом-ню. Где люди, дома, самолеты? Цивилизация вскоре обнаружилась в виде дороги с пылящей одинокой машиной. И совсем рядом. Валад поднял руки, замахал и побежал, насколько это можно назвать бегом, к обнаруженным признакам культуры. А то и вправду недолго себя за дурака принять.

Машина остановилась и терпеливо дождалась, пока Валад не доберется до нее. За рулем сидел молодой парень с рыжими волосами и испаньолкой.

– Где я? – не самый лучший вопрос, но вырвался у Валада первым.

– А где бы хотел быть? – отозвался парень.

– На Зимле в Нижнем, – честно ответил Валад.

– Эк тебя, – удивился парень. – Четыреста км.

– Фига се, – теперь удивился Валад.

– Садись, маленько подкину, – решила «испаньолка». – А чего это на тебе за железяка?

Валад посмотрел на себя. Незнакомая синяя куртка, сетка какая-то... Роман Станиславович отдал же. Кто? Словно сон вставал перед глазами – нечто эфемерное, было-не было, неуловимо ускользающее настоящее. Настоящее: откуда тогда... «кольча»?...

– Слушай, ты не нариг? – запоздало спросил парень за рулем. На лице промелькнуло беспокойство.

– Мне домой надо, – невпопад ответил Валад и сел в машину. – Подкинь, если не трудно.

Парень пожал плечами и тронул рычаг передачи. Машина медленно тронулась и понеслась вперед, все ускоряясь и ускоряясь. Валад прикрыл глаза.

Он вспомнит, обязательно вспомнит... когда доедет... И выпьет вонки... обещал... кому-то...

Роман Станиславович увидел, как «обратка» трескуче ушла в тучи. Давай, Володь, удачи тебе. А что это там так шарахнуло за секундошку до? Сетка слева искрилась синеватыми линиями. Есть, поймалась, родимая, прямоком в сеточку влетела! Вот удача, есть справедливость – то ни одной, то сразу две! Он помчался к грузовику, заряд от сетки на вычислитель придет. Не успел добежать, как налетел на Козтяна. Тот от неожиданности отлетел, грохнувшись на землю.

– Земля. Через е. Двести семь и семь! – выдохнул Козтян.

Гром разорвал небосвод на тысячу маленьких кусочков, потрянув внутренности. Роман в ступоре осмысливал сказанное. Двести семь и семь, Земля. Вот оно: это его молния, его раскрытая дверь. Мурашки пробежали по спине, в животе похолодело – домой... Волга широкой лентой несет пропасть воды. Вспышка. Все, что он помнил за мгновение, как...

А возвращатель-то... Е!

Принять правильное решение, ой, как непросто порой это дается. Вовремя – еще реже. Искать кольчугу, снимать с Кости? Некогда? Или... Не так! Роман схватил палочку уловителя из руки Козтяна и помчался вновь по дождю. Отыскать человека за две минуты в кромешном аду... Можно ли? Тут где-то... тут.

– Дядя Коля, давай, скорее!

Правильно бежал, вовремя увидел, нутром почувствовал – угадал. Подбежал, нашарил на поясе коробку, вставил уловитель. Получилось быстро и четко. Успел, в общем. Ничего не объясняя, вроде все понятно.

– Ты это чего? – дядя Коля смотрел на Романа. – Ты это брось, твоя же очередь!

– Так вышло, сам же видел... Вовке отдал. Некогда, не успею. А ты, дядя Коля, успеешь, поэтому все вот так. И не спорь, времени нет. Будешь в Саратове, зайди, куда говорил, ладно?

– А ты? – стоящий перед Романом никак не мог выйти из ступора. Ошарашил он человека, да. Радостная, ожидаемая штука, а все равно – не готов, как так, почему. Тысячи вопросов.

– Моя следующая будет. Точно тебе говорю – следующая, по-любому, моя! Поймаю самую здоровую! Вот такую, – он развел руки в стороны.

Жилет на дяде Коле белесо засветился. Роман повернулся и побежал...

...Следующая будет...

Олег МОРОЗОВ
Елена ДОЛЖЕНКО
Фотографии предоставлены авторами

Урал между веками

Уральское православное патриотическое общество им. Святителя Николая Чудотворца второй год возрождает исторический путь крестных ходов по пути наших предков из Екатеринбурга в Верхотурье. Паломники шли по старому Верхотурскому тракту, который многие годы был дорогой жизни края. Вдоль него располагались самые крепкие поселения, таможенные пункты, ямские станции и церкви. Маршрут «Симеонова тропа» повторяет путь Крестного хода 1914 года и проходит по территории шести современных районов Свердловской области. Он познавателен и позволяет прикоснуться не только к святыням, но и по-новому взглянуть на родной край, познакомиться с историей, народными промыслами, жемчужинами природы, сельским укладом и творческими коллективами Уральского края.

АРАМАШЕВО

Именно в этих местах первые русские переселенцы возводили остроги. Ставили их на высоких скалах над реками Режа, Тагил, Тура. Сторожевые башни, соединенные высоким забором, а внутри – церковь с подземным ходом да избы. Именно так родилась Арамашевская слобода, а затем и село.

Высокая вода Режа, красивейшие скалы с «писаницами», Церковный камень с двухсотлетним храмом во имя Казанской иконы Божьей Матери сделали это место одним из любимых объектов туризма. Огромная земляничная поляна, уютная гостиница на 18 человек и аппетитная деревенская еда «уговаривают» остановиться именно здесь. Можно совершить экскурсию в тепличный комплекс по

Мироново

Арамашево

выращиванию роз (более 30 миллионов цветов в год) и в деревенский музей, рассказывающий о сельском быте. Есть в Арамашево и уникальная изба XVII века. В ней чудом сохранилась уральская роспись. Вы можете стать участником мастер-класса по этому «малеванию» и привезти с собой в подарок близким расписную деревянную посудину или разделочную досочку. От них даже в самый лютый мороз веет мечтой о лете. Уезжая, наберите воды из освященного Крещенского родника под Церковным камнем.

ГОСТЬКОВО

Вниз по реке Реж расположились села Мироново и Покровское. Евгений Ройзман интересно записал историю этих мест со слов Василия Даниловича, старожила села Гостьково. «Русские здесь живут уже почти 400 лет. Заходили с Русского Севера. Теснили вогулов, черемисов, башкир, закрепились. Жили хлебопашеством, охотой, рыбалкой, бортничеством. Крепостного права, как такового, не знали. В 1662 году татарский хан Кучук собрал аятских башкир, вогулов и татар и ударили на село Покровское. Село выжгли. Мужиков порубили. Старики, женщины и дети заперлись в церкви. Церковь сожгли. Двинулись на село Липино. Сожгли и через Колмацкий брод пошли на Арамашевскую слободу. Слобода стоит на высоком месте на

излучине Режа. Просматриваются все окрестности и река вверх и вниз по течению. Крепость была серьезная. Сходу взять не получилось. Пограбили, пожгли окрестности и откатились. В это время поспело ополчение. Русские мужики из деревень Липино, Мироново, Гостьково и братья из Богоявленского монастыря, что близ Невьянской слободы, сошлись в жестокой битве на полях за деревней Гостьково. Бились до темноты. С утра русские хоронили своих, восставшие – своих, друг другу не мешали. Битва больше не возобновлялась, восстание захлебнулось. На расстоянии версты насыпали два кургана. Позднее русские над своим поставили большой каменный крест из розового гранита. Через некоторое время в память погибших поставили небольшую часовню. Часовня простояла более 250 лет. В 1938 году ее раскатали. Гранитный крест повалили и сбросили в лог. Курганы долго не распахивали: все местные знали, что это за курганы. Распахали позднее, в 80-х. Пацаны находили там кости и наконечники стрел».

Так оно и есть: любой местный житель покажет вам рукой в ту сторону, где была битва.

МИРОНОВО

Само село Мироново сегодня известно как место расстрела православных священников, канонизированных как новомученики. В материалах,

собранных краеведами, о том времени написано «В штаб Реввоенсовета Восточного фронта В.И. Ленин слал телеграммы: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы ...мобилизуйте поголовно прифронтовое население...» Во исполнение этого распоряжения в Красную

армию насильно мобилизовали жителей села Покровского и окрестных деревень, но в решающий момент сражения они раскрыли фронт и помогли частям Белой Армии без боя взять Режевской завод. Раздраженные неудачей красноармейцы подвергли обстрелу из двух броневигов село Покровское, сожгли около 100 до-

Коптелово

В этом селе есть ансамбль веселых уральских бабушек, которые хлебо-сольно встретят вас, если вы заранее предупредите о своем приезде.

КОПТЕЛОВО

Село Коптелово воспринимается как один большой уникальный музейный комплекс. «Музей истории земледелия и быта крестьян» – не просто набор экспонатов, почти все здесь можно крутить, трогать, и, поверьте, не только ребенку здесь интересно, но и взрослый человек может часами, а то и днями узнавать здесь что-то новое. Благо, есть хорошая столовая, да и о размещении групп администрация села начинает подумывать всерьез. Из православных святынь главная – храм Вознесения Господня, где во время тех же карательных рейдов, что и по всей округе, 25 июля 1918 года в алтаре села Коптелово был убит священник Николай Павлинович Удинцев. Есть и еще одна православная радость – звонкая и вкусная – это вода освященного родника. Словом, всем любознательным сюда дорога!

НИЖНЯЯ СИНЯЧИХА

Немного не доезжая Алапаевска, есть уникальное село, обязанное своей культурной значимостью, да и самим существованием, Ивану Даниловичу Самойлову. Этого светлого человека и большого труженика не стало в 2008 году, а дело его продолжает жить во всей красе и стати. С 1967 года Иван Данилович, спасая от разрушения, начал на собственные средства по бревнышку перевозить старинные деревянные строения со всего Урала в Нижнюю Синячиху. В 1978 году в восстановленном здании Спасо-Преображенского храма Самойлов открыл народный музей уральской домовой живописи, а рядом, на свободной территории по берегам речки Синячихи, на площади 60 гектаров начал создавать музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства под открытым небом. Искусно реконструированные, на новом месте они вписались в уральскую природу и, сохранив колорит, прежний облик и внутреннее убранство живут, связывая меж собой века.

мов, учиня над жителями страшные расправы, разграбили и разрушили величественный Покровский храм. 27 июня 1918 года вместе с двумя прихожанами-заложниками расстрелян священник церкви села Покровского Платон Горгониевич Горных. После расправы были сожжены соседние села и деревни: Шмаковское, Осинцевское, Антоновское, Бичурское, Костромщина и Лебедкина.

13 августа 1918 года за деревней расстреляли священников церкви во имя Георгия Победоносца села Мироново Ивана Ивановича Шишева и Иоасафа Степановича Панова (вместе с сыном).

Сегодня все, проезжающие через село Мироново, издали видят беломраморный поклонный крест, поставленный в память о мучениках православной молодежи Екатеринбургской епархии и неравнодушными

жителями села. Крадостью сельчан, нашелся зажиточный земляк, взявшийся восстановить храм. Это величественное здание, возведенное в честь победы русских над Наполеоном, с 1918 года стояло, как немой укор, и смотрело в небо пустыми глазницами. Теперь и возле него зарождается жизнь, оделась в леса колокольня...

ПОКРОВСКОЕ

В 1893 году в приход села Покровское входили деревни Белоносова, Малосмолина, Щелконогова, Попова, Часовая, а прихожан насчитывалось 3414 человек. 12 марта 1936 года храм был закрыт «окончательно». Сейчас возрождением храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы и других православных святынь на территории района занимается Артемовское отделение Фонда возрождения православных святынь Урала.

«Будучи другом «Уральского следопыта»

Работая в Государственном архиве Кировской области с перепиской писателя и краеведа Е. Д. Петряева, начал задумываться о причинах падения качества научных исследований и печатных изданий. Понял, что это давний процесс в нашей науке и печати. Переписка показывает серьезность и тщательность подхода к любым исследованиям, находкам и публикациям у Евгения Дмитриевича и его единомышленников. Вот наиболее интересные выдержки из переписки.

Из письма В.Н. Скалона от 6 февраля 1956 года: *«Деятели ТАСС как нарочно засоряют печать самыми дико бессмысленными враками, которые эти питомцы вредительского института журналистики добывают из своих дорогостоящих командировок. Боже, до чего все эти люди безграмотны, бессовестны, не знакомы со своей собственной страной.»*

Наша «Большая советская энциклопедия» – пресловутый символ этой безграмотности, а цветы ее – наши несчастные романы, которые кропают на пропой разные питекоиды (обезьяны. – А.Р.) вроде Бабаевского».

Из письма Петряева писателю и краеведу Ю.М. Курочкину от 29 февраля 1960 года: *«Статья И. Бора «Неразгаданные загадки» содержит много неточностей. Ради занимательности допускаются явные преувеличения и домыслы. Списывая чужие сведения без указания источника, автор ясно раскрыл всю «технологию» своих разысканий. Будучи старым другом «Уральского следопыта», не могу рекомендовать статью к публикации.»*

Еще из писем тому же адресату. От 18 декабря 1966 года: *«Роль организатора и составителя Уральского биографического словаря мне не по силам. Помилуй бог, тут на одном выколачивании статей получишь несколько инфарктов. А пишут прескверно, безответственно, врут нещадно. На старости лет это непереносимо.»*

От 7 марта 1971 года: *«Недавно получил книгу В.Г. Уткова «Люди, события, судьбы». Все хорошо, но указателя имен нет. Это ли не показатель неуважения к дотошному читателю? Ведь путь к факту надо сокращать!».*

Из письма В.Г. Уткова от 7 апреля 1973 года. *«Российская провинция, которая была символом мракобесия, невежества, косности, самодурства и других грехов, имела и другую, светлую сторону. Не по-хозяйски все мазать черной краской.*

Вы своими работами пробрили эту брешь».

А.В. Орлов – Е.Д. Петряеву от 14 марта 1974 года. *«Я нашел в Центральной военно-морской библиотеке труд военного географа середины XIX века, генерального штаба поручика Коведяева, написанный на основе выполненной им рекогносцировки. Это «Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том II. Часть IV. Вятская губерния» (СПб, издание Департамента Генерального Штаба, 1850). Там есть любопытные данные о гарнизонах, верованиях населения и о пьянстве.»*

Е.Д. Петряев – Н.Н. Яновскому от 25 июля 1977 года: *«От М. П. Алексеева (зам. директора Пушкинского Дома в Ленинграде. – А.Р.) получил подарок – том «Мельмота скитальца». Продуктивность и широта Михаила Павловича просто поразительны. Как важно и нужно знать языки! Одна «татаро-самоедская» словесность (так писал Г.Н. Потанин) сильно портит глазомер.»*

Е.Д. Петряев – Виктору Александровичу Аверину от 10 декабря 1978 года: *«Книги, которые пишут всей деревней, редко бывают удачными и чаще напоминают мешок с битым стеклом.»*

Из письма А.М. Левенко от 28 мая 1979 года:

*Повар правит ученые книги,
По обивке дверей – инженер,
Трубочист лечит нервные сдвиги,
А поэт, за кусочек ковриги,
Чертит гайки на разный манер.*

Ленинградец Левенко был страстный и неистовый исследователь творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина, но открыть музей Михаила Евграфовича в Ленинграде ему так и не удалось.

Из письма одессита Григория Демьяновича Зленко от 20 сентября 1980 года: *«Заведующий кафедрой нормальной анатомии Одесского университета Н.А. Батуев (уроженец города Малмыжа Вятской губернии. – А.Р.) свои исследования посвятил нарушениям развития организма (уродствам). За 16 лет его деятельности было изучено около 100 случаев. Н.А. Батуев перевел и отредактировал «Атлас анатомии человека» Шпальтегольца и Гиса, который на протяжении многих лет был лучшим учебником.»*

Из письма В. Д. Сергеева от 28 января 1983 года: *«Мне написал Колеватов из Халтурина. Впечатление грустное от его письма. Полное непонимание того, чем надо заниматься и как. И какая-то самоуверенность,*

Кировский краевед Александр Львович Рашковский – со дня основания в 1973 году участник, а с 1987 года руководитель известного в России клуба «Вятские книголюбцы», основанного писателем и краеведом Е.Д. Петряевым. Один из инициаторов проведения в Кирове Петряевских чтений, получивших статус всероссийских. Скрупулезно изучает вятские архивы. На их основе выпустил брошюру «Деятели науки, культуры и техники Вятского края». Активно публикует свои архивные находки в Интернете.

оттенок снисхождения. Почему, отчего? И отсутствие элементарных понятий. Кстати, на Камчатке краеведы все такие Колеватовы. Здешние библиографические издания вызывают жалость».

Из его же письма от 25 марта 1983 года: «Пора уходить из института. Растим ведь идиотов с дипломами. Теперь запрещено в вузе, по крайней мере в педагогическом, ставить двойки, выгонять за неуспеваемость. Мечтаю о тихой музейной и архивной работе, чтобы было место для занятий умственных и душевных. Видеть не могу набитых тупостью и активностью камчатских студентов, берущих «горлом».

Уместно будет в этой связи привести выдержку из письма сотрудника журнала «Советская библиография» Александра Владимировича Ратнера от 1 мая 1983 года: «Вчера у меня был Валентин Дмитриевич Сергеев. Пришел несколько неожиданно, без звонка, так как потерял номер моего телефона. Но это не помешало нам общаться в течение нескольких часов. Более того, вчера вечером я дежурил по народной дружине, и Валентин Дмитриевич присоединился к нашему патрулю. Рассказывал он много интересного из жизни Камчатки и своего житейства. Сознаюсь, что он мне очень понравился. Производит впечатление человека вдумчивого, наблюдательно-го, влюбленного в свое дело и, главное, порядочного».

Из письма Е.Д. Петряева в редакцию журнала «Советская библиография» (Алексею Гавриловичу Глухову) от 2 мая 1983 года: «Журнал «В мире книг» безнадежно плох. Нельзя ли взять его под обстрел? Жаль бумагу на такую мякину...».

Из письма Е.Д. Петряева – Аркадию Эммануиловичу Мильчину от 16 января 1984 года: «Вчера смотрел репринтное издание «Альманаха библиофила» 1929 года. Конечно, это тень подлинника. Инициалы, линейки, заставки вышли расплывчато. А Голлербах знал дело, все было четким и выпуклым».

Из письма Е. Д. Петряева Виктору Федоровичу Чернильцеву от 6 ноября 1984 года: «Литературная сторона – дело важное. И здесь вопрос в преодолении шаблонов и «канцелярита», которыми мы все страдаем по милости наших газет. Ты хорошо знаешь, что найти яркую формулировку и даже заголовок – немалая удача. Надо придирчиво пересмотреть текст, сократить длинноты, улучшить стилистику. Думаю, что такую доработку ты сделаешь вполне успешно. Но вот избегай хвалить сегодняшний день. Когда книга выйдет, оценки будут иные...»

Из письма А.М. Левенко от 2 июня 1986 года: «Шумихинская» книжка высокопрофессиональна, емка и точна во всех градациях и звеньях, даже читается не без увлечения, безупречна в полиграфическом отношении и, полагаю, может служить образцом справочно-научной литературы. И, разумеется, в каждом штрихе ощущается Ваша школа».

Из письма Е.Д. Петряева – Киму Израилевичу Ляско в Москву от 19 августа 1986 года: «Удручает крайняя некомпетентность книготорговцев и издателей. Видели статью В. Толстых о Высоцком («Вопросы философии». 1986. №7)? А где были раньше? Почувствовали «навар» – начали издавать».

ЮНИЙ ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

Начало смотрите в предыдущих номерах

ГРИНЕВИЧ Вера Степановна (урожд. Романовская), издательница, библиограф.

Дочь археолога, коменданта Судакской крепости С. Романовского. Окончила гимназию в Симферополе. Вышла замуж за полтавского банкира и предпринимателя П.И. Гриневича, до 1912 г. жила в СПб., потом в Москве. В 1907 – 1908 гг. организовала издательство, где намеревалась публиковать переводы французских писателей. Сост. библиографию детской литературы «Избранные книги для детей от 2-х до 15-ти лет». СПб., 1908. Была подругой сестер Евг. и Аделаиды Герцык (см). Была поборницей реформирования образования и воспитания детей, общалась с толстовцами. «Вера никого не сделала святым, она не стала учеником оккультизма, все ее замыслы – журналов, духовных братств – рушились и не возникнув. И все же в ее жизни было бесконечно много этих щедрых движений души, и сколько их, девушек, женщин, мужчин, кого она поддержала, окрылила или хоть взбудоражила, на краткий миг из будничной жизни вовлекла в свою, всегда мятежную» (Евг. Герцык). Потеряв во время Гражданской войны двух сыновей, эмигрировала с сыном и дочерью Л.П. Романовской сначала в Болгарию, затем в 1929 г. во Францию. О ней: Евг. Герцык. Лики и образы. М., 2007 (портр).

ГРИНЕВЕЦКАЯ Ел. Ант.

Изд. «Домашней бухгалтерии» (Варш., 1878). Венгеров. Источ.; РНБ.

ГРИНЕВСКАЯ Изабелла Аркадьевна (1864 – 1942), драматург, прозаик, поэтесса, переводчица, критик.

Род. в Польше. Очень разносторонняя писательница с энциклопедич. знаниями. Была дружна с И.А.Ефроном, сотр. в изв. «Энциклопедич. словаре». Общалась с мн. деят. лит. и искусства (в РГАЛИ хранится ее рук. «Я среди людей мира, или Мой энцикл. словарь», сост. Г. из адресованных ей писем). В творчестве, однако, тяготела к театру. Писала одноактные пьесы, сама играла на сцене (псевд. Тамарина). Получила известность драм. поэма Г. «Баб» (СПб., 1903) – об основателе бабизма, а затем и поэма-трагедия «Бега-Улла» (СПб., 1912) – о преобразователе бабизма и основателе бегаизма (Речь идет о демократич. идее равенства всех людей). Идеи сострадания, любви, жен. равноправия главенств. в творч. Г. – в ее пьесах, прозе, поэзии. Критич. работы Г. посв. творч. М. Монтеня, Г. Гауптмана, Грибоедова. Интересна своеобр. интерпретация образа Софьи из «Горя от ума». Переводила В.Гюго, Шекспира, А.Мицкевича, Г.Д. Аннунцио, Дж. Кардуччи, Дж. Байрона и др., а также по

Продолжение смотрите на странице 75

Рашид ХАКИМОВ
Фото из архива автора

Пасынки атомного объекта

«Более полувека назад в бывшем военном тылу, на Урале, за сравнительно короткий период времени были построены уникальные предприятия новой отрасли промышленности – атомной, создан ядерный щит Отечества.

Первенцем атомной индустрии по праву считается производственное объединение «Маяк», вступившее в строй действующих в июне 1948 года в закрытом городе Челябинск-40, ныне Озерск. Здесь в обстановке строжайшей секретности впервые в стране производилась наработка оружейного плутония – начинки для ядерных бомб. Разработка промышленной технологии получения плутония имела определяющее значение для реализации атомного проекта под руководством выдающегося ученого, академика И.В. Курчатова.

Следует отметить, что вся эта огромная по масштабам и творческому поиску работа проводилась в крайне неблагоприятных условиях послевоенного восстановления, гонки ядерных вооружений, господства командно-административной системы. Сжатые до предела сроки строительства ядерных объектов и создания атомного оружия, жесточайший режим секретности, неимоверная спешка обусловили во многом пренебрежительное отношение высших органов государственной власти к здоровью, жизни и судьбам людей.

Широкой общественности теперь известны многие аспекты ввода в действие атомного производства на химкомбинате «Маяк», которые привели к трагическим экологическим последствиям. Печальными символами этого стали радиоактивное загрязнение многих водоемов, в том числе реки Течи, озера Карачай, радиационная авария 1957 года. В результате было выведено из хозяйственного оборота значительное количество земельных и лесных угодий, пострадали десятки тысяч человек. Чтобы защитить население от вредного воздействия радиации, только в Челябинской области пришлось переселить более 16 тыс. человек. Но была еще одна драма, когда людей выселяли с мест проживания насильственным путем, в основном по причинам политической неблагонадежности».

Академик В.С.Толстикова

Мы публикуем статью историка Р. Ш. Хакимова – фрагмент его книги «Неизвестная депортация», вышедшей ограниченным тиражом. Автор на основе новых архивных и других документальных материалов освещает процессы насильственного переселения.

Как известно, еще в 1943 году советским политическим руководством во главе с И.В.Сталиным было принято решение о создании единого научного центра, который возглавил выдающийся ученый И.В.Курчатов. Затем для руководства работой по атомному проекту был создан Спецкомитет с практически неограниченными полномочиями, куда вошли Л.П.Берия, Г.М.Маленков, Н.А.Вознесенский и другие крупные советские руководители. Перед учеными и производственниками была поставлена задача – создать атомное оружие в СССР. Началась неимоверно трудная, гигантская по своей сложности и масштабу научная работа над проектом по созданию атомного оружия. Через некоторое время, когда были проведены научные изыскания, встал вопрос о

строительстве предприятия для производства атомного оружия. Постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля 1946 года были начаты работы на выбранной строительной площадке для будущего атомного центра между городами Касли и Кыштым.

По мере увеличения масштабов строительных работ вокруг закрытой территории постановлением Совета Министров СССР №2938-954 под грифом «сс» («совершенно секретно») от 21 августа 1947 года в Челябинской области была образована особорежимная зона. Суженный состав исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся своим решением №7 также под грифом «сс» от 14 октября 1947 года утверждает представленный Управлением МВД

Рашид Шавкатович Хакимов, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан, ныне заместитель Главы Аргаяшского муниципального района Челябинской области. Живет в селе Аргаяш.

П. П. Плаксин – глава семьи высланных (п. Аргаяш)

по Челябинской области список населенных пунктов, входящих в особорежимную зону. Список включал 98 населенных пунктов Каслинского, Аргаяшского, Кузнецкого районов, в том числе город Касли, райцентры Аргаяш, Кузнецкое, а также три деревни Кунашакского района и город Кыштым. Население особорежимной зоны составило 95877 человек, в том числе в Кыштыме проживало – 42074, в Каслинском районе – 29020, в Аргаяшском – 13234, в Кузнецком – 8470, в Кунашакском – 3079.

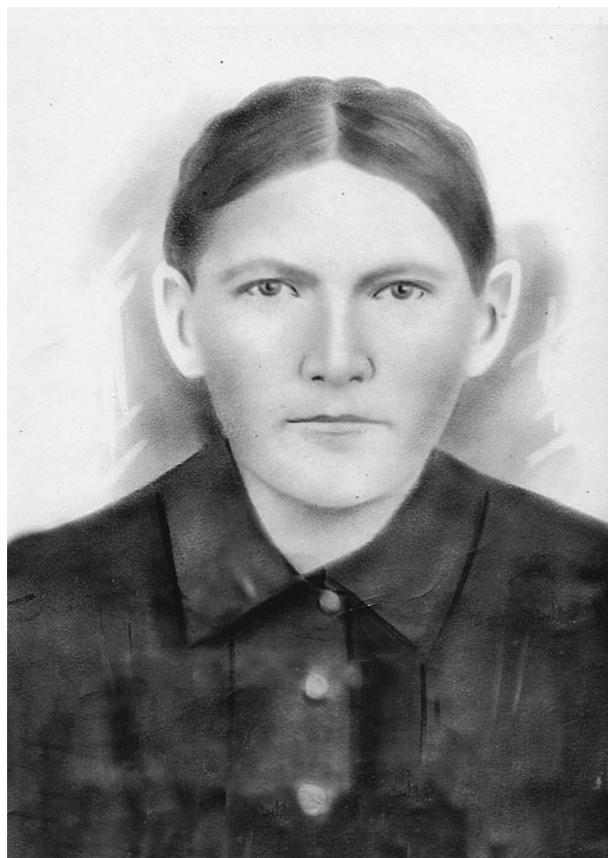
Этим же решением было утверждено Положение о правах и обязанностях граждан, проживающих на территории особорежимной зоны. В Положении пункты о правах отсутствовали и фактически все 14 пунктов содержали только обязанности и запреты, строго регламентирующие жизнь проживавших в зоне граждан. Проживающие в режимной местности были обязаны иметь паспорта и прописку. Без паспорта и прописки проживать в режимной зоне категорически запрещалось. Также запрещалось пускать на ночлег и на временное проживание кого-либо без прописки. При выездах граждан из режимной зоны на временное или постоянное жительство граждане обязаны были выписаться из домовой книги в органах милиции, кроме случаев выезда на деловые совещания в районные, городские, областные организации и в командировки сроком не свыше 30 дней.

Граждане режимной местности были обязаны помогать милиции в поимке и доставке нарушителей установленного порядка, а также доносить о всяких нарушениях в органы внутренних дел. Взрослое население при

передвижении из одного населенного пункта в другой должно было всегда иметь при себе паспорт и предъявлять его по первому требованию органов МВД, МГБ и представителя сельского совета. Кроме этого, специальные дежурные, назначаемые из числа партийных и комсомольских активистов, проводили проверки документов у всех вновь появляющихся граждан и принимали необходимые меры по информированию органов или задержанию своими силами всех подозрительных. В режимной зоне гражданам, не проживавшим в режимной зоне, запрещалось охотиться, заниматься рыбной торговлей, собиранием грибов и ягод. За нарушение установленного порядка проживания в режимной зоне граждане несли административную и уголовную ответственность в зависимости от тяжести и последствий нарушения (предупреждение, штраф до 100 рублей, удаление из режимной зоны и предание суду).

В особорежимной зоне запрещалось проживание граждан, ранее осужденных по 58-ой статье УК РСФСР за государственные преступления. И поэтому различались семьи, члены семей вынуждены были годами жить раздельно. Так, например, Галей Галеевич Сафаров, 1910 года рождения, бывший секретарь Аргаяшского райисполкома, арестованный в декабре 1937 года и осужденный по статье 58 пункты 2,7,8,11, отсидев десять лет в колымских лагерях, затем пять лет отработав вольнонаемным на колымских золотых приисках, решил вернуться к своей семье в поселок Аргаяш. Он возвратился на родину 27 декабря 1952 года.

Из воспоминаний Г.Г. Сафарова: «Приехал к своей родной семье, к жене в поселок Аргаяш, где опять

А. И. Плаксина

мне больному человеку не было покоя. Отобрали документы и предложили за 24 часа покинуть Аргаяш». И Сафаров, побыв ночь дома, был вынужден наутро покинуть жену с сыном и уехать в соседний район.

Из воспоминаний Х.Ш. Исламовой: «В 1949 году к нам в гости приехал дядя из Татарии. Уже на другой день к нам пришли два милиционера и в тот же день дядю изгнали из Каслей..., сказав, что если он не уедет, то его посадят, а моих родителей оштрафуют за прием неизвестного лица... потом мы узнали, что донесла наша соседка З-на».

Совет Министров СССР 8 февраля 1948 года принимает постановление за №233-97 «сс» о выселении из особорежимной зоны всех неблагонадежных и родственников граждан, понесших уголовное наказание. Под это определение попадали все, кто когда-то был осужден за антисоветскую агитацию, за контрреволюционную деятельность, бывшие кулаки, лица, служившие в белой армии. 5 октября 1947 года начальник Управления МГБ Челябинской области, генерал-майор Смородинский и начальник Управления МВД Челябинской области, генерал-майор Павлов направляют председателю Челябинского облисполкома И.В.Заикину служебную записку, в которой указывают, что, по предварительным данным, из числа проживающих в особорежимной зоне подлежат выселению 2939 человек, в том числе по территориям: Кыштым – 626 человек, Каслинский район – 827, Аргаяшский – 638, Кузнецкий – 573, Кунашакский – 275. В процентном отношении подлежащие выселению граждане составляли 3,06 процента от всего населения особорежимной зоны.

Из общего количества 2939 человек, подлежащих выселению, 1161 были главами семьи. Именно они

Б. П. Плаксин

А. П. Плаксин, 19 лет

несли в себе первопричину той репрессивной меры, которая была предпринята по отношению к ним и одновременно затронула и членов их семей. Больше половины подлежащих выселению – 54,3 процента, составляли рабочие, 17,1 процента – колхозники, 10,6 процента – служащие, 18 процентов – прочие (домохозяйки, неработающие старики, единоличники, кустари). По принятому в советском обществе классовому делению рабочие и колхозники были самыми передовыми социальными слоями, основой социалистического строя. В нашем случае они составляют вместе 71,4 процента – преобладающее большинство. Как видим, представители основы социалистического общества также не вызывали доверия у органов власти, и оно их принудительно переселяло.

Наибольший интерес вызывает анализ причин, которые послужили основанием для депортации. Самая большая группа – это спецпереселенцы – 24,5 процента, за ними идут судимые за уголовные преступления – 18,3, репатрианты – 14,8, судимые по ст.58 (контрреволюционные преступления) Уголовного Кодекса РСФСР – 12,6, бывшие кулаки – 7,5, бывшие советские военнопленные – 4,2, судимые по ст.59 (особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления) УК РСФСР – 1,5, и 16,6 процента подлежащих выселению составляли прочие, т.е. люди фактически субъективно неблагонадежные.

Как известно, после осуждения культа личности Сталина в пятидесятые годы двадцатого века и принятия Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в 1991 году абсолютное большинство осужденных

по политическим мотивам граждан были реабилитированы как безвинно пострадавшие.

Но если даже исходить из формального анализа состава выселяемых по признаку политической неблагонадежности и предположить, что 14,1 процента действительно совершили государственные преступления, то большая их часть – 85,9 процента (спецпереселенцы, репатрианты, бывшие пленные, бывшие кулаки, осужденные за уголовные преступления) не были злостными и непримиримыми врагами существовавшей власти, готовыми к каким-либо враждебным диверсионным действиям и представлявшими серьезную угрозу для строящегося секретного атомного объекта. А значительная часть граждан, подпадавших под выселение – 16,6 процента, проходившие в графе прочие, фактически признавались неблагонадежными по чисто субъективным основаниям (единоличник, уклоняется от работы в колхозе, «дочь муллы», нигде не работает, занимается спекуляцией и т.д.).

Рассмотрим материальное и имущественное состояние выселяемых семей. Выселению подлежала 1161 семья. Они владели 7 каменными и 581 деревянным домом, то есть 50,6 процента имели собственный дом. И этим 588 домохозяевам выплачивалась страховая стоимость дома, средний ее размер составил 4,1 тысячи рублей. Эта сумма во многих случаях не могла быть реальной, потому что многие выселяемые имели хорошие и большие дома, и страховка не возмещала всех затрат по приобретению дома на новом месте жительства.

Другая половина выселяемых, если учитывать недавно закончившуюся войну, когда Челябинская область приняла около полмиллиона эвакуированных граждан, проживала либо в перенаселенных общежитиях, либо в бараках или снимала жилье в частных домах. В собственности находилось 595 голов крупного рогатого скота, 701 голова мелкого скота (овец, коз), 16 лошадей. Если даже учитывать, что часть жителей Кыштыма, Каслей в силу невозможности (проживание в квартире, бараке, отсутствие построек) не держали домашний скот, следует признать наличие в семье 1-2 голов мелкого скота (козы, овцы) и одной коровы (колхозникам просто запрещали содержать две коровы). Все это не свидетельствует о зажиточности вынужденных переселенцев. Страховая стоимость крупного рогатого скота была сильно занижена, на одну голову выплачивалось только по пятьсот рублей, такая же стоимость выплачивалась и за одну лошадь, и поэтому большинство высланных домашний скот старались увезти с собой.

Конечно, не могло быть и речи о каком-то информировании населения. Так, городская газета «Кыштымский рабочий» в номере от 21 марта 1948 г. рассказывала о занесении на городскую доску почета передовиков четвертой сталинской пятилетки, о Договоре о дружбе и взаимопомощи между СССР и Болгарией... А между тем город был взбудоражен всевозможными слухами о предстоящем выселении. Решением суженного состава горисполкома образуется городская комиссия во главе с председателем горисполкома Н.В.Дубровиным,

куда вошли заместитель председателя горисполкома, начальник отдела МВД по городу Кыштыму, начальник милиции и один из депутатов горсовета. Комиссия сразу приступает к работе, утверждаются мероприятия по проведению выселения. Гражданам, кому предстояло выселение, направляются повестки такого содержания:

«Горисполком предлагает вам явиться ___ марта 1948 года к ___ часам в комнату №8 и иметь при себе справку о средней зарплате за последние 3 месяца на себя и работающих членов семьи.

Зам. председателя исполкома Кыштымского городского совета депутатов трудящихся Л.Трошков»

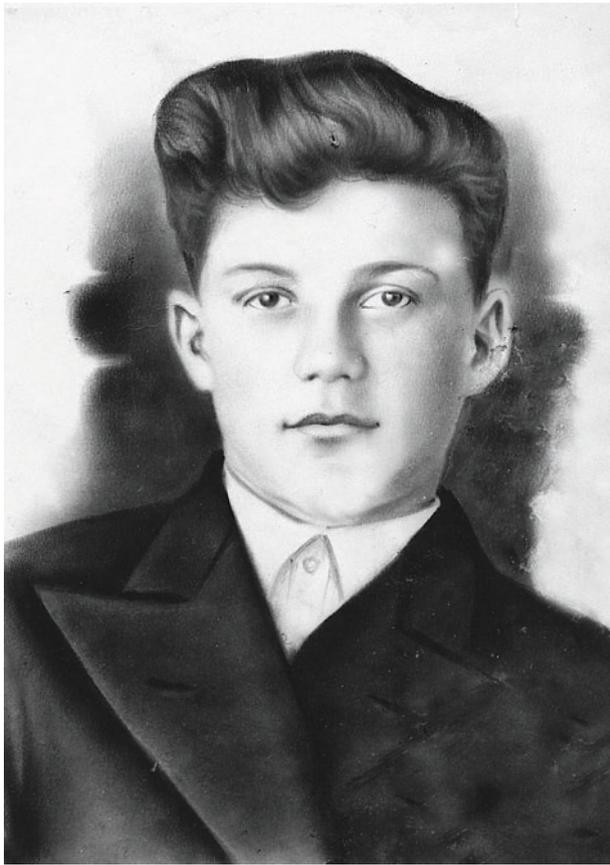
Прибыв в горисполком, люди получали известие о высылке без объяснения причин и давали подписку следующего содержания, которая после подписания сразу же отбиралась:

«Я, нижеподписавшийся _____ (Ф.И.О.) проживающий _____ (указать полный адрес) даю настоящую подписку _____ РОМВД в том, что я обязуюсь в ___ дневный срок, т.е. до _____ 1948 года, вместе со своей семьей, состоящей из _____ (перечислить поименно) выехать на новое место жительства в _____ район Челябинской области. Мне объявлено, что за нарушение данной подписки, я подлежу принудительному отселению.

*Подпись _____
Подписку отобрал _____».*

И здесь же, в горисполкоме, у граждан изымались паспорта, домовые книги. Фактически они становились бесправными и полностью переходили во власть органов. А документы с отметкой о прописке они уже получали на новом месте жительства.

Население города, узнав о начавшемся выселении, испытывало чувство тревоги и страха. Списки носили строго секретный характер и не разглашались, и поэтому не было ни одной семьи, которая бы не думала о выселении. Вспоминает Федор Логанович Косолапов, 1926 года рождения, в то время токарь механического завода: «Меня ... направили в Москву на курсы инструкторов физкультуры. По дороге настигла телеграмма: срочно вернуться в Кыштым... Я приехал, иду по улице, смотрю – народ суетится. Подумалось, что пожар случился. А оказалось во сто крат хуже: кругом слезы, все вверх дном. Дом, который отец до войны поставил, целехонький, да только нам в нем больше не жить – выселяют... Всем нам и еще одной семье выделили под домашний скarb целый вагон. Но взяли с собой только то, что могли поднять – самое необходимое. Мы тогда и слухом не слыхивали о том, какое строительство началось вблизи Кыштыма. Я считаю, что мы попали в черные списки потому, что «имели связь с заграницей». У мамы был брат, когда-то живший в Иране...».

С. П. Плаксин, 17 лет

Токарь Федор Косолапов в годы войны был одним из передовых рабочих на механическом заводе. Отец его, Логан Никонович Косолапов, был потомственным кыштымским рабочим высочайшей квалификации, работал мастером-формовщиком на Кыштымском механическом (машиностроительном) заводе, был награжден медалью «За трудовую доблесть», представлялся даже к награждению орденом Ленина, но потом в связи с высылкой представление было отменено.

Люди обращались в органы власти с заявлениями о пересмотре их выселения, но ответа никто не получил. Как писал кыштымец Ю.М.Кузнецов, очевидец тех событий: «Ручьями и целыми реками лились слезы у взрослых и детей, которые не могли понять причину их изгнания из родных мест, где их предки строили демидовские заводы, рубили дома и сейчас покоятся на кладбищах».

Нельзя отрицать, что при принятии решения о включении той или иной семьи в списки на выселение присутствовали и совершенно субъективные, и даже корыстные соображения. Мнение Ф.Л.Косолапова: «У нас и дом был крепкий, и сад шикарный. От нас дом достался «в наследство» горкомхозу. Как только мы съехали, в него вселился заместитель начальника милиции. Поневоле подумаешь, что кое-кого начальство специально в списки воткнуло, чтобы себе жилье получше выбрать».

Несколько дней шла загрузка имущества в вагоны на железнодорожной станции в Нижнем Кыштыме. Ночью 23 марта 1948 года эшелон из 46 вагонов с переселенцами, их имуществом, домашним скотом отправился со станции Кыштым на запад области, в Сатку.

То же происходило и в других населенных пунктах.

Были установлены жесткие сроки для выселения, и необходимо было определиться с оставляемыми домами. Конфискация собственности, в отличие от тридцатых годов, не проводилась. Можно было бы продать дом, но сжатые сроки от объявления о выселении и до отправки, буквально две-три недели, а также массовость высылки, когда, например, из Кыштыма высылке подлежало полторы сотни семей, и одновременная продажа такого количества домов неизбежно приводили к падению цены на них, и все это не позволило вынужденным переселенцам воспользоваться такой возможностью. То же самое относится и к домашнему имуществу, которое нельзя было увезти по каким-то причинам (телеги, сани, сбруи, строительный материал, хозяйственный инвентарь), приходилось продавать его за бесценок или просто оставлять.

Практически все дома выкупались государством по стоимости страховой оценки. В решении облисполкома было записано: «выдать отселяемым лицам, имеющим на территории режимной зоны жилые дома и постройки, единовременное безвозвратное денежное пособие в пределах стоимости строения по их страховой оценке». Созданные комиссии в составе: председатель – представитель местного Совета, а также – представитель Госстраха и владелец строения, срочно стали проводить опись и оценку домов и домашних построек и составлять акты, которые затем утверждались райисполкомом. Вот, например, акт оценки дома и построек Марины Евгеньевны Савиновой из села Куяш Кунашакского района от 20 марта 1948 года:

«Дом, крытый железом, рамы двойные, стоит 300 рублей, сени бревенчатые, крытые железом, стоят 160 рублей, конюшня, крытая соломой, стоит 120 рублей, баня, крытая дерном – 50 рублей, ворота тесовые стоят 45 рублей, амбар, крытый соломой, стоит 120 рублей, погребушка бревенчатая, крытая соломой стоит 120 рублей, заплот бревенчатый без крыши – 150 рублей, всего на сумму 1065 рублей».

Для сравнения, приведем размеры зарплаты высланных граждан. Имеются справки о месячной зарплате, она составляла от 200 рублей у технички, 310 рублей у столяра и до 700 рублей у заведующего МТМ. Зарплата учителя тогда была 400 рублей.

Суммы выплат за оставляемые дома колеблются от 500 рублей («ветхий, годен на слом, на дрова») и выше: 2500, 6400, 7800, 8200, 11600 рублей. Переданные райисполкому дома затем заселялись по его распоряжению. Допускались и нарушения в выплатах высланным гражданам. Дом семьи Трифионовых из Кыштыма был оценен по страховой стоимости в 14 тысяч рублей, однако семья получила только половину – 7 тысяч рублей. Когда стали требовать выплаты полной суммы, получили ответ: «Берите, а то и этого не получите...».

Согласно решению облисполкома должны были выплачиваться подъемные главе семьи из расчета тарифной ставки, для этого и запрашивались справки о средней заработной плате. Также должны были выплачиваться подъемные на иждивенцев и на работающих членов семьи, суточные и зарплата за время проезда и устрой-

И. О. Миляев, п. Аргаяш

ства домашнего быта. Однако в Каслинском районе, как было отмечено в информации райисполкома, «... ввиду недостаточности средств, нами не могла быть соблюдена выплата сумм по переезду некоторой части выселяемых – одиночкам, которым выплачены только месячный средний заработок (тарифная ставка), а также колхозникам и прочему населению, которые получили только по 500 рублей независимо от численности их семьи».

В архивном отделе Кунашакского района имеется четыре заявления, в которых муж или жена, стремясь не допустить разрыва семьи, добровольно едут за назначенным к высылке супругом. Вот тексты этих поистине человеческих документов, написанных на клочках бумаги (приведены с сохранением орфографии и пунктуации):

Председателю райисполкома тов. Слабинскому

Заявление

Прошу разобрать мое заявление так как мой муж Сурков Алексей Як. едит на новое местожительства я его жена Борискина Едакия Федор проявляю добровольное желание ехать вместе с мужем на новое местожительства в чем и распишусь.

Борискина».

Расписка

Дана настоящая расписка от Шагиной Марии Владимировны в том, что действительно изъявляю жела-

ние ехать добровольно с Шагиным Николаем Александровичем.

К чему подписуюсь Шагина».

Председателю Кунашакского райисполкома т. Слабинскому от Булычова Петра Григорьевича

Заявление

Так как моя жена попала в списки спецпереселенцев а я нет, так я изъявляю желание чтобы отправили и меня вместе сней.

Прошу не отказать в моей просьбе. К сему: Булычов 11 марта 1948 года».

В назначенное время к дому отселяемого подгонялась конная подвода или автомобиль. Автомобильный и гужевой транспорт по решению райисполкома выделяли колхозы, МТС и предприятия района. Под контролем работников милиции и МВД люди и вещи доставлялись на станцию, где грузились в железнодорожные вагоны. Погрузка шла два-три дня, и все это время работники МВД охраняли станцию, чтобы не допустить каких-либо эксцессов. Для питания в пути люди обеспечивались хлебом. Так, для эшелона из Кунашакского района была выделена одна тонна хлеба. И в назначенный день эшелон с вынужденными переселенцами отправлялся за сотни километров от родных мест.

Эшелоны с переселенцами направлялись в наиболее отдаленные районы области. Особенно много их привезли в западные горные районы – Юрюзань, Сатку, Катав-Ивановск, Усть-Катав, Кусу, Златоуст. Это была настоящая трагедия ни в чем не повинных людей. Выселили Хабибуллу Истрафилова с семьей, жителя деревни Бажикаево Аргаяшского района, ранее уже отсидевшего десять лет в тюрьме по 58-ой статье, завуча Аргаяшской средней школы Н.И.Пчицкую с двумя детьми, у которой муж был ранее репрессирован. Вместе с ней отправили нетрудоспособную мать, 1876 года рождения.

Высылке подлежали семьи участников Великой Отечественной войны. Одним из оснований было нахождение во вражеском плену в годы войны. Так, Иван Осипович Миляев, фельдшер Аргаяшской больницы, во время войны попал в плен, два его сына воевали: один пропал без вести, другой умер в госпитале от ран. И.О.Миляев был выслан в город Кусу.

Из деревни Ново-Соболево Аргаяшского района была выселена семья Насырова Гатията Насыровича, 1898 года рождения. Его сын Газиз в 1942 году пропал без вести на фронте. Дома у него остались двое детей: четырех и двух лет, и жена, беременная третьим. Последний ребенок родился в том же 1942 году. В 1948 году Г.Н.Насырова вместе с женой, невесткой и тремя малолетними внуками выслают в Кусинский район. Основание – ранее в 1930 году был раскулачен.

Серьезным основанием для применения такой меры, как высылка, было наличие крупной собственности в царское время и в период НЭПа. Так, высылке подлежал Кручинин Василий Михайлович, 1899 года рождения, уроженец деревни Болдырево Горьковской области, бывший кулак, в начале двадцатых годов владел крупным кирпичным заводом, грамотный, по религиозным взглядам сектант-старообрядец австрийского согласия (так написано в списке Управления МВД). В 1927 году, скрываясь от преследования органов милиции, бежал на Урал. Проживает в Каслях, нигде не работает, имеет дом, две коровы, овцу.

Вспоминали все ранее высказанные слова и проступки, которые были неугодны существующей власти. Так, Баус Павел Алексеевич, 1896 года рождения, уроженец города Куйбышева (Самары), русский, из семьи служащих, образование высшее, по специальности педагог, беспартийный, в 1921 году был исключен из ВКП (б) во время НЭПа, как высказавший недовольство политикой партии и правительства, работал начальником планового отдела Вишневогорского рудоуправления.

Махмутов Фаткулла Махмутович, 1916 года рождения, уроженец деревни Старо-Соболево Аргаяшского района, работал трактористом. Как-то раз работал в ночную смену в поле, под утро, устав от ночной работы, лег спать. Это увидел кто-то из активистов и нарисовал на него карикатуру в «боевом листке». Махмутов проснулся, увидел этот листок и сорвал его. Об этом донесли в органы, Махмутову дали срок заключения, а семью в 1948 году выслали как неблагонадежную.

Напротив некоторых фамилий попадаются примечания типа: «из крестьян-кулаков», «дочь муллы»,

«занимается спекуляцией», «полезным трудом не занимается», «вышла замуж за немца», «нигде не работает». К неблагонадежным относили колхозников, не выработавших минимум трудодней, граждан, отказавшихся от подписки на заем.

Из Каслей были высланы представители известных фамилий – мастера чугунного литья: Н.Ф.Торокин, 1908 года рождения, формовщик, его жена тоже формовщик, старый мастер формовки П.Ф.Бродягин, 1892 года рождения, чеканщик артели имени Куйбышева П.М.Столбиков, 1921 года рождения, формовщик Н.П.Тепляков, 1907 года рождения.

Из воспоминаний очевидца тех событий:

«Суматоха. Галдеж... Детский плач, мычанье скотины, башкирская речь, русские матерные слова – все смешивается друг с другом. Нерадостная осень 1948 года. День ясный, но, несмотря на солнце, тревожно. Совершающееся сегодня событие надолго останется в памяти народной. На станции Аргаяш «врагов народа» отправляют в разные стороны. Для погрузки людей, домашнего скота приготовили товарные вагоны. С разных деревень с плачем прибыли отправляемые семьи...»

Выселение стало огромной трагедией для людей, подвергшихся этой мере. Вспоминает Магрифа Сирбаева (Шаяхметова): «Я родом из Аргаяшского района из деревни Старо-Соболево. Моего отца Шаяхметова Гаттара арестовали в 1937 году за то, что он был мулла. У мамы нас осталось пятеро детей, мне три года, самому младшему братику шесть месяцев. Мама со старшими братьями работала в колхозе. В 1939 году старшего брата Абдулхака забрали в армию, он погиб на финской войне. Второй брат Барый погиб в Великой Отечественной войне, самый младший брат умер. С 1944 года от отца не стало писем...»

Мама долго ждала сыновей и отца, целый день была на колхозной работе, сестра и мы, дети, и то помогали, как могли, нас вдохновляли, говорили, для победы. В октябре 1947 года мама во второй раз вышла замуж, за Тимербаева Абдулхая, у него был сын 11 лет, мне 13 лет. Вдруг, это было зимой в 1948 году, мама приходит домой, плачет, говорит, нас выслают за то, что отец был заключенным, маму и меня, отчима по желанию, он может не ехать. Нам стало так горько, больно, двое сыновей погибли на войне, защищая Родину, свой народ, а маме с тринадцатилетней дочкой нет места.

Как бы ни было, стали собираться. Отчим не хотел оставаться. Картошку, дом, все продали, корову забрали с собой. В райисполкоме на каждого человека давали подъемные по 500 рублей. В марте 1948 года нас на двух лошадях отвезли в Аргаяш, погрузили в товарный вагон, как пленных. Было много народу: спали, сидели на своих вещах... Были дети, молодые, старые: кто пил, пел, плакал, играла гармонь, посреди вагона была железная печь, ехали трое суток. Нас высадили на Кусинской станции, где поджидали две подводы из деревни Каскиново. Снова стали работать в колхозе...»

Выселенных не по своей воле людей переполняло чувство обиды, непонятной вины и тревожного ожидания, как начинать жизнь на новом месте...

Владимир СТРУГАНОВ
Фото автора

Деревня моя, Колмогорова

Лет десять назад отметила 300-летие деревни Колмогорова, где издавна, бок о бок с земляками, жили и мои предки по материнской линии, и где проходило наше с братом раздольное и беззаботное детство. Здесь областные поисковики, пользуясь картой и металлоискателем, нашли при раскопках предметы XVIII века (монеты и т.д.), подтверждающие солидный возраст деревни. Пусть не велика и не знаменита она, но, учитывая ее возраст, хочется рассказать о ней. Изложу то немногое, что мне известно и что помню с детских лет. А начну с названия.

Есть некая схожесть названий «Колмогорова» и «Холмогоры». Она, эта схожесть, позволяет предполагать, что начинали Колмогорову выходцы из Архангельской области – поморы. К тому же, и название райцентра Каргаполье, до которого от деревни чуть более двух десятков километров, созвучно с названием старинного севернорусского города Каргополя.

Вот и уральский историк А.Г. Мосин в своем труде «Уральские фамилии» указывает: «В Курганской области есть поселок Каргаполье, основанный не позднее 1730-х годов (по данным В.Ф. Житникова

Владимир Викторович Струганов, врач офтальмолог. Автор-исполнитель песен. Увлекается и фотографией. Живет в городе Лесном Свердловской области.

– в 1670 г.), первыми его жителями были выходцы из Каргополя, или из Каргопольского уезда.»

Из того же труда почерпнул и сделал вывод, что самые распространенные колмогоровские фамилии: Колмогоровы, Пелевины, Векшины, Перцевы, Агапитовы, Манакоты, Холкины, Коровины – известны и в Кировской области (бывшая Вятская губерния). Там, оказывается, даже есть деревня Векшина. И это объяснимо, если вспомнить что население Среднего Урала в XVII веке в значительной степени пополнялось за счет севернорусских крестьян, выходцев из Поморья, Вятской земли и Перми Великой, а возникновение фамилий на Русском Севере, заселявшемся преимущественно черносоченным (государственным) крестьянством, происходило в XVI – XVII веках. В начальный период освоения Сибири центром земледельческой колонизации Зауралья, с привлечением сюда охочих крестьян, стало Верхотурье. Было и немало беглых из Центральной России, а также ссыльных за провинности, переселенцев из числа старообрядцев.

Среди моих даже не очень далеких предков, знаю, тоже были староверы. А еще, по воспоминаниям моей матери, в здешних местах до первой половины прошлого века бытовали случаи паломничества к святым мощам Праведного Симеона Верхотурского (не потому ли, кстати, что Симеон, как предполагают историки, еще и родом из-под Холмогор). На весь путь, туда и обратно, у пеших паломников иной раз уходило целое лето.

Значительную роль в колонизации нашего Исетского края, в заселении плодородной Исетской равнины, сыграл Далматовский Успенский мужской монастырь, основанный на реке Исети в 1644 году.

В Зауралье фамилия Колмогоровых документирована с конца XVII века. Например, как указывает А.Г. Мосин, вкладчиком Далматовского монастыря был Максим Колмогоров – житель Белошейкиной слободы (1695 г.) Но «предками крестьян Колмогоровых из деревни Колмогоровой, были крестьяне деревни Курьинская, входившей прежде в состав Каменской слободы.»

Каков же нынешний облик нашей деревни, и какой она была в не очень далеком прошлом?

Крупные исторические события, происходившие в России, не могли не коснуться и Колмогоровой, относившейся в разное время то к Пермской губернии, то, потом – к Челябинской области. Каким-то образом в ней сохранились единичные строения, возможно, второй половины XIX-го века, о чем большинству нынешних жителей, похоже, и невдомек. В центре и сейчас выделяется среди прочих крепкий еще деревянный дом-пятистенок с дворовой постройкой из красного кирпича. В советские годы его, помню, приспособляли под детские ясли. В нижнем краю деревни – другой заметный, уже несколько покосившийся, рубленый дом с резными наличниками. Здесь в разное время

располагались библиотека, школа, медпункт. Их первых обитателей, братьев Колмогоровых – Григория Ефимовича и Ивана Ефимовича – раскулачили в 1936 году. Внучка высланного тогда в Сибирь Ивана, 80-летняя Екатерина Яковлевна Уфимцева, живет сейчас по соседству с его бывшим домом. Она и поведала о давней семейной драме.

В былые времена число дворов в Колмогоровой доходило почти до полутора сотен. Напротив дома Ивана Колмогорова когда-то возвышалась деревянная часовенка. А где-то в конце 1950-х исчезло другое сооружение, много лет верой и правдой служившее селянам: деревянная пожарная каланча.

В Колмогорову тоже из других регионов страны ссылали репрессированных. Например, многие еще помнят «поповскую дочь» Инну Александровну Беляеву, дожившую до 90-летнего возраста. Она долгое время работала учителем колмогоровской начальной школы, размещавшейся некогда в просторном доме с высоким крыльцом, на окраине деревни. Я тоже ее помню. Инна Александровна в 60-х, находясь уже в преклонном возрасте, производила на меня – тогда мальчишку лет двенадцати, приезжавшего из города на каникулы – впечатление замкнутой женщины, ходившей в длинной черной юбке и с посохом. Жила она одиноко в старой избе, за школой – на выселке, именуемом Песками, – подкармливая довольно многочисленную свору бездомных собак.

Войны прошлого века не обошли стороной нашу деревню. Воевали колмогоровцы и в Гражданскую, и на Холхин-Голе, и с белофиннами...

В годы Великой Отечественной на фронт ушли едва ли не все здоровые мужики. Тем, кто не вернулся – а их 64 человека (цифра для зауральской деревни огромная!) – в Колмогоровой установлен памятник. Да и вернувшиеся не отличались прежним здоровьем, так как среди них были и раненые, и побывавшие в немецком плену.

После войны в Колмогоровой функционировал выборный орган советской власти – Колмогоровский сельсовет. Какое-то время его председателем являлся и мой дед, Михаил Семенович Векшин. Деревня входила в состав колхоза «Память Ленина». В 50 – 60-х годах колмогоровской колхозной бригадой руководил Михаил Манакон – в ту пору молодой еще, высокий, упитанный мужчина, которого мы, ребята-озорники, побаивались. Отличался он от других деревенских мужиков поставленным, можно сказать, начальственным, баритоном. Колхоз занимался выращиванием хлеба и овощей, производством молока, откармливанием свиней. Был табун лошадей. До сих пор помню запах сыромятной кожи от сбруй на конном дворе! Километрах в пяти, в лиственном колке, располагалась заимка (полевой стан). Еще помню, что рядом с колхозными складами стояла кузница, а неподалеку, за деревней, как символ прежнего уклада жизни колмогоровцев, – старая ветряная мельница.

Насколько можно судить по старым советским кинофильмам, помимо лошади, самым распространенным видом транспорта на селе в те годы являлся велосипед. Вот и в Колмогоровой едва ли не в каждом дворе под крышей стоял такой железный конек. На нем разъезжали и деревенский кинемеханик, и учительница, и почтальонка, и почти вся здешняя ребятня.

К середине 60-х, уже в брежневские времена, в Колмогорову провели электричество. А до того свет в деревенские избы, как и во многих других деревнях тех лет, подавался от колхозного «движка» – по 2-3 часа вечером, когда на ферме шла дойка колхозных коров. В остальное время приходилось пользоваться керосиновыми лампами. Ночами Колмогорова погружалась в кромешную тьму (к слову, и сейчас та же картина), и возвращаясь, бывало, после вечернего киносеанса из деревенского клуба домой, мы группировались возле кого-то, в чьей руке был карманный фонарик, дабы не угодить в потемках в лужу, яму или коровью лепешку.

Прежде в ненастье здешние дороги становились непроходимыми не только для транспорта, но и для людей – чернозем буквально засасывал. В 80-х дорогу к деревне все-таки покрыли асфальтом, но лишь до окраины, и со стороны Каргаполя. А со стороны Шадринска до сих пор не заасфальтировано километра три дороги, что является причиной немалых неудобств. Ведь известно: где хорошие дороги – там и жизнь налажена...

Беда постперестроечных лет – отсутствие компетентных руководителей на селе, нередко открытое воровство, злоупотребление служебным положением и почти поголовное пьянство. Хозяйство постепенно пришло в упадок. Его расформировали, а Колмогорова вошла в состав соседнего колхоза – имени Калинина, с центральной усадьбой в селе Осиновском. Но к 2000 году и это хозяйство стало хиреть; усилился отток населения, в первую очередь, естественно, молодежи. И как следствие – в 2009 году колхоз имени Калинина реорганизовался в «ООО».

Сегодня в Колмогоровой не более восьмидесяти дворов. Значительная часть жителей – пенсионеры. Не стало клуба (он – построенный в 70-х годах вместо старого, бревенчатого – был продан за долги, и его разобрали на кирпич), закрылся единственный магазин. Еще раньше закрыли начальную школу. В общем, все – как и везде. Типичная ныне картина для села.

И все же, Колмогорова пока держится, надеясь на лучшее. Надеется на то, что роскошные уголья вокруг – плодородные равнинные поля, колки, просторные заливные луга по берегам Исети с многочисленными озерками на них – будут востребованы и на благо тех, чьи предки, осваивавшие эти земли, лежат на местном погосте, кто душой болеет за судьбу своей малой деревенской родины.

Наталья ПОЗДНЯКОВА
Фото из архива автора

Караванный Герасим Тимофеев

Однажды моя знакомая по переписке Генриетта Денисова, которая, как и я, интересуется историей предков, прислала мне по электронной почте отрывки из писем Никиты Никитича Демидова к приказчикам. В этих отрывках упоминаются наши с Генриеттой предки.

Первое письмо было написано 20 февраля 1785 г.: «...А по вексялям денги за прошлогоднее железо по разным городам велеть караванным збирать чего при себе караванные с винных получить скоро иногда денег не могут, то штоб они, караванные, для скорого збору денег оставляли надежных людей, ково следует, дабы в ходу каравану нималого б простою и остановки за збором денег не было б. И ко мне б караванные и те, оставленные для збору денег, служители всегда б и о всем изо всех мест почасту б скоро репортовали и знать бы о всем заранее давали, дабы я о всем был заранее известен, и денги б все начисто по вексялям скоро добрали б. И сверху вашего крепкого подтверждения караванным и самим им, караванным – Тихану и Тимофееву, Мурашкину и протчим – дать сие мое письмо со вниманием точно прочесть, дабы они все по вышеписанному знали и с верностью ведали...»

Это письмо опубликовано в «Демидовском временнике», историческом альманахе, изданном в Екатеринбургe в 1994 году Демидовским институтом. В переводе на современную орфографию, Никита Никитич приказывает своим подчиненным собирать деньги за железо, проданное в прошлом сезоне в долг. А чтобы караван не простаивал, пока расплачиваются должники, он повелевает оставлять надежных людей, которые и будут собирать эти деньги. Хозяин требует незамедлительно докладывать ему обо всех событиях, происходящих в пути следования каравана. Упоминаемые в письме среди прочих караванные Тимофеев и Мурашкин – это наши с Генриеттой пращурь. Оба они жили в Каслях.

Второе письмо Никита Никитич написал через несколько лет, 7-8 апреля 1790 г.: «...сим повелеваю главным караванным в караван быть Тихану и Михайле, а расходчиком Мурашкину, а к ним караванным в помощники и в писцы по прежнему определяю бывших и ныне идущих в караване подъячих Петра Блинова и Андрияна Зайцова, да еще третьяго покойнаго Герасима Тимофеева брата его роднаго Архипа Тимо-

Каслинское поселение. Фото Прокудина-Горского

феева [который] имеется ныне на Каслях в служителях, определить на нынешней же отправившейся караван помощником ж караванным и к производству ж и запискам писменных в караван дел и в бываемых для каравану всякаго рода закупок, также из каравану железа и протчаго продажах и отдачах, чтоб все троля они, Блинов, Зайцов и Архип Тимофеев знали б, навывали и во все входили, по порядку вместе с караванными с усердием, трезвостию, не касаясь ни мало к хмельному, с верностию и радением к господскому во всем, за что и оставлены от меня они за верность, усердность, трезвость и радения не будут, и чтоб они Блинов, Зайцов и Архип Тимофеев крепко сие помнили и наблюдали всеусердно. Но как по вышеписанному без сумнения уже караван из Сорокина отправился, то в самой скорости немедля ни мало означеннаго Архипа Тимофеева послать на отправленной ныне караван сухим уже путем туда, где уповаитя по времени он Архип караван мой настичь может и с вашим письменным на караван о сей моей воле подтверждением, а притом и выписав сей мой весь пункт, для знания и исполнения, послать же на караван к Тихану с товарищи, и как и куда имянно пошлете достигать означеннаго Архипа караван, и каков оной Архип совестию, понятием, поведением, трезвостию, и не пьет ли, и расторопностию, о всем объяснительно писать, да и на весь сей пункт писать же».

Наталья Владимировна Позднякова – член Уральского генеалогического общества и Общества уральских краеведов. Давний автор «Уральского следопыта». Ее очерк «Радола Гайда – герой Белого движения?» (2009, № 11) признан лучшей публикацией года.

Это письмо опубликовано во 2-м томе «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России», изданном видным русским историком, юристом и архивистом, академиком Николаем Калачовым в 1861 году в Санкт-Петербурге.

В письме фигурируют те же каслинцы Мурашкин и Тимофеев, но караванный Герасим Тимофеев, как видно из текста, скончался, когда караван уже отошел от пристани в Сорокино. Хозяин приказывает заменить покойного Герасима его братом Архипом, служителем при каслинском заводе. Как сказано в письме, Архипу надлежало догнать караван сухим путем. Никита Никитич очень радел за дисциплину в пути следования каравана. Он наставляет приказчиков, чтобы они следили за усердием, честностью, расторопностью караванных, а самое главное, чтобы те не употребляли спиртного.

Демидов сожалеет о преждевременной смерти своего работника, что видно из следующего отрывка из того же письма: «... А что караванной Тимофеев так скоропостижно помре, о том сожалею, и для того оставшей его Тимофеева жене с малолетними ее детьми выдать в память заслуг покойного ее мужа из милости моей сто рублей и записать на Каслях в расход; а небольшому его Тимофеева сыну, который ныне находится в конторе у письменных дел, быть при конторе и определить ему жалованья по 10 рублей в год, и каков оный малолетний его Тимофеева сын понятием и поведением, а также и большой его сын и не ленивы ль, о том писать ко мне объяснительно...»

Никита Никитич Демидов приходился внуком основателю уральской «железной империи» Никите Демидовичу Антуфьеву от младшего его сына Никиты и племянником самого известного из этой династии – Акинфия. Никита Никитич жил в Санкт-Петербурге и управлял своими владениями через приказчиков, но это не мешало ему досконально вникать во все тонкости своего уральского хозяйства и знать поименно многих своих работников. В приведенных цитатах из его писем это хорошо видно.

Никите Никитичу при разделе имущества после смерти отца, тоже Никиты Никитича, отошли несколько заводов: Васильево-Шайтанский, Каслинский, Кыштымские и Шемахинская дача с Сорокинской пристанью. К сожалению, он не оставил потомков и имущество свое завещал двоюродному племяннику Петру Григорьевичу Демидову, который в 1809 году продал все заводы, полученные по завещанию, в том числе и Каслинский, Вольскому купцу I гильдии Льву Ивановичу Расторгуеву.

Упомянутая в письмах Сорокинская пристань находилась на западных склонах Уральских гор на правом берегу реки Уфы близ впадения в нее речки Шемахи. Как только устанавливался санный путь, металл с заводов Никиты Никитича Демидова всю зиму свозили на лошадях к Сорокинской пристани. Путь занимал два дня. Дорога шла по долине реки Большой Маук через Теплые горы. За зиму на пристани скапливалось более 60 тысяч пудов изделий. Железо погружали на коломенки, число которых доходило до двадцати, и в апреле по первой высокой воде караван отправлялся в долгий путь.

Пройдя реку Уфу, караван попадал в Белую. Река Белая, которую башкиры называют Агидель, является при-

Село Шемаха, где была сорокинская пристань

током Камы, впадающей, как известно, в Волгу. В Нижнем Новгороде, где в Волгу впадает Ока, «железные» караваны разделялись. Часть судов следовали по Оке и реке Москве до старой столицы. Другая часть каравана поднималась по Волге до Твери, затем по реке Тверце через Вышневолоцкий канал на Новгород и далее через Волхов и Ладожский канал в новую столицу империи. Для прохода по узким каналам металл перегружали на мелкие суда. Железная продукция поставлялась в Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тулу, Москву, Тверь и Санкт-Петербург. Караваны, следующие в Санкт-Петербург, зимовали в Твери и возвращались домой только на следующий год.

Плавание по горной реке весной на тяжело груженных коломенках было очень опасным. Крутые повороты и прибрежные скалы грозили гибелью, как людям, так и грузу. Бывали случаи, когда суда вместе с поклажей тонули в бурных водах коварной реки. Герасим Тимофеев был здоровым, молодым, физически очень крепким человеком, поскольку для транспортировки грузов по рекам отбирали именно таких. Судя по письму Демидова, он был опытным, грамотным, хорошо зарекомендовавшим себя работником, не раз успешно принимавшим участие в перевозке железного груза по рекам. Можно предположить, что, когда коломенка по весенней воде преодолевала одно из многочисленных препятствий на реке, он промок и простудился, ведь дело происходило в начале апреля, когда лед только-только сошел. Так погиб мой предок, караванный Герасим Тимофеев.

Потомки братьев Тимофеевых до XX века жили в Каслях. Один из них, Михаил Никитич, в пореформенное время совместно с братом Яковом организовал в Каслях крупное литейное производство, где выплавляли чугун, в том числе и художественный. Михаил Никитич был известен в Каслях под прозвищем «Демидушка». Среди мастеров, составивших славу знаменитого каслинского литья, есть и представители этой фамилии. На некоторых скульптурах стоит их личное клеймо. Формовщик В. Тимофеев принимал участие в отливке прогремевшего на весь мир Каслинского чугунного павильона. Другой потомок, Николай Веденикович, был искусным мастером-отделочником, принимавшим участие в непревзойденной отделке зрительного зала оперного театра в Екатеринбурге.

Андрей КОЗЛОВ
Схемы выполнены автором

Раскрыта тайна астрологических гороскопов

- Волчанск – точка планетарного разума.
- В 1985 году начался Век ЗМЕИ.
- Новый Год нужно справлять с 21 на 22 декабря.
- Гороскоп Путина.

Цикличность

Если корректно исследовать феномен гороскопа (астрологи этого не делают, потому что они не являются исследователями, а ученые этого не делают, потому что астрология для них табуирована как паранаука), то оказывается, что звезды вообще роли не играют. Зодиаки-месяца образуются посредством деления годового цикла на 12 равных частей. В случае с китайским гороскопом мы видим, что 12-тиричная матрица не только делит год, но и собирает в цикл 12 лет. Причем и для года, и для 12-летки в Китае применялась одна и та же шкала БЫК-ТИГР-КОТ-ДРАКОН и так далее. И если при построении годового гороскопа звезды учитывались как ориентиры, то 12-летний цикл к ним даже такого отношения не имел. То есть в феномене гороскопа мы имеем дело не со звездами, а с циклами.

В индийской философии циклические феномены (например, сутки или год) принято классифицировать относительно модусов-гун. Гун три: **тамас** (торможение, невежество), **саттва** (рефлексия, благодать) и **раджас** (возбуждение, страсть).

Три модальности

Годовой цикл легко прочитывается сквозь структуру трех гун. Зимнее солнцестояние (полночь с 21 на 22 декабря) – точка тамаса-торможения. При делении $365 \frac{1}{4}$ дней на 3 мы получим и две других точки: 22 апреля – день Рефлексии, 22 августа – день Возбуждения. Сначала удвоив количество акупунктурных точек, а потом отметив промежуточные шесть точек, мы получим двенадцать точек годового цикла, которые являются эпицен-

трами качественных инноваций. Остальные дни года ($365 \frac{1}{4} - 12$) отличаются от 12 акцентных дней уже лишь количественно. В таблице 2 указано условное процентное соотношение для каждого из 12-ти знаков цикла. БЫК в нашей таблице одновременно и год БЫКА, и месяц БЫКА, и начальная фаза любого другого цикла, если цикл начинать с точки Торможения.

Индуистская тройственная классификация представляет собой форму классификации качества (то есть содержания вне количества). Физиология мозга человека также классифицируется с такой тройственной логики. Височные области, лобные доли, лимбическая система мозга составили «святую троицу» мозга. В мозге, кроме функций воздействовать-внушать (возбуждение), наблюдать-воспринимать (торможение), активно развилась новая функция – «самосозерцательная», способность «сигнализировать» самому себе.

Историческая периодизация

Модальная характеристика 12-летия означает, что мы в качестве цикла выделили 144-летнюю эпоху. И, стало быть, сама такая эпоха имеет какой-то модальный показатель в рамках 1728-летнего цикла (144×12).

Таким образом мы можем использовать идеологию нашего гороскопа для экспертизы исторических процессов.

Проанализировав характер исторических эпох, мы пришли к выводу, что в 1409 году, скорее всего, началось 1728-летие («тысячелетие») ОВЦЫ. И, стало быть, эпоха 1409-1552 гг. есть век БЫКА.

Андрей Анатольевич Козлов – помощник депутата Екатеринбургской гордумы, родился в 1956 году в Свердловске, окончил филологический факультет УрГУ, публиковался в журналах «Урал», «Уральский ревизор», участник коллективного сборника «Антология современной уральской прозы (1997)», соавтор проекта «Вспоминая 1987-й год» (Журнал «Урал», 2007, №4), автор книг «Бхагаватгита-99», «Экогород», «Ваш год рождения 1961». Редактор и один из авторов неформальной газеты «Голос Букашкина» (2009), участник многих творческих проектов. В нашем журнале выступил с проектом «Неркирдык – уральские шахматы» (2010, №5).

№	знак	психологическое свойство	торможение	рефлексия	возбуждение
1	БЫК	упорство	70%	15%	15%
2	ТИГР	решительность	60%	30%	10%
3	КОТ	спокойствие	49%	49%	2%
4	ДРАКОН	наблюдательность	30%	60%	10%
5	ЗМЕЯ	справедливость	15%	70%	15%
6	ЛОШАДЬ	коммуникабельность	10%	60%	30%
7	ОВЦА	рациональность	2%	49%	49%
8	ОБЕЗЬЯНА	изобретательность	10%	30%	60%
9	ПЕТУХ	энергичность	15%	15%	70%
10	СОБАКА	целеустремленность	30%	10%	60%
11	КАБАН	сосредоточенность	49%	2%	49%
12	КРЫСА	смелость	60%	10%	30%

Таблица 1. Свойства фаз 12-тиричного цикла.

№	знак	физиология мозга			12-летие (+144n)	год (+12n)	месяц	характер знака
		ТАМАС	САТТВА	РАДЖАС				
1	БЫК	70%	15%	15%	1841-1852	1997	22/12	интуиция
2	ТИГР	60%	30%	10%	1853-1864	1998	22/01	скачок
3	КОТ	49%	49%	2%	1865-1876	1999	21/02	игра
4	ДРАКОН	30%	60%	10%	1877-1888	2000	23/03	наблюдение
5	ЗМЕЯ	15%	70%	15%	1889-1900	2001	22/04	идеология
6	ЛОШАДЬ	10%	60%	30%	1901-1912	2002	23/05	диспут
7	ОВЦА	2%	49%	49%	1913-1924	2003	22/06	расчет
8	ОБЕЗЬЯНА	10%	30%	60%	1925-1936	2004	23/07	смекалка
9	ПЕТУХ	15%	15%	70%	1937-1948	2005	22/08	активность
10	СОБАКА	30%	10%	60%	1949-1960	2006	22/09	цель
11	КАБАН	49%	2%	49%	1961-1972	2007	22/10	форма
12	КРЫСА	60%	10%	30%	1973-1984	2008	22/11	храбрость

Таблица 2. Характеристики знаков гороскопа.

№	знак	качество	меридиан		параллель	
1	БЫК	упорство	180 гр.	Чукотка, Фиджи	60 ю.ш.	Юж. Сандвическ. о-ва, Юж. Океан
2	ТИГР	скачок	150 в.д.	Магадан, Мельбурн	75 ю.ш.	Антарктида
3	КОТ	игра	120 в.д.	Шанхай, Манила	полюса	Арктика
4	ДРАКОН	внимание	90 в.д.	Норильск, Лхаса, Бутан	75 с.ш.	Таймыр, Канадс. Аркт. архип.
5	ЗМЕЯ	знание	60 в.д.	Ревда, Мешхед, м. Эль-Хайд	60 с.ш.	Магадан, Осло, мыс Фарвель
6	КОНЬ	диспут	30 в.д.	С.-Петербург, Киев, Бурунди	45 с.ш.	Харбин, Крым, Белград, Милан
7	ОВЦА	расчет	0 гр.	Лондон, Гавр, Гана, Бур.Фасо	30 с.ш.	Шанхай, Каир, Н. Орелан
8	ОБЕЗЬЯНА	изобретательство	30 з.д.	Атлантический океан	15 с.ш.	Манила, Бангалор, Гватемала
9	ПЕТУХ	энергия	60 з.д.	В. Канада, Гайана, Манаус	экватор	Кито о. Суматра, Кения, Конго,
10	СОБАКА	цель	90 з.д.	Мемфис, Юкатан, Гватемала	15 ю.ш.	Бразилия, Самоа, Замбия,
11	КАБАН	форма	120 з.д.	Сэтл, Лос-Анджелес,	30 ю.ш.	Порту-Алегри, Брисбен, Дурбан
12	КРЫСА	смелость	150 з.д.	Анкоридж, Гавайи, Таити	45 ю.ш.	Н.Зеландия, Камаронес

Таблица 3. Соответствие знаков гороскопа и географических координат.

1553-1696 гг. – век ТИГРА. 1697-1840 гг. – век КОТА. 1841 – 1984 гг. – век ДРАКОНА. 1985 – 2128 гг. – век ЗМЕИ.

Если мы вспомним, какие события происходили в эпохи, выделенные гороскопом, то обнаружим вполне корректные соответствия.

Век БЫКА – собственно эпоха Возрождения, к которой восходят все принципиальные начинания, получившие развитие в последующей истории. Напомним, что это не только итальянское искусство (Леонардо, Рафаэль), это и реформация, эпоха географических открытий (Афанасий Никитин, Колумб, Магеллан), образование Московского царства, религиозные революции в Индии и так далее. Царствует дух начинания, возникновения из глубин интуиции.

Век ТИГРА – это история, описанная в трагедиях Шекспира, это русская смута, Нидерландская революция, Кромвель. Это уже не эпоха идей и открытий, а эпоха действий, решительных и грубых.

Век КОТА – налагается на эпоху Просвещения. Образование становится модной игрой. В Европе пишут трактаты, рождаются Кант и Гегель. В России бреют бороды, открывают университеты, создают литературу. Всюду тайные общества, где судачат о судьбах цивилизаций, в итоге провозглашаются Конституции и Декларации.

Следствия

Расшифровав смысл циклической шкалы, мы получили способ понимать целый ряд общественных феноменов, которые раньше мало интересовали науку. Например, новогодний праздник – суть некоторый психотренинг в связи с точкой БЫКА. Максимально тормозное время по-

зволяет производить операцию программирования-перепрограммирования. Даже «термин «перезагрузка», введенный недавно Обамой, строго говоря, приходится на настоящий год БЫКА.

21-22 декабря 2008 года екатеринбургские художники из «Клуба Б-17» в количестве 16 человек предприняли акцию по созданию художественных произведений в это время. Идеология проекта предполагала не только эксперимент (что будет, если мы проведем творческое программирование точно в точку БЫКА), но и призыв к творческому сообществу встречать новый год адекватно, чтобы скорректировать внутреннюю структуру социума.

Южное полушарие и экватор

Наиболее сложным для нашего исследования оказался тот факт, что южное полушарие имеет гороскоп, сдвинутый на полгода, а экваториальная зона имеет годовой гороскоп из 24 фаз. Чтобы не усложнять исследование, мы решили гороскопы людей, родившихся в на этих территориях, не включать в наше исследование. То есть у нас нет Пеле, Че Гевары, Манделы и т. д.

Географические гороскопы

Циклическая шкала без особого труда накладывается на земной шар.

Определив с помощью гороскопа семантику территорий земного шара, мы можем использовать такое знание для геополитических экспертиз, анализа менталитета населения, проживающего на территориях с уже определенной нами модальностью.

Замечателен факт: квадрат, образованный меридианальным и параллельным сегментами ЗМЕИ (мудрости-рефлексии), приходится на европейскую часть России

восточную и центральную Украину, восточные области Белоруссии. То есть в квадрате ЗМЕИ проживает 80% граждан РФ, 70% жителей Украины и некоторая часть белорусов. А точка ЗМЕИ, где пересекаются 60-ая параллель с 60-м меридианом, расположена возле уральского городка Волчанска (близ Карпинска Свердлов.области).

Таким образом, мы не только обосновали ранее «умом не понимаемую» специфическую функцию России, но и обнаружили на ее территории своеобразную «интеллектуальную Мекку», «точку Дзэн», «полюс мудрости», «чакру ЗМЕИ».

Гороскопы великих

Наиболее значимой частью исследования являются гороскопы известных людей, построенные по нашему методу. Такие гороскопы важны не только из-за интереса к известным людям, но и как способ изучения самого гороскопного феномена, самого факта зависимости психотипа от времени рождения.

Например, согласно католическому календарю национальная героиня Франции Жанна Д'Арк родилась 6 января 1409 г. В нашем гороскопе это век БЫКА. 12-летие-год-месяц – БЫК: БЫК: БЫК. То есть, юная героиня четыре раза БЫК – упорство, упрямство, следование интуиции, царственность и смелость, доходящая до фанатизма – все это объясняется гороскопом

Владимир Владимирович Путин, президент РФ, родился 7 октября 1952 г. в Ленинграде, то есть в век ДРАКОНА, по 12-летию-году-месяцу имеет знаки – СОБАКА: ДРАКОН: СОБАКА. То есть пара ДРАКОН-СОБАКА повторяется дважды, а сама эта пара составлена из дополняющих, противоположных знаков: ДРАКОН – наблюдатель-эрудит, СОБАКА – целеустремленный дисциплинированный прагматик. Знаки уравновешивают друг друга, что не дает наблюдательности «витать в эмпиреях», а «прагматичной целеустремленности» превратиться в бездумное солдафонство.

Интересен гороскоп Юлии Тимошенко, бывшего украинского премьер-министра. Она родилась 27 ноября 1960 г. в Днепрпетровске, она – СОБАКА: КРЫСА: КРЫСА. КРЫСА – являет собой «безумную храбрость», «авантюризм».

Город КОТА

Гороскопы по рождению могут быть определены не только у человека, но и у домашних животных, и у населенных пунктов.

Например, Екатеринбург был основан в 1723 году – в год КОТА. КОТ – игрив, малоэнергичен, спокоен; интеллект КОТА – интеллект игры. В 2011 году Екатеринбург отметит свое 288-летие, то есть ему исполнится два гороскопных века. 18 ноября 2008 года в галерее Союза писателей Екатеринбурга впервые был отмечен день рождения города с учетом этого брэнда «Кот-Котеринбург».

Поскольку создатель гороскопа сам является екатеринбуржцем, можно заподозрить, что данные ис-

следования подгоняются под екатеринбургский миф. Но, увы, с гороскопом Екатеринбурга, претендующего на «Центр Континента», не все так радужно. Екатеринбург, строго говоря, хотя и находится вблизи «русского» квадрата Змеи, но все же расположен за его пределами (Екатеринбург находится на западной окраине квадрата ЗМЕЯ-ДРАКОН), и, чтобы войти в змеиную модальность, Екатеринбургу недостаточно перетащить на свою территорию столб границы Европа-Азия. У Екатеринбурга есть лишь один шанс оказаться в полосе «мудрости»: он должен срастись с Первоуральском, образовав таким образом единый мегаполис, часть которого будет в Квадрате ЗМЕЯ-ЗМЕЯ, а часть в квадрате ЗМЕЯ-ДРАКОН, «сити», конечно, должен быть передвинут в западную часть нового супергорода.

Общие выводы

Самым важным фактом, обнаруженным гороскопом, является начало века ЗМЕИ в 1985 году. Началась Перестройка. Наступила эра информационного общества. Появились какие-то «дети индиго». Естественно, появившееся явилось в зародыше. Первые 12 лет – 12-летие БЫКА. Много сна, бессмыслицы. Идеи провозглашены, но они в мечтательном сне Горбачева. Следующее 12-летие ТИГРА, которое завершилось в 2008, тоже еще не очень «умно». ТИГР совершает некоторые продуманные прыжки. Европа изобретает Евро. Россия с Китаем изобретают ШОС. Америка избирает Обаму. Южная Америка – Уго Чавеса. Террористы используют чудеса НТР по полной программе. Это кризис, но кризис старого века ДРАКОНА, который закончился, но оставил свои следы, так как новый век ЗМЕИ еще не оформил своей идеи.

Наш гороскоп в некотором смысле и есть проявление идеологии века ЗМЕИ. Новая эпоха есть новая цивилизация. У новой цивилизации должен быть и новый гороскоп, и новый календарь – все новое. Конечно же, именно Россия должна изобрести все бренды такой цивилизации – недаром СССР начал свои радикальные реформы точь-в-точь в 1985 году. В ближайшее 12-летие КОТА миру предстоит начертать контуры новой мировой идеологии-мифологии. Теория-ум сначала всегда потешны, «несерьезны», развлекательны, прикольны. Рефлексия освобождена от прагматического возбуждения, возникают хорошие условия для чистого творчества. «Перезагрузка» в общем-то не плохой термин (и по форме, и по смыслу). Если мы вернемся к годам 80-м, то обнаружим пафос устранения «железного занавеса», устранения блокового мышления, но другие менее мечтательные силы сыграли другую карту. «Перезагрузка» – русское слово, предложенное черным американцем.

Итак, мы видим, что и политология тоже может оглядываться на гороскоп. И модальность прошедшего года КРЫСЫ (2008) с его кавказской 5-дневной войной, кризисом, терактом в Бомбее, сомалийскими пиратами тоже совпадает с модальностями, на которые указывает гороскоп этого года.

Константин КАБАЕВ

Иллюстрации взяты из книги П.И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы»

Славянский глобализм

Прошло уже 53 года, как я, восемнадцатилетний, покинул свою мордовскую деревню. Но почти ежегодно приезжал на родину, где вольно и невольно наблюдал, как моя мордовская деревня становится русскоязычной. Внуки моего брата незаметно превратились в русских людей, и теперь говорят, что они славяне. И мои дети и внуки, которые родились в Белоруссии, считают, что они славяне. Даже православная церковь творит молитвы за славян, коими народы России не являются.

Всему миру известно, что предки славян жили и живут на Балканах, селились по берегам Дуная, где сегодня живут югославы. Ведомо также, что славяне делятся на три группы: восточные, западные и южные. К восточным относятся украинцы, к западным – чехи, словаки и поляки, к южным – югославы. Так почему же весь российский народ превратился в славян, ведь народы с юга, с Дунайских берегов, в Россию не переселялись? Ее с древних времен населяли угро-финские племена. Да, украинцы в начале четвертого века новой эры перешли с Дунайских берегов на Днепр. Но, скажем, на озере Ильмень славяне никогда не появлялись. Об этом не писал древний историк Нестор. И, тем не менее, русских упорно называют славянами.

«Ильмень» с угорского языка на русский переводится как Ильинское, или Ильи Пророкское. А вот и другие мордовские слова с переводом на русский: пельмень – половинчатый, пичень – сосновый, сельмень – глазной, оймень – душевный, лепень – липовый, килень – березовый, чинь – солнечный и т.д. Еще в девятом веке норвежский исследователь Отера записал в своем блокноте, что все россияне, проживающие от берегов Балтики и до Урала, говорят на угро-финском языке.

Уж не с Карамзина ли началось это превращение? В его «Истории государства Российского» читаем: «Память Рюрика как первого самодержца российского осталась бессмертною в нашей истории, и глав-

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь.

Александр Блок

ным действием его княжения было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так как весь, меря, муромы, наконец, обратились в славян и приняли их обычаи, язык и веру». Но так ведь можно и найца сделать славянином!

Карамзин не мог не знать, что первые именные фамилии на вологодчине (1763 год) звучали на угро-финском языке: Баданин – от слова «бадан» – озеро на сенокосных угодьях; Бахтин – от слова «бахтить» – форсить, важничать; Безгодов – от слова «безгод» – очень старый. И такими словами наполнена целая книга В.А. Никонина «География фамилий». Автор пишет, что угорцы – меря, мурома и весь – получили свои фамилии в восемнадцатом веке на угорском языке. Значит, угро-финны еще в восемнадцатом веке были финнами. Как пишет в «Очерках мордвы» Андрей Печерский, меря, мурома и весь – племена одного с мордвой происхождения. Он же пишет, что мордва в старину давала своим рекам мужские имена. В старину верховье Волги меря называла «Ра». То есть Волга носила сразу три имени: Ра, Волган и Итиль. В Сибири и в наши дни реки текут под тремя именами. Москву-реку в старину мордва звала «Маскава», а латыши свою реку называют «Даугава». И эту же реку белорусы именуют «Западной

Константин Кабаев родился в дер. Кисленке Пильнинского района Горьковской области в 1939 году. Отец умер от ран в госпитале в 1942-м. Еще до школьного возраста работал в колхозе. Своей шапки не было – носил отцовскую. Жил в Могилеве, Барнауле, Нижневартковске. Работал механизатором, слесарем-сборщиком, мастером на мотороремонтном заводе. Историей родного мордовского народа занимается как любитель. В 2009-м в Екатеринбурге вышла его стихотворная книжка «Не только мордва – угро-финны». В «Уральском следопыте» печатается впервые.

Двиной». Как видим, угро-финская речь роднит народы и сегодня, когда имена рек звучат на одной музыкальной волне – «Маскава» и «Даугава». Так что норвежский исследователь Отера своей дальновидностью опередил некоторых умников древних и настоящих.

Мой брат три года служил в армии топографом в районе Кандалякши в Карелии. Однажды он случайно услышал в кругу молодых парней мордовскую речь и спросил, откуда здесь оказалась мордва. Но парни возмутились и ответили: «Мы не мордва! Мы карелы!» И такого народа не знаем. Это было в середине пятидесятых годов двадцатого века. И в этом эпизоде – вся нелепость российской истории. Мы – мордва, карелы и все угро-финские народы – оканчивали школы, но нас не осведомляли о братстве, а наоборот, замалчивали. И этот случай можно подытожить следующим образом.

Если посмотреть на карту России, каждый увидит, где живут карелы и где мордва, а речь у этих народов похожая, они понимают друг друга. А между карелами и мордвой жили в старину русские братья: меря, мурома и весь, у которых был один язык. Но как бы ни уродовали угро-финскую историю, все реки и озера в Европейской части России названы и звучат на угорском языке. Нам, угро-финнам, не составит трудности разобраться в названиях.

Возьмем для примера реку Керженец (в переводе «левое русло»), которая впадает в Волгу в районе Нижнего Новгорода. Если русский говорит «левое», то мордвин говорит «керж». Если русский говорит «правое», то мордвин – «выэть». От слова «керж» появилось новое слово на Руси – «кержаки» – они жили по берегам этой реки до церковных реформ. Нижегородская мордва – эрзя – называла реки мужскими именами: Теша, Вад, Киря, Алатырь, Сережа, Кудьма, Пенза и Волган. На Нижегородчине есть и другие реки, которые имеют перевод: Сура – палец, Андо – кормилица, а река Урга не нуждается в переводе. И населенные пункты мордва крестила мужскими именами на нижегородской земле. Древняя мордовская сто-

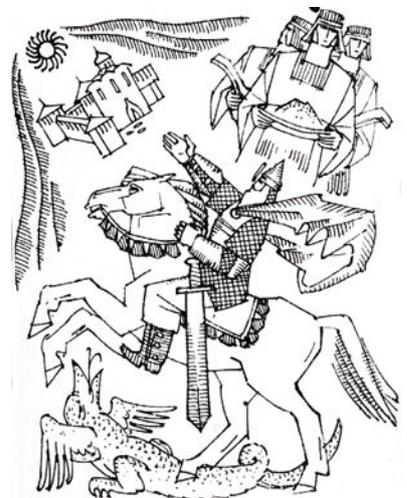
лица Арзамас первоначально называлась Эрзямаз – в переводе «Эрзя красивая». В селе Вельдеманове (ныне Пьянский Перевоз) родился сын мордовского народа патриарх Всея Руси Никон. В селе Пури («хмельное пиво») родился и вырос освободитель Москвы от поляков Дмитрий Пожарский. Его ополчение составляла мордва из окружающих деревень. Сегодня все хотят быть славянами, а кто такие угро-финны, знать и слышать не хотят. И если мы будем приветствовать такую историю, то никогда не узнаем истину. Потому что данные историки главное не заносят в нашу российскую историю. На окских раскопах археологи находят финно-угорские женские украше-

ния третьего и пятого века новой эры, но помалкивают о том, что окские финны – это мурома и мордва – эрзя, мокша и терюхане.

И не пора ли называть вещи своими именами? Что Михаил Ломоносов не русский ученый, а российский, так как он угро-финского происхождения – из поморцев. И Лидия Русланова не русская певица, а мордовская. И таких примеров не перечесть.

Возникает вопрос: почему же русских превратили в славян? А понять это можно просто. В древние времена наши предки были поголовно безграмотны, особенно в девярых и десятых веках, когда Рюрики образовали Киевскую Русь. А в Киеве уже были грамотные священники, они и навязали безграмотным угро-финнам православную веру и сказали, что они славяне. А безграмотный народ мог ли понимать, кто он есть на самом деле? Но не простительно, что то же самое повторяет и грамотная Русь.

Причислив угро-финские народы к славянам, дворянство и церковь увеличили славянский род и расширили свои владения без войны. Мы упрекаем американцев в невежестве, когда они утверждают, что Россия и Германия во Второй мировой войне воевали против США. А когда россияне считают себя славянами и небрежно относятся к своим братьям по крови – угро-финским народам, которые еще не обрусели, что можно сказать о нас?

Раиса ТОЛМАЧЕВА

Фото из юбилейного альбома «Памятники Верхотурья»

Верхотурский Кремль – начало шестидесятых

Весной 1958 года я училась на 5 курсе истфака УрГУ им. Горького. В мае был объявлен конкурс на замещение в Управлении культуры Свердловского облисполкома вакантной должности старшего инспектора по музеям и памятникам. Через много лет я узнала, что в конкурсе участвовало, как минимум, 12 человек, но почему взяли меня, не знаю до сих пор. По-видимому, приняли во внимание ряд обстоятельств: имела опыт работы в нескольких археологических экспедициях на Урале; увлекалась искусствоведением и собиралась получить (заочно) второе образование на профильном факультете; тема дипломной работы была связана с краеведческой тематикой; имела свердловскую прописку; была еще не замужем и могла свободно ездить в командировки.

В круг моих обязанностей входило инспектирование всех краеведческих музеев города и области, курирование деятельности культурно-просветительских учреждений и помощь им в работе (клубы, библиотеки) северо-восточного куста районов Свердловской области; организация охраны памятников истории и

культуры. Понятие «памятники» трактовалось широко – это были объекты археологии, архитектуры, скульптуры, истории Отечества. В первый месяц работы выступила с инициативой организации Среднеуральской археологической экспедиции за счет средств Министерства культуры РСФСР. В последующие 20 лет (возможно, и дольше) Министерство культуры продолжало спонсировать проведение подобных экспедиций вблизи от Свердловска.

Через год была проведена Уральская краеведческая конференция, в подготовке которой учитывался опыт предвоенных лет. Был создан Совет краеведения при Облисполкоме, в который вошел ряд видных ученых из УФАНА (Уральский филиал АН СССР), УрГУ, Свердловского горного и педагогического институтов, Областного краеведческого музея. Издавались сборники работ, связанные с краеведческой тематикой. Для активизации деятельности художественных музеев была установлена постоянная связь с Областным отделением Союза художников, а краеведческие были укреплены кадрами за счет выпускников УрГУ.

Раиса Павловна Толмачева – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук. Автор учебников и учебных пособий по экономической истории. В «Уральском следопыте» (2005, №5) под псевдонимом Лариса Павловская печатались ее воспоминания «Под гудки паровозов».

Город Верхотурье, как центр одноименного района, входил в состав северо-восточного региона области, сельские библиотеки и клубы которого я периодически посещала. Я знала, что еще в середине XVI в. русские первопроходцы заложили здесь острог, вокруг которого и вырос впоследствии город, ставший неофициальной столицей Урала. Точнее сказать, это был перевалочный пункт на пути с Урала в Сибирь. Но малоизвестным тогда был факт, что еще в 1698 году, т.е. в первые годы единоличного правления Петра I, в Верхотурье был заложен, а в 1703-1704 гг. построен красивейший Свято-Троицкий собор.

Впервые попав в Верхотурье, я была поражена красотой, изяществом и гармонией всех форм собора, очень удачным местоположением на холме в излучине реки Туры. Казалось, белоснежный красавец парит в воздухе, посверкивая своими пятью куполами. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что белизна его была обманчивой – с дореволюционных лет его не касались руки реставраторов.

От Верхотурского Кремля, в состав которого входил собор, оставались лишь палаты воеводы да ворота. В доме воеводы находилась ремонтная мастерская местной МТС, шум и вибрация от машин разрушительно действовала на стены собора.

По возвращении из командировки я обратилась в Управление культуры с предложением организовать реставрацию Свято-Троицкого собора, а если удастся, то и всего Верхотурского Кремля.

Надо сказать, что в то время во главе Управления культуры и Облисполкома находились умные, по на-

стоящему интеллигентные и ответственные люди: наше Управление возглавлял Аркадий Валентович Зимин, социальный блок в Облисполкоме вел Василий Тимофеевич Безуглов, а во главе Облисполкома стоял Константин Кузьмич Николаев, вскоре заменивший А.П. Кириленко на посту первого секретаря обкома партии. В разной степени, но они все поддержали инициативу Управления культуры о реставрации Верхотурского Кремля.

Я, как старший инспектор культурпросветотдела, ответственная за состояние памятников истории и культуры, охраняемых государством, а также за деятельность музеев, была в определенной степени подготовлена к организации реставрационных работ и контролю за их осуществлением. Сразу после окончания университета летом 1958 года меня направили на месячные курсы директоров областных музеев в Москву, где нас знакомили с состоянием некоторых памятников архитектуры, в том числе Московского Кремля. Через год, когда я уже инициировала возможное и посильное по средствам Министерства культуры РСФСР восстановление Верхотурского Кремля, прошел российский семинар реставраторов в Казани. Главным объектом для осмотра и консультаций был Казанский Кремль, где заканчивались реставрационные работы. Участники семинара убедились, что проведены были в основном ремонтные работы косметического характера. Но, по-видимому, Кремль в Казани не был в таком плачевном состоянии, как Верхотурский. Полностью восстановить Кремль в Верхотурье было невозможно: потребовались бы огромные

Северо-восточные ворота Верхотурского Кремля

средства и наличие в области квалифицированных реставраторов. Примерно за год до этого профессор Б.В. Павловский создал вечернее отделение искусствоведения при УрГУ, но реставраторов там не готовили. А будущий основатель Свердловского архитектурного института Н.С. Алферов, доцент УПИ им. Кирова, только еще готовился к защите докторской диссертации по истории сооружения промышленных зданий на Урале в XVIII-XIX вв., в том числе мануфактур времен Петра I, условно называемых демидовскими заводами и возникших еще до начала в России промышленной революции.

Учитывая все эти обстоятельства, в Управлении культуры были рады даже тому, что на поддержание (чтобы не рухнул!) Свято-Троицкого собора по нашему ходатайству было выделено 200 тыс. рублей. Предполагалось также побелить воеводские палаты и сохранившиеся фрагменты стен Кремля (ворота). Меня командировали в г. Соликамск Пермской области, где, помнится, находились единственные на Урале реставрационные мастерские. Очень холодной зимой 1959 – 1960 гг. мы с тогдашним директором нашего Областного краеведческого музея Ю.С. Фоминым прибыли в Соликамск и ознакомились с ходом реставрации некоторых культовых сооружений в городе. Договорились об организации в Верхотурье участка (филиала) Соликамских реставрационных мастерских во главе с молодым реставратором. Участок вскоре был создан, просуществовал ряд лет, видимо, до 1962 года включительно. Я к этому времени уже училась в аспирантуре УрГУ и не участвовала в работах на завершающем этапе.

Летом 1961 года меня направили на Всесоюзный семинар реставраторов в Ленинград, что очень расширило представление о характере восстановления памятников архитектуры.

Значительную помощь в работах оказали в 1959-1961 гг. специалисты высокого уровня: ст. архитектор соответствующего отдела Министерства культуры РСФСР Надежда Агалецкая; зав. отделом Минкультуры Н. Тарасов; доцент искусствоведения, а несколько позже – профессор Московского архитектурного института Владимир Владимирович Косточкин. Все они побывали на нашем объекте, убедились, что деньги используются по назначению, одобрили в целом ход работ. Не помню, чтобы были сделаны какие-либо критические замечания. Очень помог В.В. Косточкин, когда летом 1961 года встал вопрос о восстановлении на главном куполе Троицкого собора позолоченного креста. Таких прецедентов после 1917 года в Свердловской области не было. И мы с В.В. Косточкиным пошли на прием в обком партии к секретарю по идеологии М.А. Сергееву – будущему заместителю академика Вонсовского, главы УФАНА. Михаил Александрович в принципе не возражал против установки креста, но прежде поинтересовался: нельзя ли, все-таки сделать, как в Москве – установить не крест, а красный флаг. Мы энергично запротестовали, объ-

Колокольня Троицкого собора

ясняя, что Кремль в Верхотурье нам пока восстановить не по силам, уровень разный – Москва и Верхотурье!

Как бы то ни было, вскоре я проверяла установку креста на Свято-Троицком соборе. Было жутковато в очередной раз взбираться по качающимся доскам до самого купола. Дело в том, что в те годы строительные леса ставились без металлических креплений, все сооружение «ходило ходуном», и верующие старушки далеко внизу с замиранием сердца следили, как я карабкаюсь до самого креста.

Приезжая на наш объект, я проверяла, везде ли в залатанных дырах был заложен большемерный кирпич, найденный на развалинах часовенки в округе. Старинные кирпичи были в полтора раза больше современных и намного прочнее. Недобросовестного отношения ни разу не обнаружила. Везде, по необходимости, использовался большемерный кирпич! Решались и другие проблемы.

Итак, основные работы были сделаны, предстояла побелка собора, палат воеводы и ворот. На внутреннюю отделку нужны были дополнительные средства. Кое-что и было сделано. В помещении, по имевшимся сведениям, действовала одно время библиотека, собиравался материал для создания музея.

Осенью 1961 года закончился один из самых памятных периодов в моей жизни – участие в ремонтно-реставрационных работах Верхотурского Кремля. Свято-Троицкий собор стоит и поныне. Ходатайство того времени, поддержанное Москвой, о включении его в список памятников, охраняемых ЮНЕСКО, к сожалению, не прошло. Но в последующие годы там был создан музей-заповедник и появились надежды на проведение крупномасштабных работ по восстановлению во всей красе Верхотурского Кремля – последнего по времени постройки Кремля в России.

Любовь и картошка

Люди звали ее Клашей. Сама Она величала себя КлавдЕей Николаевной, если по отчеству, и была не молодой и не старой, не красивой и не уродливой, – «изробленной», как говорила о себе эта женщина.

– Всю жизнь в колхозе охобачивала, пахала без лошади, – любила Клаша повторять за чашкой чая.

– Руки оттого теперь ревматизму подверглись, топор держать не решаюсь – сына прошу дрова нарубить. Пилить только летом могу, а зимой и в варежках замерзают руки, кровь не проходит, – жаловалась она.

Моя бабуля подкладывала в розетку варенья из румяных ранеток, и гостя до последней капли позолоченной чайной ложечкой выскребала это варенье, так, что снова проступал на дне рисунок из розовых розочек.

Клаша жила в деревне Курманка и раз в неделю появлялась у нас с ведром картошки. Картошка у нее была красная, рассыпчатая, редкого сорта «Роза». Крестьянка получала трудовую колхозную пенсию – двадцать шесть рублей – и приторговывала укропом и картошкой.

Укроп был только летом, да и стоил копейки, а картошка кормила круглый год. Клаша приезжала в город на электричке, но шла мимо базара уверенно прямоком в наш дом. Картошки она несла на себе четыре ведра: два в рюкзаке на горбу и два в руках. Все наши соседи с радостью брали у нее картошку. Распродав три ведра, с четвертым Клаша шла к нам.

– Хорошо принимаешь, Михайловна! Поэтому к последней к тебе. Уважительная ты: и чаем напоишь, и про жизнь расспросишь, и устроишь полежать перед дорогой. Мне ведь от станции до дому еще три километра рысачить! Утром я их с трудом оттарабанила, под грузом шла, а теперь порожняя, да все равно не легко! Шутка ли, полдня в городУ!

Больше десяти лет утром по средам к нам приходила Клаша. Ее приходы оформились в некий ритуал, в котором каждый правильно играл отведенную ему роль. Бабуля перекладывала картошку из ведра в ящик, проверяла, нет ли резаной. Расплачивалась и ставила на плитку чайник.

Зеленую трешку крестьянка проверяла на просвет, сворачивала в квадратик, перегибая много-

кратно и бережно, завязывала в узелок большого и грязного носового платка, который по прямому назначению не использовался, а заменял кошелек.

На этом бизнес заканчивался, и бабушка с Клашей чинно усаживались чаевничать. На столе появлялась жестяная коробочка из-под цейлонского чая с колотым сахаром, щипцы для него, заварной чайник, печенье, варенье, синие позолоченные чашки, окаймленные золотой полоской розетки с нарисованными по дну цветами роз и чайные ложечки с инкрустацией.

За чаем бабушка вела с Клашей неторопливый разговор. Спрашивала всегда Басенька, а гостя отвечала ей обстоятельно и подробно. За полтора послевоенных десятилетия еженедельных чаепитий бабушка чего только не знала про Клашу.

Знала, как под конец гражданской она ездила в Читу забирать из госпиталя своего тогда еще жениха. Как в начале тридцатых ее обкулачили и ночью со всеми чадами и домочадцами «отлучили» от отчего дома. Как на грузовой барже сплавляли их вниз по Туре до самого Нижнетутыинска, где картошка росла мелкая, а редкая морковь не вызревала вовсе, тощая была, как мышиний хвост.

Не любила Клаша про войну вспоминать и про послевоенное лихолетье, зато с гордостью рассказывала про старшего своего сына Прошку – комбайнера, проживающего под Краснодаром, и младшего – Трошку – тракториста в Боярке, что рядом с Курманкой, через речку Гагарку, на другом берегу.

Нюрку свою жалела за многодетность и незадачливого мужа. Но уж сама Нюрка у нее – клубом заведовала другим на зависть, здесь же в Курманке проживала, к матери заходила часто, то деньжат занять, то детей закинуть.

Еще про трех дочерей отмалчивалась Клаша. Непочтительными считала. Высылали они ей по очереди почтовым переводом по червонцу целковых в месяц, и все: писем не писали, в гости не приглашали. Все уже замужем, а внуков даже не показали. Сглазит она их, что ли?

И про мужа, за которым Клаша в Читу ездила, когда он еще женихом считался, знала моя бабушка, что подженился он. Живет зажиточно, здесь в пригороде с чужой женщиной в районе железобетонного комбината. Посмотрел после Победы по сторонам: порушено подворье полностью, повернулся, плюнул и подался в город на заработки.

Евгения Гут (псевдоним в интернет-сообществе), в девичестве Воронина. Окончила свердловскую школу №110, потом филологический факультет Уральского госуниверситета. Прошла затем свои «университеты» на юге страны (Абхазия, школа в Гантиади) и Крайнем Севере. 20 лет живет и работает в Израиле. В «Уральском следопыте» публикуется впервые.

Бабушка с Клашей пили чай, а я сидела возле печки с книжкой в руках, делала вид, что читала. На самом деле мои «ушки на макушке», как антенны, были настроены на их странные разговоры про жизнь незнакомую, про травы целебные, про преимущества козьего молока перед коровьим и почему-то почти всегда про то, когда наступит полнолуние, и когда молодой месяц народится. Эти важные для них астрономические данные сообщались на листочках отрывного календаря, а зачем, я и по сей день не знаю.

После чаепития отдыхала Клаша на кушетке, в гостиной комнате. С трудом она стягивала сапоги, разматывала фланелевые портянки, сделанные из бывших детских пеленок.

Потом суежилась, собираясь на электричку. Поверх залатанных носков Клаша наматывала эти самые портянки, вталкивала натруженные ноги в кирзачи, складывала ведра одно в другое и оба – в рюкзак. Басенька всегда подкладывала ей что-нибудь в пустые ведра из ношенных, но еще пригодных вещей, и остатки сухого черствого хлеба – для козы.

Иногда и Клаша привозила нам подарки. Все ее подарки были ботаническими: большие головки спелого мака, стручки бобов и гороха.

Однажды, узнав, что папа готовится к защите диссертации, Клаша, можно сказать, обиделась, что ее недооценили.

– Что ж ты, Михайловна, раньше-то мне этого не сказала! Не чужие, поди?

Ровно через неделю она привезла в чистой тряпочке пять засушенных цветков татарника. – «Золотоголовка», – объясняла Клаша, – значит, золотая голова! Заваривать по одному в маленьком чайнике. Пить нужно трижды в день: утром, днем и вечером. Очень сильное средство! Для ума!

В этот свой приход еще за чаем Клаша спросила у меня, хорошо ли умею писать.

– Конечно, хорошо, – я и головы не повернула в ее сторону.

– Принеси тетрадку, покажи! – наступала гостья.

– У меня каникулы, зимние! Мы не учимся!

– А ты старую принеси, в которой до каникул писала, – не отступалась она от меня.

Я принесла. Клаша шелестела страницами минут десять: читала, листала, оценивала почерк или еще что, я не знала.

– И чего тебе ее тетрадка далась, чай стынет! – недоумевала моя бабушка, но, только долистав до обложки с таблицей умножения, Клаша успокоилась. Улыбаясь, она зачем-то размотала свою косынку, круглой гребенкой гладко зачесала назад еще совсем не седые волосы, зализала на висках наклюявленными пальцами, проверила наощупь на месте ли в ушах сережки и, положив локоть на угол стола, придвинулась к бабушке и зашептала:

– Отпусти девку ко мне! Я тебе на будущей неделе в среду ее верну. У нее каникулы! Пусть воздухом чистым подышит, молочка козьего попьет! Правда, коза у меня нынче никудышная, но девчонке хватит!

подстрочн. с армян., груз., китайск. и япон. языков. По просьбе С.М. Лукьянова написала «Воспоминания о Вл. Соловьеве» (напеч. в сб. «Российский архив» Вып. 11-111. М., 1992. С. 407 – 411 – в коммент. дата ее смерти – 1944). После рев. выступала с переводами в изд. «Всемирная лит.» О ней: Фидлер Ф. Первые лит. шаги. М., 1911. С. 234 – 246 (Автобиография Г.); В РГАЛИ среди рукописей Г. хранятся также стихотворения и воспоминания «Люди изобразительного искусства».

Русские писатели (портр); Венгеров. Источ.; Автобиогр.; Масанов; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 5991; Владиславлев; Розанов; ЛЖР; РГАЛИ. 7 (здесь г.с. 1944); Богомолов; Рогожин.

ГРИНЕР Вера Александровна (урожд. Альванг; 1890 – 1992), авт. воспоминаний.

Преподаватель ритмики в Театральном училище им. Б.В.Щукина. «Мои воспоминания о С.М.Волконском» \ \ Минувшее. М., 1992. Вып. 10. РРЭВД. 3.

ГРИНЧЕНКО Анастасия Борисовна (1884 – 1908), писательница и историк.

Дочь Бориса Дмитр. Гринченко. Венгеров. Источ.

ГРИНЧЕНКО Мария Николаевна (псевд.: Динко, М.; Доленко, М.; Загирня, М.; Чайченко, М.; 1863 – 1928), укр. писательница, переводчица, популяризатор.

Масанов; Венгеров. Источ.

ГРИППИУС А.

Авт. кн. «Три рассказа для детей» (1886).

ГРИШЕНКО Анна Петровна

Учит. Харьковской частн. жен. воскр. школы. Уч. в сост. кн. «Что читать народу» (СПб., 1884 и 1889, тт.1,2) – А.Г.

Масанов; Венгеров. Источ.

ГРИШИНА-АЛМАЗОВА Мария Александровна (урожд. Захарова), авт. воспоминаний.

Вдова ген. А.Н.Гришина-Алмазова, командующего Сибирской армией. (1918). Оставила воспоминания «Колчак и Пепеляев в тюрьме» \ \ Руть. 1921. 24 марта.

РРЭВД. 1.

ГРОБОВА

Содерж. литографии в СПб. (1885); издавала книги, напр., «Анналы Тацита» – лекции Помяловского, чит. в СПб. унив. в 1884-85 гг. СПб, 1885.

ГРОМАКОВСКАЯ Юлия Петровна, член Ленингр. об-ва драм. писателей, водевилистка.

Авт. драмы в 5 д. «Рафаэль», видимо, с кем-то в соавт. – Ю.Г. и Е.Х.

Масанов; Венгеров. Источ.

Продолжение в следующем номере.

Козье молоко с его полынным запахом я терпеть не могла, но в деревню к Клаше захотела. Басенька быстро прокрутила в голове все «за» и «против» и пошла звонить по телефону своей внучке – моей маме. Я же замерла в ожидании возле печки, зная, насколько бесполезно выкашивать свои желания там, где за меня взрослые решают.

Однажды я уже гостила в деревне у Клаши. Это было летом. Мы гуляли в лесу по зеленым полянам, рвали первые краснобокие ягоды земляники – оказалось, высматривали лужайки для тайного покоса. Утром назавтра, только рассвет забрезжил, пробирались по росной траве, как партизаны, к присмотренной вчера просеке. Косить на просеке неудобно, кошой не размахнешься – пеньки всюду. А Клаша косой и не собиралась – серпы взяла.

Зато сохло сено на просеке быстро. Только по поллитра земляники насобирали – оно уже высохло; сено просушенное сгребли, два заплечных мешка им набили и, как туристы, вышли из лесу. Запрет тогда был на покосы, вот и косили по лесным полянкам да старым просекам, крадучись. Запрет-то запретом, а козе сена все равно надо!

Еще мы тогда с Клашей травы целебные ходили собирать и в лес, и на болото. Она показывала, какую ей надо, а я бегала, искала, вырывала с крепким корнем. Потом, уже дома, мы травы эти увязывали тряпичными ленточками и развешивали для просушки на чердаке. Сколько там разной дурман-травы было: и веники березовые, вересковые, всякие. Клаша рассказывала, что и зачем, но я не слушала.

Вечером к Клаше пришла подружка – Стеша, они брагу пили, про «Варяга» пели, а потом дали мне старую-престарую книгу и сказали: читай вслух.

Я открыла и прочитала вслух то, что там по-письменному карандашом химическим было написано: «Корова гуляла 14 – X». Они посмеялись надо мной и велели читать дальше.

Я поняла, что читаю. «Сказки», – говорила про это моя Басенька. Бабушка Шура называла это предрассудками, а мама – «опиумом для народа».

Я прочитала две страницы, и Клаша сказала:

– Будет!

Я обрадовалась, потому что мне было скучно. Дома у нас никто этого не читает. Однако зачем-то у Басеньки лежит на дне сундука такая же книжка в серебряной обложке и с пряжкой.

Через день к Клаше пришла ее дочка Нюра и привела малолетнего Кольку. Она просила его полечить, но никакой болезни не назвала.

Вечером Клаша велела нам с Колькой березовых поленьев к бане натаскать. Колька, хоть ему и пяти лет еще не было, в поленьях разбирался и охাপку брал приличную. Воду Клаша сама на коромысле носила и мыла нас с Колькой вместе. Меня, намытую, она в предбанник отправила, а Кольку в баньке оставила для лечения. Мне было очень любопытно, и я прильнула к двери – стала подсматривать в щель. Клаша взяла колючий хвойный веник, вплела в него какие-то

длинные травинки, повозила веником по углям раскаленным, села сама на лавку, Кольку через колено перекинула. Она хлестала его быстрыми ударами и сзади, и спереди, и говорила при этом слова, которые я запомнила на всю жизнь:

Речка Гагарка!

Крутые бережка!

Серебряные камешка!

Не срысь, жопка!

Не ссысь, писька!

Колька сначала извивался на Клашиных коленях, орал и вырывался, но потом затих и лежал покорно уже вдоль пристенной лавки. Клаша стала хлестать его помягче и полегче, потом оглаживала веником, вытягивала шлепки и тоже разлеглась на большой лавке – на полке. Видать, утомилась.

Я гостила у Клаши еще целую неделю. Нюра Кольку никуда не забирала, и сама не появлялась. Если это и была Колькина болезнь – то его полностью вылечили. Клаша после этого стала казаться мне то лесной колдуньей, то доброй волшебницей, у которой я в сказочном доме гощу.

Утром мы с Колькой искали в курятнике свежие яйца, обрывали с грядки перья зеленого лука, дергали молодую морковь, сколько хотели. Мы ее даже не мыли, а только об себя вытирали от земли. До чего же она была вкусной!

Поспела в лесу ягода земляника, и мы каждый день ходили за ней с Колькой.

Клаша отпускала нас одних и давала урок – литровую банку. В лесу мы не брали ни одной ягоды в рот, пока банка не наполнялась с горкой. Горка на обратном пути начинала сыпаться, и мы съедали ее до ободка. Больше не ели до самого дому, зато останавливались и нюхали банки, втягивая ноздрями земляничный запах.

– Дух-то какой! – чуть позже говорила Клаша, пересыпая ягоды из банок в миску. Дни стояли знойные, и душистая земляника растекалась розовым соком. Вечером ягоды заливались парным молоком и ставились на стол. Чтобы мы с Колькой ели почестному, Клаша клала длинный кухонный ножик поверх миски, проводя им диаметральный сечение окружности. Это была граница – каждый ел только со своей половины.

Мама разрешила мне ехать с Клашей. Она велела бабушке проследить, как я оденусь, и собрать теплые вещи: шерстяные носки, валенки с галошами. На голову мама просила завязать теплую шаль поверх вязаной шапочки и варежек дать две пары.

То, что я не могла надеть на себя, было сложено в рюкзак, который бабушка прицепила мне на спину, оставив обе руки свободными. Клаше она отсыпала рису, макарон и сахару, дала баночку с топленным маслом, какие-то консервы и даже голландский сыр для завтраков.

Клаша отговаривалась, мол, ничего не надо, но бабуля моя была человеком жестким. Она в пререкания не вступала, а молча складывала кульки в опустевшее ведро из-под картошки.

Тогда еще не было полиэтиленовых пакетов, и все заворачивалось в газеты. Клаша радовалась, что есть бумага на растопку, и бабушка дала ей целый ворох «Правд» и «Известий», да еще и аккуратную стопку прошлогодних журналов «Коммунист».

– Обложку с названиями сожги в первый же день, – учила моя Басенька Клашу, – я и сама так делаю от греха подальше, а потом уж топи, как знаешь!

– Не бойся, Михайловна, – Клаша радовалась обилию бумаги на растопку, – у меня грамотных соседей не водится. Если бы водились, мне девка твоя и не нужна бы была. А мне грамотный человек нужен, надо письма писать! Бабушка засуетилась по части тетрадей, чернилницы-непроливашки и перьевых ручек. Клаша ее остановила решительно:

– Чернила и ручки имеются, а вот про чернилницу мне и в голову не пришло! Давай сюда склянку эту!

– Я тебе дам пластмассовую непроливашку – не разобьется в дороге, но с возвратом! Самим нужна: все в доме, как нарочно, пишут что-то, и каждый в своем углу! Ученый народ пошел, очень даже ученый!

– Верну, Михайловна, не беспокойся зазря: и девку верну, и чернилницу!

– Ладно, идите уже, а не то поезд свой пропустите!

По нашей улице Куйбышева мы шагали с Клашей так, что я еле успевала за ней. Дорога шла в гору, мимо вонючей фабрики, на которой делали лекарства, мимо рынка и забора лесоторговой базы, до самой железнодорожной станции «Шарташ». Денег на мой билет и мелкие расходы бабушка тоже дала – целых пять рублей.

В кассе Клаша взяла два маленьких картонных билета и получила предупреждение, что на Курманке поезд не останавливается, а только притормаживает. Поэтому надо не зевать – а вовремя прыгать! Не прыгните – до самой Белоярки доедите, а оттуда за светло и не выберетесь!

– Спрыгнем! – успокоила кассиров Клаша, – дело привычное! Всю жизнь возле нас не останавливается поезд, а только тормозит. Сейчас я порожняя, а утром-то с четырьмя ведрами картошки запрыгивала. Два проводнице подала, а с двумя заплечными коленку на подножку поставила, за поручни ухватилась и влезла.

– Слава богу и пресвятой богородице!

Клаша любила вставлять слова про божью милость, божью благодать, про заступницу-богородицу и святую троицу.

Я не очень понимала, где они явили ей свою милость или заступились за нее, но этих вопросов никогда не задавала.

Я надеялась всегда на родителей и бабушек, а Клаша уже всех детей вырастила, родителей схоронила... Вот и надеялась на бога и богородицу.

Сорок минут поезд шел до Курманки. Он останавливался на Истоке, в Малых и Больших Бруснях, а вот в Курманке – только притормаживал.

Мы благополучно спрыгнули и пошли по запорошенной тропинке к деревне.

Смеркалось, снег вокруг нас искрился и становился фиолетовым – Клаша шла быстрым шагом. Вдруг она остановилась и показала мне цепочку мелких следов на девственно чистом снегу:

– Заяц петлял! – обрадовалась Клаша непонятно чему. Потом погрузилась и высказалась с досадой:

– Догнала его лисица, значит, – нет уже того зайца в лесу.

Она произнесла это так уверенно, что я даже испугалась за зайца и за себя, подошла к Клаше поближе, на случай, если медведь появится.

– Спят сейчас все медведи. Повадка у них такая – спать зимой, не есть и не пить, а только лапу сосать, как маленькие детки сосут пустышку.

Курманка была уже рядом. На входе два огромных тополя, заиндевевших каждой своей веточкой, встретили нас. Клашин дом был по левую сторону улицы. Он стоял четвертым от края и был обычным бревенчатым пятистенком на шесть окон. Дом был напрочь лишен всякого украшения, обшивки и наличников. Широкие темные ставни и оконные стекла, замерзшие почти полностью, напоминали мне детские книжки-раскладушки. Ничего интересного в них я давно уже не находила. Калитка была закрыта на щеколду:

– Дерни за веревочку – дверка и откроется.

Зато дверь в избу была на двух засовах: один – с амбарным замком, а другой был заткнут ополовиненным черенком лопаты. С ним Клаша справилась легко: из-под крыльца она вытащила топорик, и тупым концом ударила пару раз снизу по черенку – тот выскочил из петли. Клаша упрятала его под крыльцо вместе с топором.

С амбарным замком она намаялась. Замок изнутри замерз: ключ вставлялся, но не проворачивался. Клаша стучала замком об дверь. Складывала трубочкой ладошки и дышала в замочную скважину до тех пор, пока замок не оттаял. Тогда она уверенно вставила ключ и отперла входную дверь.

Мы вошли в сени, зажгли электрический свет и изнутри закрылись на огромный крючок. Следующая дверь вела в горницу. Она была заперта на современный английский замок, плоский ключ от которого лежал под цветастым круглым половиком. Отперев эту дверь, Клаша пропустила меня вперед, заглянула в подклеть к козе, погасила свет в сенях и тоже вошла.

Я знала этот дом летом. Зимой он показался мне совсем другим.

В горнице царил полумрак, а в нем сверкали своей крахмальной белизной многочисленные салфетки и салфеточки, шторы и занавески с прошвой.

В правом углу – божница с иконами в венках из белых искусственных ромашек.

В левом – белоснежная кровать, застеленная белым пикейным покрывалом, из-под которого провисала кружевная прошивка подзора.

Подушки у Клаши стояли не лебедем, как у нас, – а лягушкой. Они тоже были накрыты ажурной накидкой, похожей на фату невесты.

– Чего уставилась? Раздевайся! Сейчас затопим на ночь, повечеряем и спать.

Клаша, усевшись на широкую скамью, попросила меня помочь стянуть с ее ног кирзачи. Она удивилась, что я не там за них ухватилась:

– За пятку берись! За пятку, девка! И тяни на себя!

Я потянула изо всех сил и отлетела к печи со стянутым сапогом. Клаша засмеялась, но не зло. Я тоже заулыбалась.

Второй сапог я уже стягивала правильно, хотя с преувеличенным усердием.

Навык этот, приобретенный в зимней Курманке, в жизни мне пригодился.

Так же мы стягивали резиновые сапоги в деревне Приданниково, отработав на картофельном поле часов по двенадцать. Так же я потом стягивала мамины модельные сапоги-чулки без молний, – ей уже была нужна ортопедическая обувь, но она ходила в модельной.

Клаша размотала портянки и сунула свои ноги в чуни – обрезанные валенки.

Я поняла, что это домашняя обувь. И для меня нашлись у Клаши чуни, слегка великоватые, но теплые, как будто прямо с печки.

Между печкой и стенкой был проход, там была прибитая к стенке вешалка.

Всю верхнюю одежду: черный ватник, мое пальто и обе шали – Клаша повесила там со словами:

– И высохнут, и будут теплыми назавтра!

Я рассматривала комнату и мебель, и браню татарскую скатерку, и кровать, и лавки, но думала:

– «А где же туалет? – я помнила, что летом он был в углу за огородом. – А зимой?»

– Клаша! – спросила я. – А где уборная?

– Ты чо? Забыла что ли? На огороде! Утречком по свету сходишь!

А малую нужду можно справить и во дворе! Подальше от крыльца – возле сарая! У самого крыльца нельзя! Спать у крыльца – большое непотребство! По-городскому это – не культурно!

Почти каждая фраза Клаши или ее действие расширяли мое представление о культуре...

– Мне пока не надо! Я просто так спросила, – застенялась я.

* * *

Клаша развязала узел своего заплечного мешка, переложила в продуктовую укладку все крупы, макароны, полученные от бабули, и вывалила на жестяной лист перед печью все газеты и журналы.

– Оборви с голубых журналов обложки и первые страницы! Как Михайловна велела! – скомандовала Клаша, и я, не медля ни минуты, занялась этим легким делом.

Сама она взяла тонкое березовое полено, сделала ножом надрезы на коре и ободрала с полена бересту. Тем же ножом она лучинок нащипала и вывалила на жестяной лист из чела поленьев десять, что там сохли сутки.

Я к этому времени со своей работой справилась, и Клаша дала мне новую работу – скомкать по отдельности каждый вырванный листок.

Сама она тем временем выгребла совком из печки и из поддувала всю старую золу. Совсем стемнело. Ветер поутих. Клаша позвала меня с собой во двор, накинув мне на плечи бабушкину шаль, а себе татарский клетчатый платок.

Всю золу она рассыпала, с крылечка не спускаясь, как будто подмигнула мне, и обе мы по снегу пробрались к сараю. Присели мы и пожурчали в унисон. Облегченные, взошли на крыльцо, но в дом Клаша не торопилась. Она рассматривала почти фиолетовое небо, втягивала в себя морозный воздух, мяла в пальцах чистый снег и под конец сказала:

– Морозно завтра будет! Дым у всех соседей не стелется, а вверх идет, столбом. А снег не выпадет ни ночью, ни назавтра. Мы утром снег расчистим во дворе и в огороде тропинку до уборной! Все расчистим завтра утром! Сейчас – быстрее в дом!

Клаша подхватила порожнее ведро, закинула крючок в петлю, и мы обе вошли в дом, почистив лысым ячменным венником свои чуни.

Огонь в топке стремительно побежал по двенадцати обложкам «Коммуниста», он запалил и бересту, и тонкие лучинки. Тяга была сильной. Клаша заложила ровно половину березовых поленьев и прикрыла вьюшку, чтобы помедленней горело, чтобы грело и дом, и печь. И литую дверцу на всякий случай Клаша подперла кочергой снаружи.

– Вечерять будем, – скомандовала она.

– Кто-то в гости к нам идет! Смотри, что Мурзик вытворяет!

Мурзик лежал на сундуке. Я знала, что сундук Клаша редко отпирает, но бережно хранит фигурный ключ на полке за иконой. И музыка у сундука, точнее – у замка, особенная, про Августина:

«Ах, мой милый Августин! Все прошло, все прошло...»

Кот вылизывал себя с необычайным прилежанием, для этого он принимал всякие позы, позволяющие дотянуться языком до самых отдаленных мест.

Клаша открыла подпол, подала мне пол-литровую банку молока и небольшой комок творога в марле.

По стремянке она бойко поднялась наверх, закрыла свое подполье и застелила люк круглым половиком. Все половики у Клаши были круглые, и половиков было много. В некоторых вязаных рядах я узнавала по расцветке свои, мамины и бабушкины старые платья.

После ужина, едва мы успели вымыть посуду, пришла Стеша. Я ей не очень обрадовалась, думала, что заставит меня читать «божественную книгу».

Я ошиблась. Стеша в своей черной хозяйственной кошелке, точно такие были у половины женщин в нашем городе, принесла лото: бочонки с цифрами и таблички. А вместо фишек – дореформенные «пятнадцички» в банке из-под майонеза. Часа два мы играли в лото. Сначала по одному листу таблиц у каждого, потом по два, и под конец – по три. Выигрывала Стеша. Мы с Клашей начали за ней следить: а вдруг она мухлюет? Сами от этого стали играть еще хуже, просто пропускали номера в своих карточках. Мы с Клашей выиграли всего-то раза по три за целых два часа. Когда я выиграла в четвертый раз, Стеша собрала бочонки в самошитый ситцевый мешочек. Затянула продернутый вместо резинки шнурок и завязала мешочек с бочонками тем же узлом, которым Клаша завязывает свой тяжелый заплечник с картошкой.

Стеша ушла, а мы стали собираться спать.

Клаша искрошила полбулки хлеба в миску и залила хлеб беловатой водой из банки, в которой оставалось немного молока – козе. Коза была всю зиму не в сарае, а в подклети.

Мы с Клашей еще раз дружно пожурчали в снег, а на ночь, на всякий случай, Клаша поставила ведро, в которое она золу ссыпала. Дрова сгорели полностью.

Проверив, не теплится ли в углях огонек, хозяйка до конца закрыла вьюшку.

Я думала, что Клаша, как моя бабушка, начнет разбирать свою постель, складывать накидки и покрывала...

Как юнга по веревочной лестнице взбирается на мачту, так Клаша взобралась по прибитым к стенке планкам на полаты и позвала меня. Не раздеваясь, мы укрылись огромным тулупом. Я уснула быстро и крепко, а, когда проснулась, Клаши не было со мной, в окно светило солнце... Я с полатей слезла – и к сараю.

Передо мной был полностью расчищенный от снега двор и аккуратные сугробы. Клаша работала большой фанерной лопатой на территории огорода и заканчивала лепку сугробов с двух сторон дорожки, ведущей к домику неизвестного архитектора.

Сам домик изнутри был чистым и уютным, но холодным. Скребок лопата стояла там в углу. На длинном гвоздике висел журнал – вчерашний, без обложки.

Семь дней я гостила у Клаши. Зимой в деревне тоже интересно: кормить козу и кур, на лыжах в лес ходить за ветками, за чагой – это гриб березовый, целебный. Или брать замерзшую бруснику с клюквой из-под снега. Пусть немного, но очень вкусно – лучше леденцов!

Спать на полатах мне понравилось, пожалуй, даже больше, чем у нас на сундуке с покатою крышкой...

Мыться в бане за огородом и хлестать друг дружку венником приятней, чем в общей бане с номерками на резинках. Понравилась мне сельская зима! Я даже не скучала без чтения, без книжки.

В день мы писали по одному письму для Клашиных детей. Для всех, наверно, кроме Нюры.

Нюра заходила с Колькой и Тamarкой. Сказала, что зимой не возьят к ним кино, поскольку дачников в деревне нет и некому смотреть!

Старухи не придут, а ребятишек мало...

Она своих детей везла в Брусяны, – в интернат.

Все письма к детям были близнецами. Менялись только обращения: имена детей, мужей и жен, и внуков. Всех Клаша помнила по именам, и даже тех, которых не видала.

На жизнь она не жаловалась вовсе, писала только, что нет прежних сил, поэтому она уже три года без коровы, но козочка дает немного молочка.

Писала про дрова, про травное лечение ревматизма, которое ей мало помогает, про покосы, варенья и засолку огурцов.

С Кубани попросила семена для помидоров и луковки нарциссов. Я помню, и у нас ей нравились лилейные цветы в горшках, а во дворе саранки: оранжевые с черной серединой.

У нее такими были маки! Коробочки у маков вызревали размером с яйцо от молодой наседки. Это тоже редкость! И вкусным был у тети Клаши мак! Я в детстве ела много мака. Он был нам вместо шоколада и конфет, которых было мало.

Последнее письмо писали мы полвторника: с обеда и до ужина писали мы всего один ответ.

Сначала Клаша попросила, чтоб я прочла ей с выраженьем вслух письмо, которое она хранила за иконой на божнице в конверте, вскрытом ножницами, аккуратно.

Я прочла. В конце лишь только поняла, что автор этого письма – пропавший Клашин муж. «Мой муж – объелся груш», – поговорка, а может, поговорка эта была в то время в моде. Много их – пропавших и сбежавших было. И это, не считая без вести пропавших и убитых, и сгнивших в лагерях у немцев, и у нас...

Один из них, сбежавших от судьбы, искавших легкий путь, был Клашин муж.

Наверно, он писал и плакал безутешно. Себя он называл бесчестным подлецом, предателем, Иудой, полоумным идиотом, паршивым кобелем.

Во всем винил Шайтана, который бесов на него наслал. А он, по слабости своей, поддался искушению и лет пятнадцать с бесами дружил.

Теперь чертовка умерла – и он прозрел! Он осознал свои ошибки и готов исправить.

– Возьми к себе! – молил мужик в конце письма, – я виноват, но каюсь. А тем, кто кается, всегда прощает бог. Ты же, КлавдЕя Николаевна, добрее бога! Прости!

Прости, и в дом впусти! В пустыне я дичаю, молюсь о милости Всевышнего...

Тебя же, Клаша, величаю по имени и отчеству, и буду величать. Я – червь земной, но ты – моя икона, ладанка моя, которую я глупо потерял, а вот теперь нашел...

О милосердии молю я христианку и верю: не откажет мне она.

* * *

Я дочитала – Клаша заревела, ушла за печь и долго рукомошкой гремела. Гребенкой волосы чесала и опять сплетала в косы. Я дожидалась Клаши и того, как отвечать на жгучие вопросы.

Лицом я сидела к белоснежной натопыренной кровати, на которой, оказалось, пятнадцать лет никто не спит. Она стоит как посмертный памятник Любви, которая так подло предала сама себя в послевоенном жутком лихолетье... в сорок седьмом году...

Ответ мне Клаша диктовала трижды. Я писала, потом читала вслух, но что-то получалось не совсем, как надо, как хотелось Клаше.

Она мучительно искала слова. Это был ее реванш – ее отмщенье. И гордость, и гордыня, и обида, непогребенная Любовь и жалость, – будто пирамида выстраивались в холодность письма:

«Почтенный мой супруг!» – по имени и отчеству она его не стала величать, как всех других почтовых адресатов. И я спросила:

– Почему?

Ответила мне Клаша с раздражением:

– Много чести! Пиши все так, как буду говорить! Ни слова не меняй – я все проверю! Я только не могу сама ему писать! Я захлебнусь слезами! И ты, я вижу, – девка с чувством! Только ты не плачь! Он – мой! А ты еще наплакаться успеешь! Пиши!

«Премного удивилась, когда от Вас мне почта-льон принес письмо в конверте. Я треугольники храню. Ты с фронта слал мне письма без конвертов, и я хранила их годами на божнице. Я и теперь их все еще храню в закрытой банке в погребке, чтобы никто их не нашел. Я знаю, что моей молитвой ты на фронте выжил. Выжил, чтобы потом так подло все предать.»

Письмо в конверте я открыть боялась. Сердце билось шибко. Я на конверт, письма не открывая, два дня смотрела. Просто остывала от ярости, вселившейся в меня. Потом явилась наша Нюрка с внуками и денег попросила. Я полезла в подпол – все скопленное там держу. Ей много надо было на дорогу и на жизнь. Танюшка у нее тогда в больнице год лежала с остеомиелитом. Пока я лазила и доставала деньги, дочь почерк твой узнала и надрезала письмо ножом, как ножницами, ровно получилось. Нож-то острый! Я завсегда сама его точу. А Нюрка прочитать письмо успела, все от начала до конца. Она ведь старшая у нас! Одна тебя и помнит четко, всесторонне. Как баба, понимает, что хоть и с орденами ты, но вовсе не герой, а трус последний и предатель подлый. На сладкое польстился – на чужой достаток!

Свое же горе на меня оставил: при живом отце мальчишки безотцовщины хлебнули, а девочки – сиротства.

Я вылезла из голбца* – Нюрка плачет и говорит чуть слышно мне:

– Не смей его жалеть! Пусть мается!

Нюрка мне письмо и прочитала, и плакала со мной. В больницу опоздала к Таньке в этот день – на поезд не успела, осталась у меня.

Ох, напились мы с ней брусничной браги! Мать и дочь!

Она за всех сказала, что такой отец сегодня никому не нужен. Паршивый, шелудивый и блохастый, даже и кобель еще – а все равно: не нужен! И на этом точка!

Мне было очень трудно без тебя. Ведь шестеро детей, колхоз, порушено хозяйство...

А ты – единственный из всей деревни с войны вернулся вроде бы живой! Вернулся – все увидел – и сбежал!

Сначала я надеялась, на заработки... в город...

Потом уж поняла, что город близко, а ты не приезжаешь. Значит – выбыл навсегда. И я тебя в душе похоронила, как героя. И младших убедила, что, как все в деревне, ты погиб на фронте. Но, может быть, и жив, и где-нибудь в плену...

Они со мною спорили, кричали, что не мог ты в плен попасть:

– В плен попадают только трусы! А наш отец – герой! Не мог он сдаться в плен! Я сказку для мальчишек сочинила, что ты погиб геройски.

Сначала правду знала только Нюрка, потом все девочки узнали правду и тоже из деревни убежали. Все три – в отца, наверно, получились... Я не сужу их – бог для них судья. И для тебя – не я, а бог...

Я грех еще один беру сознательно – я не прощаю! Молись! И, может быть, тебя услышит бог! И, может быть, призреет! Ведь безграничны милости его, но не мои! И ты сегодня – старый и бессильный – забудь мой дом, как позабыл меня, своих детей, и землю нашу, и хозяйство. Для нас ты умер – в Праге был убит.

Я проклиная день, когда с тобой венчалась в церкви!

Но ни разу клятв не нарушала! Хотя могла нарушить и в достатке жить! Ты знаешь, как красива я была! Но клятв своих я никогда не нарушала. Глупость...

Мне бог простит гордыни грех – иссякло милосердь! Живи, как хочешь. Про меня забудь!

Деревня Курманка, январь 1962»

Утром мы вышли на полустанок, запрыгнули на подножку сбавившего ход поезда и вышли уже в городе. Клаша перла четыре ведра картошки.

* Уральский диалект: голбец – подпол.

Михаил ФОНОТОВ
Фото В. В. Садырин

Изгой смиренный

Имя — клоповник. Запах — смутно-чесночный. Облик — неряшливый. Цветочки — мелкие, невзрачные, одно название. Листья — не больше чем намек, обрывки тонких ниточек, только бы отметиться. Что есть, так это — семена, плоские, округлые, на черешочках. Ими усеяны длинные, проволочно-упругие ветки. Однажды я обратил внимание на необычно большой куст клоповника, который прижился у садовой ограды. Он весь был обильно обсыпан семенами. Я сосчитал их на одной ветке — 230. Сосчитал веточки — 110. Перемножил одно на другое. Потомство, которому куст клоповника даровал жизнь, насчитывало 25 300 семян. В семенах — смысл клоповника.

Однажды я подслушал мысли клоповника о самом себе. «Жирная рыхлая земля мне в жизни вряд ли достанется, — размышлял клоповник. — И поливать меня теплой водичкой никто не будет. Хорошо, если где-нибудь на обочине приспособлюсь. И думать нечего, чтобы подняться высоко, распустить пестрые цветы, благоухать тонкими ароматами. Нет, красота, какая-то там грациозность, до-

сужее кокетство не для меня. Проткнуть бы землю, протянуть росток, кое-как отцвести — и сразу, без промедления, закладывать семена. Ни на что другое нет ни времени, ни условий, ни желаний». Так думал клоповник. И в самом деле, на мягкой земле ему места нет. Где песчаный пустырь, утоптанная и даже утрамбованная тропа, там клоповник. И ничего, приспособился, растет себе смиренно, не жалуется, утешает себя тем, что кто-то должен обитать и на твердом сухом грунте. Кстати, если клоповник вырвать с корнем, он не завянет сразу (и вянуть-то нечему, влаги в нем почти нет.) Через несколько дней он такой же бравый. Только слегка побледнел. А семена подсохли и осыпаются, снизу вверх по веточке. Но и на корню они сохли бы в те же сроки и в том же порядке... А что, и в мире растений есть изгой? И клоповник — один из них? Хочу в этом усомниться. Клоповник — не изгой, он — скромный и смиренный победитель собственной судьбы. Он прост и груб, он лишен излишеств, украшений, в нем все сведено к сути. Клоповник — это максимум жизни при минимуме условий.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Издательский дом «Уральский следопыт»
представляет журнал

ЗВЕРОБОЙ
ЖУРНАЛ ОБ ОХОТЕ И РЫБАЛКЕ НА УРАЛЕ

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Соревнования «Кубок мастеров» дали повод более детально разобраться в ловле карпа в корягах.

Элитные ружья Центрального конструкторско-исследовательского бюро спортивно-охотничьего оружия.

В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН
МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «КАРАГАЙСКИЙ БОР»
БАССЕЙН 25 м
САУНА
ТУРЕЦКАЯ БАНЯ
КОМИССИЯ ТУР - АГЕНСТВАМ УВЕЛИЧИНА!

СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

СУТКИ С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.

ОТДЫХ от 600 р.

ПУТЕВКИ ВЫХОДНОГО ДНЯ от 660 р./сут.

ПРОКАТ СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ

ЛУКС БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.

СКИДКИ для ДЕТЕЙ до 40%

СКИДКИ 10% ПЕНСИОНЕРАМ И БЮДЖЕТНИКАМ

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

ПРОКАТ СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

ПРОКАТ СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(35143)
2-37-01,
8-351-900-78-01
Челябинская обл.
Верхне-Уральский р.
Санаторий
«Карагайский бор»

(351)
260-25-87
г. Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

УРАЛЬСКИЙ
спелеолог

ISSN 0134 - 241X

www.uralstalker.com

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

КАСЛИНСКИЙ КАРАВАННЫЙ

НА ФОНЕ МАНРАГИ

ИЮЛЬ
2010 (№637)

МАСТЕР СПЛАВА

А ОЛЕНИ – ЛУЧШЕ...

(стр. 2)

НИКОЛАЙ КУРИКОВ ДЕМОНСТРИРУЕТ НОВУЮ ЛОДКУ

Традиционная мансийская лодка, как и олени, уходит в прошлое... (Фото А.Слепухина)